

ISSN 2500-2988
УДК 32:93:316

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2023. Т. 14. № 1

**Учредитель
и издатель:**
Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии
- 5.5.3. Государственное управление
и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – **85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2023. Vol. 14. No. 1

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий факультета прикладной политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the School of Oriental Studies of the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, State University of Education, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, State University of Education, Russian Federation

Содержание

DIES ANNIVERSALII

75-летие профессора А.И. Юрьева:
некоторые штрихи к портрету ученого
и преподавателя 11

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

К.В. Кременецкий
Лгут взапуски. События «Кровавого воскресенья»
9/22 января 1905 г. на страницах европейской прессы 14

М.Е. Яковлев
«Ментальная карта» современной российской
исторической науки: страноведческие приоритеты
в докторских диссертациях (2014–2020 гг.) 37

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Э.А. Крылова
Герценовские издания и офицерские кружки
на русском флоте в первой половине 1860-х гг. 50

Д.О. Чураков, А.В. Лубков
Рабочий класс и его партия в годы
Гражданской войны в России:
противоречия, компромиссы, союз. 63

В.Н. Горлов, С.Н. Артёмов
Переход на микрорайонный принцип
застройки Москвы во второй половине 1950-х –
первой половине 1960-х гг.:
противоречия становления и развития 79

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Р.А. Маруф
Особенности жилища в докерамический период неолита
(территория Сирии) 98

М.Д. Петров
«Военная революция» на Западе и политические изменения
в елизаветинской Англии (1558–1603 гг.) 107

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

С.А. Чернышов

Политические коммуникации и историческая политика
в домодерных сообществах 125

А.М. Родригес-Фернандес

Внешние воздействия и изменения
социокультурной среды арабских обществ
в XX веке 142

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*Р.Р. Тухватуллин, У.Н. Кудашев*

США и итало-сомалийское
военно-техническое сотрудничество
в 1970–1980-е гг. 153

У Яньбинь

Индо-Тихоокеанская стратегия Великобритании:
историческая ностальгия, ответы безопасности
и амбивалентность в отношении Китая 166

Contents

DIES ANNIVERSALII

75th anniversary of Professor A.I. Yuryev:
A few touches to the portrait
of a scientist and teacher 11

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

K.V. Kremenetski
“They are lying”. How European newspapers described
the events of “Bloody Sunday”
on January 9/22, 1905. 14

M.E. Iakovlev
“Mental Map” of modern Russian historical science:
Country-specific priorities
in Doctoral dissertations (2014–2020) 37

RUSSIAN HISTORY

E.A. Krylova
Herzen publications and officer circles
in the Russian Navy in the first half of the 1860s 50

D.O. Churakov, A.V. Lubkov
The working class and its party during the Civil War
in Russia: Contradictions, compromises, alliance 63

V.N. Gorlov, S.N. Artemov
Transition to the microdistrict principle of Moscow development
in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s:
Contradictions of formation and development 79

GENERAL HISTORY

R.A. Marouf
Features of the dwelling in the pre-ceramic period
of the Neolithic (territory of Syria) 98

M.D. Petrov
«Military revolution» of Western Europe
and political transformation
in England during the reign of Elizabeth I 107

THEORY AND HISTORY OF POLITICS

S.A. Chernyshov

Political communications and historical politics
in premodern communities 125

A.M. Rodrigues-Fernandes

External influences and changes
in the socio-cultural environment
of Arab societies in XX century 142

INTERNATIONAL RELATIONS:
HISTORY AND PRESENT DAY*R.R. Tukhvatullin, U.N. Kudashev*

USA and Italian–Somali military-technical cooperation
in the 1970s–1980s 153

Wu Yanbin

Britain's Indo-Pacific strategy:
Historical nostalgia, security responses
and ambivalence towards China 166

75-летие профессора А.И. Юрьева: некоторые штрихи к портрету ученого и преподавателя

13 марта 2023 г. исполнилось 75 лет со дня рождения профессора, доктора исторических наук Александра Ивановича Юрьева, работавшего профессором кафедры новейшей отечественной истории Московского государственного педагогического университета (МПГУ) в 2016–2022 гг. Эти годы стали для Александра Ивановича временем плодотворной работы с целеустремленными и благодарными студентами, успехов в преподавательской и научной деятельности. За этот в целом небольшой период времени он оставил яркий след в истории кафедры новейшей отечественной истории, исторического факультета и всего Института истории и политики МПГУ.

А.И. Юрьев пришел в МПГУ уже полностью состоявшимся ученым-историком и опытным преподавателем. За его плечами была работа в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого, где он прошел путь от старшего преподавателя до профессора и проректора вуза, в Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова, где он, защитив докторскую диссертацию, находился вначале на должности профессора, а затем руководил кафедрой отечественной истории.

Работая на кафедре новейшей отечественной истории в МПГУ, А.И. Юрьев показал себя авторитетным ученым и блестящим, креативным преподавателем.

Для А.И. Юрьева в научно-исследовательском труде главными историческими источниками всегда были архивные документы и материалы. По его мнению, только на основе тщательного изучения, прежде всего, архивных источников по выбранной теме, их перекрестного сопоставления и критического анализа можно делать обоснованные выводы.

А.И. Юрьев выступает противником чрезмерных обобщений, ратуя за предельно вдумчивый анализ исторических фактов, основанных

на конкретных источниках, требуя этого же от своих учеников. Кроме того, А.И. Юрьев – последовательный приверженец тщательной проверки информации, полученной из работ других историков.

А.И. Юрьев является убежденным сторонником «старого» академического стиля в научных публикациях, не допускающего витиеватостей, пристрастного освещения исторических событий, чрезмерных вольностей и эмоций. Его научные работы отличаются четкими формулировками, немногословностью, использованием кратких предложений. При отсутствии внешней эмоциональности, даже, в какой-то степени, при сухости стиля, каждая его фраза несет в себе четкий смысл и исключает двусмысленность в понимании.

Важным качеством научного творчества А.И. Юрьева было корректное и уважительное отношение к трудам своих предшественников, даже если он и не был согласен с какими-то сторонами их концепций. Эту черту он всегда пытался привить и своим ученикам. При этом корректность у него соседствовала с принципиальностью. А.И. Юрьев никогда не подлаживался под конъюнктуру, не называл черное белым, всегда высказывал собственное мнение. А.И. Юрьев – автор более 150 научных публикаций, среди которых монографии и статьи.

Особым научным и учебно-методическим увлечением А.И. Юрьева является издание учебной литературы. Преподавателям и студентам хорошо известны его учебники и учебные пособия: «История России (IX – начало XX вв.)», «Новейшая история России: февраль 1917 – начало XXI века», «История отечественной культуры» и др.

При этом А.И. Юрьев никогда не гнался за чрезмерным приумножением своих трудов, издавал их по мере «созревания», поэтому в каждом из них отражена частичка накопленного опыта и знаний ученого.

Как преподаватель А.И. Юрьев снискал искреннее уважение студентов. Их увлекала его манера чтения лекций. Студенты отмечают, что благодаря хорошо поставленному голосу и ясной, четкой речи, произносимой спокойным, ровным тоном, Александр Иванович по праву мог быть уверен, что его услышит даже в большой аудитории каждый студент на лекции. Поражает студентов его умение находить правильные слова в любой ситуации, выразаться кратко, но емко. Если говорить о его умении создавать в своих лекциях некую «разрядку» на лекционных и практических занятиях, в напряженном студенческом труде, то здесь Александр Иванович был вне конкуренции – он производил обезоруживающее впечатление своими оригинальными и остроумными, всегда уместными шутками.

Студенты относятся к А.И. Юрьеву с истинным почтением, едва скрываемым восхищением, таким образом, признавая его неоспоримый

авторитет и бесспорное лидерство. Они отмечают высокие профессиональные качества Александра Ивановича, благодаря которым он умел вызвать стойкий интерес и стремление к освоению преподаваемых им дисциплин.

Заслуги А.И. Юрьева как ученого и вузовского преподавателя не остались без внимания властей. За многолетнюю и плодотворную учебную и научную деятельность ему было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Нам особенно приятно отметить, что Александр Иванович был одним из основателей нашего журнала, войдя в 2010 г. в его редакционную коллегию в качестве заместителя главного редактора. Эти обязанности он исполнял до середины 2013 г., после чего, вплоть до выхода на пенсию в 2022 г., был членом редколлегии нашего журнала.

Поздравляя Александра Ивановича Юрьева с 75-летним юбилеем, желаем ему здоровья, хорошего настроения и крепости духа.

*Редколлегия журнала
«Локус: люди, общество, культуры, смыслы»*

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-14-36

К.В. Кременецкий

Нью-Йоркская киноакадемия,
91505 г. Бербанк, Калифорния, США

Лгут взапуски. События «Кровавого воскресенья» 9/22 января 1905 г. на страницах европейской прессы

В статье рассматривается, каким образом европейские газеты рассказывали о беспорядках в Петербурге 9/22 января 1905 г. Иностранные корреспонденты объявили о начале революции в России. Была поднята кампания пропаганды и дезинформации. Появлялись рассказы о массовых жертвах, о неспровоцированной жестокости войск. Особой популярностью пользовались сообщения о гибели женщин и детей. В рамках рассказа о революции объявлялось о бегстве из Петербурга царя Николая II, о планах оппозиции по созданию Временного правительства. Значительную роль в создании информационной картины событий в Петербурге сыграл корреспондент английской газеты «Дейли Телеграф» в России Эмиль Диллон. Разные версии одного и того же сюжета распространялись различными изданиями. Сообщения иностранных газет оперативно переводились издававшимися в Европе диссидентскими русскими газетами. На их страницах сообщения иностранных корреспондентов превращались в письма и рассказы очевидцев. Статьи из иностранных газет пересказывались либеральной прессой в России для антигосударственной пропаганды. В целях

© Кременецкий К.В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

пропаганды использовались карикатуры и фотографии. Фотографии, сделанные на улицах Петербурга в дни, последующие за воскресными беспорядками, объявлялись сделанными 9/22 января. О лживости иностранных газет писали аккредитованные в Петербурге иностранные дипломаты и сообщала пресса.

Ключевые слова: «Кровавое воскресенье», пропаганда, январский мятеж 1905 г., Максим Горький, Эмиль Диллон, Этьен Авенар, Р. Маккормик, барон А.Л. фон Эренталь

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кременецкий К.В. «Лгут взапуски». События «Кровавого воскресенья» 9/22 января 1905 г. на страницах европейской прессы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 14–36. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-14-36

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-14-36

K.V. Kremenetski

New York Film Academy,
Burbank, CA, 91505, USA

“They are lying”. How European newspapers described the events of “Bloody Sunday” on January 9/22, 1905

The paper analyses how Petersburg riots of January 9/22, 1905 were represented by European newspapers. Media announced the start of the Russian revolution. Newspapers waged campaign of propaganda and disinformation. There were numerous reports about mass victims, and unprovoked cruelty of the troops. There were fabricated stories about death of numerous women and children. It was announced that tsar Nicholas II is about to emigrate from Russia, and that opposition plans to form a Provisional Government. Emil Dillon, the correspondent of “Daily Telegraph” in Russia, played a key role in making up stories. Newspapers published simultaneously different versions of the same story. Stories from European newspapers were propagated by dissident Russian papers in Europe. These stories were transformed

into eye witness letters and reports. Russian liberal papers used foreign newspapers as a source of information for the anti-government propaganda. Cartoons and pictures were used for propaganda purposes. Pictures taken in the streets of Petersburg after the riots were reprinted as taken on the day of January 9/22. False news of foreign newspapers was reported by Russian media and by foreign diplomats.

Key words: “Bloody Sunday”, propaganda, riots, Maxim Gorky, Emile Dillon, Etienne Avenard, Freiherr A.L. von Aehrenthal, R. McCormick

FOR CITATION: Kremenetski K.V. “They are lying”. How European newspapers described the events of “Bloody Sunday” on January 9/22, 1905. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 14–36. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-14-36

Сообщения газет о беспорядках в Петербурге 9/22 января 1905 г. используются историками при описании январских событий в Петербурге в контексте истории событий 1905–1907 гг. [3; 4]. Имеются работы, специально посвященные или в значительной степени опирающиеся на материалы периодики [1; 5; 6]. Но историками не уделялось достаточного внимания тому, как известия иностранных газет о России использовались в русской периодике и какую роль они сыграли в формировании представлений о причинах и характере январских волнений в столице империи.

Большинство столичных газет не выходили с 8/21 по 14/27 января 1905 г. из-за прекращения работ типографий. 15/28 января газеты поместили типовое объявление, что по распоряжению начальства они могут печатать только официальную информацию о событиях 9–11 января. Однако поток сообщений о событиях в Петербурге печатали европейские газеты. В отсутствие столичных газет провинциальная пресса перепечатывала сообщения французского агентства «Гавас» из Парижа: «Вечерние газеты полны подробностей о событиях, разыгравшихся в Петербурге 9 января. В своих статьях они уклоняются пока от обсуждения степени их важности и значения. Здешние телеграфные агентства выпускают каждый час бюллетени с телеграммами из Петербурга»¹. «В утренних газетах целые страницы заполнены подробностями о петербургских событиях, затемнивших интерес к войне и министерскому кризису»².

¹ Варшавский Дневник. 11 января 1905. С. 2.

² Там же. 12 января 1905. С. 1.

Что же писали европейские газеты? Было объявлено о начале революции в России. На все лады с художественными подробностями сообщалось о жестокостях военных при подавлении беспорядков. Одной из главных тем были рассказы об убитых женщинах и маленьких детях.

Везде успел побывать корреспондент парижской газеты “Le Matin”. Он как очевидец сообщил, что в Александровском саду у Адмиралтейства было более 150 убитых. Почти все убитые – женщины, дети и молодые люди. На Васильевском острове тот же корреспондент якобы видел женщину, плачущую над телом убитого ребенка восьми лет³. Живописная картина матери, рыдающей над трупом ребенка, впоследствии была использована в английском фильме “Nicholas and Alexandra” (1971).

Более подробный рассказ об убитых в Александровском саду детях принадлежит корреспонденту агентства «Рейтер» Ги Берингеру. В версии Берингера дети играли и катались на катке, и во время стрельбы по толпе на Дворцовой площади было убито и ранено 26 детей⁴. Дополнительные детали этой трагедии сообщила английская газета “Daily Express”. Это были 24 мальчика и девочки в возрасте от 6 до 14 лет. В погибшего пятилетнего ребенка попало пять пуль⁵. Такие детали были нужны в качестве «доказательства» того, что по детям стреляли прицельно. Венский еженедельник “Wiener Bilder” поместил иллюстрацию с пояснением, что это 26 детей, убитых в Александровском саду во время уличных боев (рис. 1). В развитие сюжета корреспондент французской социалистической газеты «Юманите» Этьен Авенар сократил число погибших детей до семи, и изменил их возраст – от 10 до 12 лет⁶.

Из англо-французских газет эту историю заимствовали выходившие в Европе диссидентские русские издания. В версии выходившего в Англии «Свободного слова» события излагались так: «В Александровском саду подбирали убитых детей и нянек в том конце, где Сенат, а стреляли с Дворцовой площади, расстояние не менее версты»⁷. Социал-демократы объявили Николая II новым Иродом: «У одного только Александровского парка было убито около 25 детей. Новый Ирод – царь Николай II – не прочь заниматься избиванием младенцев, лишь бы спасти свою корону неограниченного тирана»⁸.

³ Le Matin. 23 Janvier 1905. P. 1.

⁴ The Manchester Guardian. January 23, 1905. P. 7.

⁵ The Daily Express. January 24, 1905. P. 1.

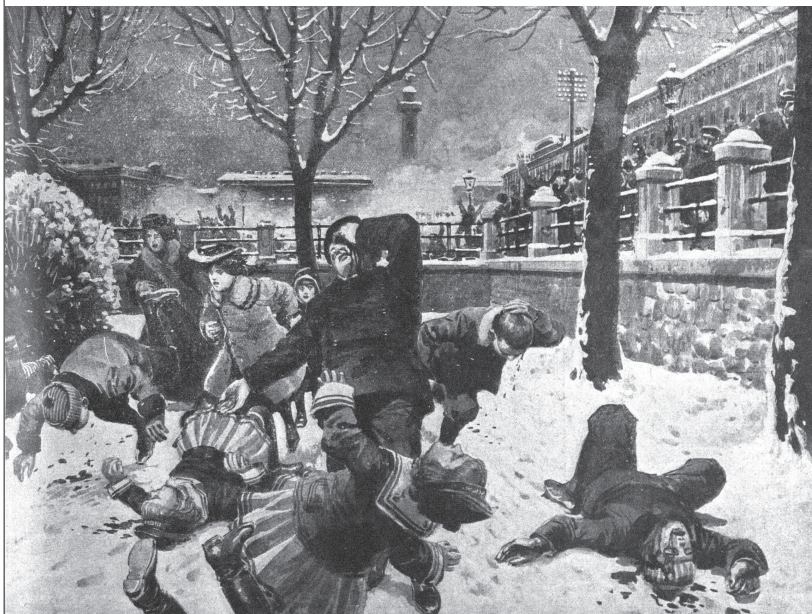
⁶ L’Humanité. 17 Février 1905. P. 1.

⁷ Свободное слово. Январь-февраль 1905. № 15. С. 31.

⁸ Царь-последыш. Надгробное слово самодержавию к десятилетию царствования Николая II. Женева, 2005. С. 52.

Die Revolution in Russland.

Im Alexandra-Park werden während der Straßenkämpfe vom ausgerückten Militär 26 Kinder erschossen.

Рис. 1. Иллюстрация в венском еженедельнике
(Wiener Bilder. 1 Februar 1905. S. 1)

Подпись: Революция в России. В Александровском саду
26 детей убиты военными во время уличных боев.

Свой вариант трагедии в Александровском саду сочинил корреспондент французской газеты “Le Journal” Робер Гайяр со ссылкой на якобы рассказ «адмирала-очевидца». Дети сидели на деревьях, и по ним стреляли, как по воробьям⁹. Эту версию использовала социал-демократическая газета «Искра»: «Первый залп убил много детей, сидевших на деревьях Александровского сада»¹⁰. «Рассказ адмирала» был использован проживавшим в то время в Париже финляндским художником Георгом Сигурдом Веттерхофф-Асп (Georg Sigurd Wetterhoff-Asp). Он опубликовал карикатуру, показывающую стрельбу по сидящим на деревьях детям. Вместо адмирала по «воробьям» приказывает стрелять генерал (рис. 2).

⁹ Le Journal. 24 Janvier 1905. P. 1.

¹⁰ Искра. 27 января 1905. № 85. С. 4.

Рис. 2. Карикатура, опубликованная в парижском еженедельнике (L'Assiette au Beurre. 4 Février 1905. No. 201. P. 3334)

Подпись: Сержант: – Стрелять по этим воробьям?

Генерал: – Расстрелять всех, это будущие оппозиционеры!

Журналистскую находку Гайара с детьми на ветках повторил Авенар, который утверждал, что приказ унтер-офицеру стрелять по детям дал капитан Мансуров¹¹. Из «Юманите» этот сюжет заимствовал революционный журнал «Освобождение»¹². В другой статье в этом издании, сочиненной в жанре «письма очевидца», написано: «Знаю, что в Александровском саду был убит ребенок, сидевший на дереве, откуда он и упал»¹³. В «Революционной России» фигурирует фельдфебель, который просит разрешения у офицера «снять мальчика с дерева»¹⁴. Сюжет с капитаном Мансуровым был использован в «автобиографии» получившего всероссийскую известность в 1905 г. священника Г.А. Гапона¹⁵.

Корреспондент «Дейли Телеграф» Эмиль Диллон, «по показаниям очевидцев», вместо детей «посадил» на деревья женщин, в которых войска стреляли, как в голубей¹⁶. У корреспондента парижского издания «Нью-Йорк Геральд» на деревья залезли не дети, а студенты с красными флагами¹⁷. Этот вариант попал в русскую газетную версию «автобиографии» Гапона: «один студент, залезший на дерево, был убит по приказанию офицера, и после бойни на Дворцовой площади несколько саней было нагружено убитыми»¹⁸.

Затем о трагедии в Александровском саду вспомнил корреспондент парижской «Le Matin» Гастон Леру: это и избивание младенцев, лежавших в лужах крови, и расстрелянные на деревьях подростки¹⁹.

Жорж Бурдон в вышедшей в августе 1905 г. книге «Свободная Россия» сократил число убитых на деревьях Александровского сада детей до трех и указал, что по ним военные стреляли прицельно²⁰.

В связи с первой годовщиной событий 9 января социалистическая газета «Наша Жизнь» опубликовала статью Л.Я. Гуревич, написанную по мотивам сообщений французских газет. Гуревич творчески подошла к сюжету о детях, убитых в Александровском саду: «Убиты были в Александровском саду мальчики, вскарабкавшиеся на деревья,

¹¹ Avenard E. Le 22 Janvier nouveau style. *Cahiers de la Quinzaine*. 1905. 7e série, 5e cahier. P. 185, 190.

¹² Освобождение. 12 (25) февраля 1905. № 66. С. 259.

¹³ Там же. С. 258.

¹⁴ Революционная Россия. 25 марта 1905. № 62. С. 7.

¹⁵ Gapon G. The story of my life. L., 1905. P. 202.

¹⁶ The Daily Telegraph. January 26, 1905. P. 9.

¹⁷ The New-York Herald. European Edition. Paris. January 31, 1905. P. 1.

¹⁸ Обновленная Россия. 14 (27) декабря 1905. № 18. С. 1.

¹⁹ Le Matin. 10 Avril 1905. P. 1.

²⁰ Bourdon G. La Russie libre. L'aube russe. Paris, 1905. P. 100.

чтобы видеть небывалое зрелище на площади, и подростки, катавшиеся на коньках. В запертом саду долго лежали необрунные трупы – среди них один маленький ребенок в белой пуховой шубке»²¹. Эта же история в другой редакции повторена Гуревич в очерке «Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 года»: «На ветках деревьев сидели взобравшиеся туда уличные мальчуганы. В саду, пользуясь редким солнечным днем, играли дети, каталась на коньках беспечная молодежь. <...> Раздался залп – в народ, стоявший у сада, и прямо в сад, в любопытных и в играющих детей. Толпа замерла. Некоторые подумали, что залп холостой. Но кругом на площади и за решеткой сада валялись убитые и раненые. С деревьев, как подстреленные воробьи, посыпались мальчуганы»²². Использование мотива с «подстреленными воробьями» выдает знакомство Гуревич со статьей в “Le Journal”, положившей начало целому циклу публикаций.

Свой вариант этой драмы сообщил либеральный «Вестник Европы»: «Известно, как на решетке академического сквера после залпа повис труп ребенка-мальчика без головы... Не будем перечислять всех ужасов...»²³.

Литератору В.П. Кранихфельду стало жалко маленьких детей, и в его тексте дети были не убиты, а только ранены: «Особенно много детей и подростков пострадало в Александровском саду. Здесь ранено несколько детей на катке, несколько подростков, расположившихся из любопытства на деревьях и решетках сада. Некоторые из подростков, раненых возле сада, наивно рассказывали потом, при опросе их в больницах, что они были привлечены к саду сигнальными рожками»²⁴.

Впоследствии сюжет о женщинах и детях на ветвях Александровского сада перекочевал в труды историков и в мемуары английских дипломатов²⁵.

Приехавший в Петербург освещать революцию специальный корреспондент испанской газеты “Heraldo de Madrid” Луис Мороте сообщил, что казак вырвал младенца из рук матери, подбросил его в воздух,

²¹ Наша Жизнь. 11/24 января 1906. С. 2.

²² Былое. Январь 1906. С. 223–224.

²³ Вестник Европы. Февраль 1906. С. 852.

²⁴ Мир Божий. Январь 1906. С. 153.

²⁵ Pares B. Russia and reform. L., 1907. Pp. 492–493; Pares B. Reaction and revolution in Russia. *The Cambridge Modern History*. Vol. XII. The Latest Age. Cambridge University Press, 1910. P. 349; Onslow R.W. Sixty-three years. Diplomacy, the Great War and politics, with notes on travel, sport and other things. L.; N.-Y.; Melbourne, 1939. P. 120; Hardinge of Penshurst Ch. *Old Diplomacy*. L., 1947. P. 113.

и младенец разбился о цоколь Александрийского столпа у Зимнего дворца²⁶.

Диллон со ссылкой на показания докторов-очевидцев написал, что войска применяли разрывные пули²⁷. Сообщение Диллона перепечатала «Юманите»²⁸. Этот сюжет был использован при составлении «автобиографии» Гапона²⁹. Историю об использовании разрывных пуль воспроизвела петербургская газета «Наши Дни» в заметке (полностью перепечатано «Новости и Биржевая Газета»), что из больницы был выписан раненый 9 января рабочий, у которого «была разорвана мышца и сильно разворочено выходное отверстие раны, вследствие разрыва оболочки пули»³⁰.

Использование разрывных пуль стало ходячим сюжетом революционной пропаганды. Русский революционер И.А. Рубанович в статье, написанной в жанре «записок врача-очевидца», повествовал об ужасных ранах, нанесенных мирным жителям Петербурга 9 января пулями, у которых разрывались оболочки³¹. «*Courrier Européen*», печатая «сообщения очевидцев» о зверствах казаков в Варшаве, писал, что казаки стреляют по демонстрантам разрывными пулями³².

В январе 1906 г., когда радикальная пресса отмечала годовщину событий 9 января 1905 г., вариация на эту тему появилась в журнале «Мир Божий». Кранихфельд писал, что «во многих засвидетельствованных врачами случаях пули производили настолько страшные опустошения в ранах, что явилось даже подозрение в употреблении [разрывных] пуль “дум-дум”»³³.

Диллон напечатал историю о некоем офицере-улане, который в гостях якобы рассказывал, как он устал рубить трудящихся шашкой и побежал за прохожим. Когда тот пытался скрыться в подъезде дома, то офицер погнался за ним вверх по лестнице и выстрелил в него. На рассказ отреагировал военный хирург, которому пришлось оперировать этого опасно раненого юношу. Диллон добавил, что фамилия офицера ему известна³⁴. Это сообщение со ссылкой на «Дейли Телеграф» перепечатала «Юманите»³⁵. Позднее Авенар видоизменил эту историю. В его

²⁶ Heraldo de Madrid. 7 Febrero 1905. P. 1.

²⁷ The Daily Telegraph. 1905. January 26. P. 9; January 27. P. 9.

²⁸ L'Humanité. 1 Février 1905. P. 2.

²⁹ Gapon G. The story of my life. L., 1905. Pp. 201–202.

³⁰ Новости и Биржевая Газета. 30 января 1905. С. 3.

³¹ La Tribune Russe. 20 Mars 1905. No. 28. Pp. 378–379.

³² Courrier Européen. 12 Mai 1905. No. 27. P. 425.

³³ Мир Божий. Январь 1906. С. 155.

³⁴ The Daily Telegraph. January 30, 1905. Pp. 10–11.

³⁵ L'Humanité. 1 Février 1905. P. 2.

версии офицером стал корнет Гурьев, который взял у солдата винтовку, погнался за подростком и ударил его штыком³⁶. Рассказ Авенара переработало и представило в жанре «письма очевидца» «Освобождение»: «рассказ совершенно достоверный, передается со слов Гурьева»³⁷. Вслед за «Освобождением» Гурьев был включен в список «особенно отличившихся в Петербурге 9 января офицеров» женеvской «Искрой»³⁸. Впоследствии рассказ о зверствах корнета Гурьева, объединивший версии Диллона и Авенара, был использован в «автобиографии» Гапона³⁹.

Корреспондент «The Standard» Д.Б. МакГауен поведал своим читателям ужасную историю про юношу, который 9/22 января ехал на трамвае и крикнул солдатам «Кровопийцы!». Трамвай был остановлен, и офицер потребовал от «преступника» выйти на улицу, пригрозив в противном случае убить всех пассажиров. Тогда юноша вышел вперед и был изрублен на куски⁴⁰. В версии «Юманите» юноша был студентом, солдаты его убили, а труп уволокли, чтобы замести следы преступления⁴¹. Свой вариант предложил корреспондент «Figaro» Жорж Бурдон. У него гвардейские драгуны, оскорбленные выкриком одного из пассажиров, остановили трамвай, избили пассажиров и убили одного из них, не пытаясь даже выяснить, кто именно кричал⁴².

Похожую «трамвайную трагедию» сочинил корреспондент «Рейтер». У него это событие, как обычно, со слов очевидца, произошло 11/24 января на Васильевском острове. Трамвай был остановлен казаками. Казаки избивали пассажиров шашками плашмя и ранили одного из них. Такое же сообщение передал корреспондент «Гавас»⁴³. Позже корреспондент «Рейтер» добавил художественных деталей. В числе пассажиров оказалась женщина с ребенком. Женщина уронила своего ребенка, который был раздавлен казачьими лошадьми⁴⁴. Эта история со ссылкой на английский «Times» была воспроизведена женеvской газетой «Вперед»⁴⁵.

³⁶ L'Humanité. 16 Février 1905. P. 2.

³⁷ Освобождение. 12 (25) февраля 1905. № 66. С. 258.

³⁸ Искра. 10 марта 1905. № 92. С. 6.

³⁹ Gapon G. The story of my life. L., 1905. P. 195.

⁴⁰ The Standard. January 27, 1905. P. 5.

⁴¹ L'Humanité. 30 Janvier 1905. P. 2.

⁴² Bourdon G. La Russie libre. L'aube russe. Paris, 1905. P. 100.

⁴³ The Daily Telegraph. January 26, 1905. P. 9; Le Figaro. 26 Janvier 1905. P. 2.

⁴⁴ The Daily Telegraph. January 27, 1905. P. 10; The Times. January 27, 1905. P. 3.

⁴⁵ Вперед. 7 февраля (25 января) 1905. № 5. С. 2. В то время в Петербурге трамвай был на конной тяге, поэтому в статье речь идет о конке.

В начале 1906 г. вариация на эту тему была сочинена «очевидцем» Кранихфельдом. В очерке журналист объединил все варианты иностранных газет, отнеся эпизод к 11/24 января. Общее число жертв у него оказалось вдвое большим: изрубленный рабочий и растоптанный студент⁴⁶.

Наиболее известным «документом», связанным с 9/22 января, является т.н. петиция рабочих. Текст петиции был сочинен английскими корреспондентами, переведен диссидентскими русскими газетами и широко использовался в революционной пропаганде [2]. Газеты писали, что петицию подписали тысячи рабочих⁴⁷. Точное количество подписей – 135 тыс. чел. – придумал Бурдон. Откуда взялось такое число? Оно чуть меньше общего количества рабочих, занятых на прекративших работу предприятиях Петербурга – 140 тыс. чел. Из статей и книги Бурдона это число попало в «автобиографию» Гапона⁴⁸.

Диллон сообщил в деталях, что он в субботу 8/21 января присутствовал на собрании интеллигенции, на котором было решено послать депутацию министру внутренних дел и председателю комитета министров гр. С.Ю. Витте. В состав депутации были избраны М. Горький, Н.И. Кареев, В.А. Мякотин, Н.Ф. Анненский, А.В. Пешехонов, К.К. Арсеньев, и И.В. Гессен. Их сопровождал рабочий – представитель Гапона. Целью депутации было потребовать приезда царя в Зимний дворец, чтобы продемонстрировать любовь к миру и народу. На собрании интеллигенции было решено создать постоянный комитет. Диллон добавил, что рабочие Петербурга были вооружены и получили ружья от солдат. Далее он подробно, по часам и минутам, расписал посещение либеральной депутацией Министерства внутренних дел и беседу с заместителем министра внутренних дел К.Н. Рыдзевским и с Витте⁴⁹. Похожее сообщение, добавив в члены депутации гласного петербургской Городской думы Е.И. Кедрина, передал МакГауен⁵⁰.

О намерении либералов создать Временное правительство сообщил корреспондент Диллон. Он объявил, что он не может раскрыть имена членов будущего правительства. Далее Диллон поведал, что руководители забастовки, члены «временного правительства» собираются от имени русского народа обратиться за финансовой поддержкой к англоговорящему миру, чтобы он помог в их борьбе за свободу. От имени русского

⁴⁶ Мир Божий. Январь 1906. С. 154–155.

⁴⁷ The Daily Telegraph. January 23, 1905. P. 11.

⁴⁸ Варшавский Дневник. 12 января 1905. С. 3; Le Figaro. 1905. 9 Février. P. 2; 20 Février. P. 3; Bourdon G. La Russie libre. L'aube russe. Paris, 1905. P. 60; Gapon G. The story of my life. L., 1905. P. 261.

⁴⁹ The Daily Telegraph. January 23, 1905. P. 9.

⁵⁰ The Standard. January 23, 1905. P. 5.

народа Диллон объявил, что новой властью не будут признаны те займы, которые может в будущем сделать царское правительство⁵¹. Это сообщение со ссылкой на «Дейли Телеграф» перепечатала «Юманите»⁵².

Позднее английские газеты сообщили о том, что члены депутации были арестованы во вторник 11/24 января⁵³. Сообщив об аресте Горького, «Daily Mirror» назвала его членом Временного Комитета⁵⁴. Другая газета объявила, что члены депутации сформировали Комитет Безопасности и собирались объявить себя Временным правительством⁵⁵. В сообщении об аресте Пешехонова Диллон объявил, что полиция при аресте забрала у него деньги, полученные из Берлина для помощи голодающим забастовщикам⁵⁶. Через несколько дней в статье, написанной в жанре «интервью с анонимным высокопоставленным чиновником», Диллон объявил, что причиной ареста членов депутации было составление воззвания к офицерам русской армии с призывом не выполнять приказы командования⁵⁷.

Из иностранной прессы сведения о «временном правительстве» просочились в русские газеты. О планах либералов создать такое правительство писал кн. В.П. Мещерский: «Были минуты в Петербурге, когда российское государство оказалось осчастливленным двумя правительствами: постоянным и законным, и временным и самозванным»⁵⁸.

Список членов депутации с пояснением, что группа общественных деятелей обращалась в Министерство внутренних дел и к Витте, опубликовал либеральный журналист Е.А. Ганейзер⁵⁹. На эту заметку обратил внимание Мещерский и отметил, что «представители радикальной прессы старались убаюкать власти относительно мирного характера демонстрации, которая выступала ни более ни менее как с требованием *государственного переворота* (курсив в тексте. – К.К.)!»⁶⁰.

Одновременно, со ссылкой на Диллона, история похода либералов в Министерство внутренних дел и их ареста по обвинению в намерениях создать Временное правительство была опубликована в газете «Вперед»⁶¹.

⁵¹ The Daily Telegraph. January 24, 1905. P. 9.

⁵² L'Humanité. 25 Janvier 1905. P. 2.

⁵³ The Manchester Guardian. January 25, 1905. P. 7.

⁵⁴ The Daily Mirror. January 25, 1905. P. 3.

⁵⁵ The Daily Express. January 25, 1905. P. 1, 4.

⁵⁶ The Daily Telegraph. January 26, 1905. P. 9.

⁵⁷ Ibid. February 1, 1905. P. 9.

⁵⁸ Гражданин. 20 января 1905. № 6. С. 5.

⁵⁹ Наши Дни. 22 января 1905. С. 2.

⁶⁰ Гражданин. 23 января 1905. № 7. С. 5. Перепечатано: Московские Ведомости. 25 января 1905. С. 6.

⁶¹ Вперед. 7 февраля (25 января) 1905. № 5. С. 2.

Сообщение о том, что либералы составляли планы создания Временного правительства и обсуждали распределение постов в будущем правительстве, передал в Вену посол Австро-Венгрии в Петербурге барон А.Л. фон Эренталь. В числе кандидатур он указал фамилию В.Д. Набокова. Эренталь писал, что, по мнению французского посла, Витте может сыграть ту же роль, что выпала герцогу Орлеанскому во время Французской революции 1789 г. По сведениям Эренталья, большинство членов «временного правительства» были арестованы в воскресенье 9/22 января вечером⁶².

Важной темой газетной пропаганды было осуждение общественностью действий военных по поддержанию порядка. Диллон отправил сообщение о том, что на собрании в Вольном Экономическом обществе была принята резолюция с предложением написать письмо к офицерам с осуждением их действий и в поддержку рабочего движения⁶³. Похожее сообщение без указания места собрания передал корреспондент «Ассошиэйтед Пресс»⁶⁴. Журнал «Освобождение» использовал сообщение «Дейли Телеграф» и объявил: “В Вольно-Экономическом Обществе состоялось многочленное собрание. Было составлено обращение к офицерам, стрелявшим в толпу»⁶⁵.

Французский текст «Воззвания к офицерам» без указания авторства был напечатан в «Юманите» 18/31 января с пояснением, что это воззвание было зачитано на собрании вечером 9/22 января, на котором лично присутствовал Авенар. В версии «Юманите» под воззванием стояло 457 подписей⁶⁶. При составлении журнальной версии рассказа о событиях в Петербурге, вышедшей в ноябре 1905 г., Авенар учел статью Робера Гайара в “Le Journal”, в которой автором и редактором воззвания объявлен Горький⁶⁷, и добавил, что текст воззвания был отредактирован Горьким⁶⁸.

К теме воззвания к офицерам вернулся Диллон. В статье, написанной в жанре «интервью с высокопоставленным чиновником», объявлено, что воззвание к офицерам с призывом не выполнять приказы было зачитано на собрании в Вольном Экономическом обществе, подписано

⁶² Эренталь Голуховскому, 28 января 1905 г. (Aehrenthal an Gołuchowski. 28/15 Jänner 1905). № 8 A-D. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, PA X 124, Fol. 160–161, 164–165.

⁶³ The Daily Telegraph. January 23, 1905. P. 9.

⁶⁴ New York American. January 23, 1905. P. 2.

⁶⁵ Освобождение. 12 (25) января 1905. № 64. С. 236.

⁶⁶ L’Humanité. 31 Janvier 1905. P. 2.

⁶⁷ Le Journal. 9 Avril 1905. P. 4.

⁶⁸ Avenard E. Le 22 janvier nouveau style. *Cahiers de la Quinzaine*. 1905. 7e série, 5e cahier. Pp. 153–156.

541 присутствующими. Большинство русского народа одобряет это воззвание⁶⁹.

Вскоре “Le Journal” напечатала текст «Возвания к офицерам» без ссылки на «Юманите» под заголовком «Письмо Горького к русским офицерам», с пояснением, что текст письма привезен из Петербурга, и что письмо подписали 459 чел.⁷⁰ На это письмо обратил внимание корреспондент «Таймс» в Париже, и английский перевод со ссылкой на “Le Journal” был опубликован в «Таймс»⁷¹.

Через несколько дней русский перевод текста с заголовком «Обращение к офицерам» был напечатан в газете «Вперед». В переводе первых абзацев объединены оба варианта текста: «Юманите» и “Le Journal”. Последующие абзацы следуют тексту «Юманите»⁷². Почти одновременно с «Вперед» тот же русский текст с небольшими редакторскими изменениями был опубликован в «Освобождении»⁷³. О воззвании к офицерам написал и выходивший в Англии журнал «Свободное слово». Так же, как и в «Юманите» и «Освобождении», число подписантов здесь указано в 457 чел.⁷⁴ Вслед за «Освобождением» и «Свободным словом» о «письме к офицерам» написала «Революционная Россия»⁷⁵.

После публикации текста «воззвания» в «Таймс» настала пора обнаружить это «воззвание» в России. Сообщение об этом поступило в двух версиях. Парижское издание «Нью-Йорк Геральд» сообщило, что манифест, отредактированный Горьким и призывающий к восстанию против царя и правительства, был изъят полицией при обыске у одного из арестованных участников оппозиционного движения⁷⁶. Корреспондент «Рейтер» объявил, что текст прокламации, призывающей армию к мятежу, был обнаружен полицией при обыске у Кедрина⁷⁷. Похожее сообщение, без указания фамилии Кедрина, вскоре появилось в парижской газете⁷⁸. Парижское издание «Нью-Йорк Геральд» объявило, что сочиненное Горьким воззвание широко распространяется среди офицеров и солдат в России⁷⁹.

⁶⁹ The Daily Telegraph. February 1, 1905. Pp. 9–10.

⁷⁰ Le Journal. 3 Février 1905. P. 1.

⁷¹ The Times. February 4, 1905. P. 5.

⁷² Вперед. 7 февраля (25 января) 1905. № 5. С. 4.

⁷³ Освобождение. 9 февраля (27 января) 1905. № 65. С. 254.

⁷⁴ Свободное слово. Январь-февраль 1905. № 15. С. 31–32.

⁷⁵ Революционная Россия. 5 марта 1905. № 60. С. 20.

⁷⁶ The New-York Herald. European Edition. February 6, 1905. P. 1.

⁷⁷ The Standard. February 8, 1905. P. 5.

⁷⁸ Le XIXe Siècle. 10 Février 1905. P. 4.

⁷⁹ The New-York Herald. European Edition. February 8, 1905. P. 1.

Корреспондент “Le Journal” в Петербурге Гайар сделал следующий шаг. Он объединил все сообщения и добавил, что власти обвиняют М. Горького в составлении воззвания, обнаруженного при обыске у Кедрина, и Горький сам признался в том, что он автор этого «воззвания»⁸⁰.

Тему «воззвания к офицерам» продолжало разрабатывать «Освобождение». В майском номере «Освобождение» напечатало статью «Ответ офицеров». В этой статье в жанре письма некие мыслящие офицеры декларировали, что они готовы взяться за оружие для защиты народа от самодержавия⁸¹.

В годовщину январских беспорядков о «воззвании» вспомнила Гуревич: «Вечером было большое шумное собрание интеллигенции в помещении Вольно-Экономического Общества. Читалось вслух воззвание “К офицерам, не принимавшим участие в бойне 9-го января” и собирались подписи под ним»⁸².

Поскольку европейские газеты объявили о начале революции в России, то важным сюжетом стали рассказы о судьбе царя Николая. Уже в начале января английские газеты объявили, что компания Ллойд подняла в три раза цену страхования жизни русского царя⁸³.

Обычной резиденцией царя было Царское Село. В Петербург Николай II приезжал для участия в Крещенском водосвятии и приеме дипломатического корпуса 6/19 января, после чего вернулся в Царское Село.

Корреспондент «Дейли Телеграф» объявил, что никто не знает, где царь находился в воскресенье 9/22 января⁸⁴. Затем Диллон передал, что царь в течение трех с половиной дней прятался и переезжал из одного дворца в другой, и, наконец, покинул Царское Село, потому что испугался забастовщиков с Ижорских Адмиралтейских заводов и переехал в Гатчину⁸⁵. Корреспондент “Le Petit Journal” объявил, что никто не знает, где находится царь и утверждал, что царь вместе с семьей находится на яхте «Штандарт»⁸⁶. Русское посольство в Париже опровергло эти сообщения в одной из газет⁸⁷.

Начиная с 11/24 января 1905 г. стали появляться сообщения, что царь с семьей готовится отплыть в Данию на яхте «Штандарт»⁸⁸. В другой

⁸⁰ Le Journal. 29 Mars 1905. P. 4.

⁸¹ Освобождение. 7/20 мая 1905. № 69–70. С. 317.

⁸² Былое. Январь 1906. С. 226.

⁸³ Labour Leader. January 13, 1905. No. 41. P. 488.

⁸⁴ The Daily Telegraph. January 23, 1905. P. 9.

⁸⁵ Ibid. January 24, 1905. P. 9.

⁸⁶ Le Petit Journal. 24 Janvier 1905. P. 1.

⁸⁷ La Presse. 25 Janvier 1905. P. 1.

⁸⁸ The Standard. 1905. January 24. P. 5; January 25. P. 7; Le Petit Parisien. 25 Janvier 1905. P. 2.

версии бегству царя в Данию воспротивились великие князья Владимир и Александр, поскольку это означало отречение от престола⁸⁹. «Дейли Миррор» публиковала сводки, из которых следовало, что царь в страхе перед революцией постоянно переезжает из одного дворца в другой. Затем царь либо спрячется от революции в Ливадии, либо, в случае успеха революции, уедет с семьей к своему другу кайзеру Вильгельму в Германию⁹⁰. Появлялись сообщения о возможном убийстве царя Николая. К убийству призывало «письмо Гапона», опубликованное в «Дейли Телеграф» и перепечатанное другими газетами⁹¹. В карикатуре парижского еженедельника царю предрекали судьбу казненного в 1793 г. французского короля Людовика XVI (рис. 3).

Через некоторое время европейские социалисты подвели под убийство русского царя теоретическое обоснование. Французский социалистический журнал обнародовал письмо К. Маркса к его дочери от апреля 1881 г. В этом письме Маркс с одобрением отзывался об убийцах Александра II и назвал их героями. В предисловии к письму редакция журнала объяснила, что эта публикация вызвана современными событиями в России⁹². Вскоре это письмо с толкованием было воспроизведено газетой немецких социал-демократов. Было объявлено, что в нескольких строках Маркс оправдывает русских террористов. Для России царубийство и террор исторически необходимы, и осуждать их так же бессмысленно, как осуждать землетрясение⁹³.

В пропагандистских целях использовались фотографии. Парижский еженедельник “L’Illustration” напечатал серию фотографий и «зарисовок очевидцев», сделанных на улицах Петербурга. Эта публикация анонсировалась другими парижскими газетами⁹⁴.

Несколько фотографий было сделано в понедельник, 10/23 января 1905. На двух фотографиях показаны петербургские обыватели, читающие наклеенное на стене дома объявление. Одна фотография была сделана на Невском проспекте. На двух фотографиях показаны офицеры и военнослужащие, охраняющие порядок на площади Зимнего дворца (рис. 4)⁹⁵. Фотография, представленная на рис. 4, была воспроизведена в другой парижской газете с подписью, что она сделана 9/22 января⁹⁶.

⁸⁹ L’Aurore. 25 Janvier 1905. P. 1; The Daily Telegraph. January 27, 1905. P. 10.

⁹⁰ The Daily Mirror. 1905. January 24. P. 3, 7, 11; January 25. P. 3.

⁹¹ The Daily Telegraph. January 25, 1905. P. 9; Le Matin. 26 Janvier 1905. P. 3.

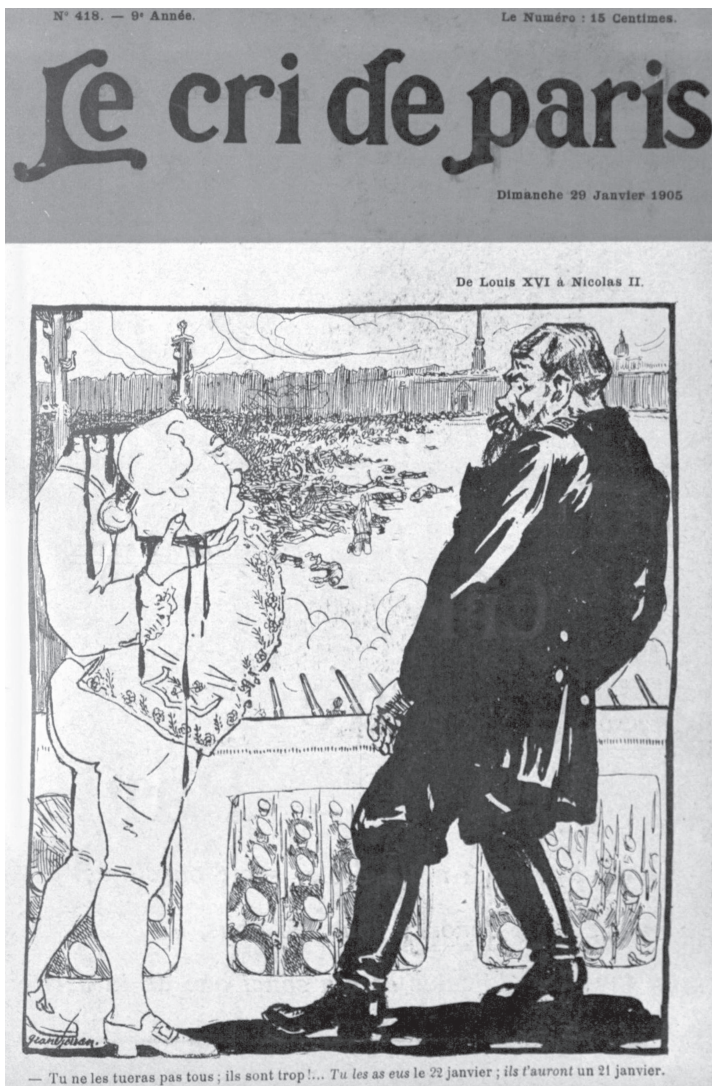
⁹² La Vie Socialiste. 20 Mars 1905. N°10. Pp. 577–578.

⁹³ Vorwärts. 30 März 1905. S. 1.

⁹⁴ Le Journal. 1905. 28 Janvier. P. 1.

⁹⁵ Supplément à L’Illustration. 28 Janvier 1905.

⁹⁶ Le Journal. 29 Janvier 1905. P. 3.

Рис. 3. Карикатура, опубликованная в парижском еженедельнике (Le cri de Paris. 1905. No. 418. Dimanche 29 Janvier)

Подпись: Людовик XVI Николаю II:

– Всех не убьешь. Их слишком много. Ты убил их 22 января, а они тебя 21 января

Обыгрывается дата «кровавого воскресенья» 9/22 января и дата казни Людовика XVI 21 января 1793 г.

Другая фотография была напечатана в парижском издании «Нью-Йорк Геральд» с пометкой, что она сделана во время беспорядков в Петербурге. В этот же выпуск попала фотография Невского проспекта, с указанием, что фотография сделана в понедельник 10/23 января⁹⁷. В следующем выпуске «L'Illustration» помещена фотография, сделанная 15/28 января. На ней изображена группа рабочих, собравшихся у ворот Путиловского завода перед возобновлением работы предприятия⁹⁸. На фотографии, сделанной 12/25 января, показана группа солдат у Нарвских ворот (рис. 5). В петербургском архиве кинофотодокументов все эти фотографии атрибутированы, как сделанные 9/22 января с соответствующими подписями⁹⁹. Очевидно, манипуляции с фотографиями были проведены с идеологическими целями в советский период.

Рис. 4. Фотография, сделанная 10/23 января 1905 г.
Опубликована в парижской газете (Supplément à L'illustration.
1905. № 3231. Samedi 28 Janvier)

Текст под фотографией: "Groupe d'officiers de la garde sur la place dy Palais."
(Группа офицеров гвардии на площади [Зимнего] дворца')

То, что иностранные газеты ведут кампанию по дезинформации, было понятно современникам. Эренталь доносил в Вену, что сообщения иностранных газет о событиях 9/22 января страдают чрезмерными преувеличениями. Следует доверять официальным правительственным сообщениям. События 9 января были мятежом, и представляли угрозу для государства и для царя Николая.

⁹⁷ The New-York Herald. European Edition. January 28, 1905. P. 1.

⁹⁸ L'Illustration. 4 Février 1905. P. 68.

⁹⁹ Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Фотодокументы В 467, В 473, В 477, Г 11704, Г 11705, Г 11708, Г 11710.

Troupes d'infanterie derrière l'arc de triomphe de Narva (25 janvier)

Рис. 5. Фотография, сделанная 12/25 января 1905 г.
Опубликована в парижской газете (Supplément à L'illustration.
1905. № 3232. Samedi 4 Février)

Подпись: Группа солдат у Нарвских триумфальный ворот
(25 января)

Государство проверяли на прочность, и решительные действия властей помогли предотвратить подобные события в других городах России. Толпа пыталась разоружить солдат, были многочисленные случаи грабежей и нападений на офицеров и генералов. В понедельник 10 января столкновений в столице не было, а все известия об этом иностранных газет – ложь. Обвинения, часто выдвигаемые, особенно в иностранных газетах, о мнимой жестокости российского правительства при подавлении уличных беспорядков, не имеют под собой никаких фактических оснований. Товарищ министра внутренних дел П.Н. Дурново отметил в беседе с Эрнстелем, что властями были приняты адекватные меры для

подавления беспорядков. Последствия бездействия были бы гораздо более серьезными¹⁰⁰.

О том, что в Петербурге была попытка восстания и расчет революционеров был на то, что войска дрогнут, писала лондонская «Революционная Россия»¹⁰¹. Такого же мнения придерживались в английском посольстве в Петербурге. Второй секретарь посольства Г. Бомонт отмечал, что если бы у революционеров было достаточно оружия, и если бы им удалось взять под контроль несколько полков, то исход событий был бы другим¹⁰².

Посол Франции в Петербурге М. Бомпар обратил внимание на корреспонденции своих соотечественников. По его мнению, большая часть этих сообщений полна преувеличениями, а часть из них производит впечатление галлюцинаций¹⁰³. Подробный анализ изложения событий в Петербурге английской прессой отправил в Париж посол Франции в Лондоне Поль Камбон. В газетных статьях проявилась враждебность к России, которая воспринималась как соперница Британской империи. Англичане рассчитывали на то, что революционный кризис в России приведет к скорейшему завершению русско-японской войны. Отсюда и разнообразие преувеличенных и фальшивых новостей. Посол отметил, что английские газеты одновременно передали несколько взаимоисключающих «новостей» о местонахождении и поведении русского царя¹⁰⁴.

Похожие комментарии делались английскими политиками в конфиденциальной переписке. Секретарь короля Эдуарда VII в письме послу Великобритании в Германии отметил, что английская пресса делает все, чтобы вызвать войну с Россией и особо отличается в этом «Дейли Телеграф»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Эренталь Голуховскому, 25 января 1905 г. (Aehrental an Gołuchowski. 25/12 Jänner 1905. № 7B) // Haus-, Hof- und Staatsarchiv, PA X 124. Fol. 135–140; Эренталь Голуховскому, 28 января 1905 г. (Aehrental an Gołuchowski. 28/15 Jänner 1905. № 8 A-D) // Am gleichen Ort. Fol. 153; Эренталь Голуховскому, 1 февраля 1905 г. (Aehrental an Gołuchowski. 1 Februar / 19 Jänner 1905. № 8 C) // Am gleichen Ort. Fol. 205, 208.

¹⁰¹ Революционная Россия. 10 февраля 1905. № 59. С. 7.

¹⁰² Бомонт Баррингтону, 10 февраля 1905 г. (Beaumont to Barrington, February 10, 1905) // The National Archives Kew. Public Record Office. FO800/141. Fol. 126–127.

¹⁰³ Documents diplomatiques français. Ministère des affaires étrangères, Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre de 1914. 2e série (1901–1911). Т. 6 (2 janvier – 6 juin 1905). Paris, 1935. P. 69.

¹⁰⁴ Lâ. P. 71–73.

¹⁰⁵ Ноллис Лэсселсу, 30 января 1905 г. (Knollys to Lascelles. January 30, 1905) // The National Archives Kew. Public Record Office. PRO FO800/11/75. Fol. 187.

О преступном преувеличении в сообщениях иностранной прессы о событиях в Петербурге 9/22 января доносил посол США Р. МакКормик. В особенности этим отличались лондонские газеты. К такому заключению посол пришел после ознакомления с “Times”, “Morning Post”, “Daily Telegraph” и “Standard”¹⁰⁶.

После возобновления выхода столичных газет в периодике появились отклики на сообщения иностранной прессы о петербургских событиях. В «Церковном Вестнике» была напечатана заметка «Ложь о России»: «Сколько всякой лжи, сознательной и ехидной лжи, в интересах агитации, распространялось все это время во враждебной России печати!»¹⁰⁷.

Влиятельная петербургская газета «Новое Время» поместила заметку под названием «Лгут взпуски»: «В иностранных газетах напечатана такая сплошная ложь относительно тяжелых дней, пережитых Петербургом, что приходится с отвращением бросать газетные листы. Петербургские корреспонденты, приехавшие из Лондона, Берлина, Парижа, Вены, Рима, Брюсселя, лгут взпуски: кто кого обгонит. Лондонский “Daily Mail” перещеголял всех других. По его словам, в дни 9 и 10 января было убитых и раненых до 30,000 человек! Вдогонку “Daily Mail” идет парижский “Petit Journal”. Его корреспондент, не выходявший 9 января из отеля и не знающий, что такое совесть, дает приблизительно такую же цифру. Подробности беспорядков передаются корреспондентами такие, каких не могло быть даже среди папуасов. Английские газеты рассказывают о таких ужасах, каких англичане не проделывали даже с индусами и ирландцами. <...> Не перечить всех клевет, всей наглой лжи и бесстыдства этих европейцев. Очевидно, что вся эта ложь печатается совсем не под влиянием чувства возмущенности событиями, которых в Европе было множество. Это агитация против России, против ее чести и достоинства, агитация бесчестная»¹⁰⁸.

На эту статью обратил внимание петербургский корреспондент парижского издания «Нью-Йорк Геральд». Он сообщил, что публика в Петербурге удивлена статьями в английских газетах и передал, что, по мнению «Нового Времени», всех превзошли корреспонденты “Daily Mail” и “Petit Parisien”¹⁰⁹. В статье «Европа и Россия» в «Новом Времени» отмечалось: «Заграничная печать не щадила слов и красок для изображения всех тех ужасов и гнусностей, которые в течение десяти дней она преподносила своим легковерным читателям под видом

¹⁰⁶ МакКормик Хэю, 31 января 1905 г. (McCormick to Hay. January 31, 1905) // National Archives. MS35-62. P. 8.

¹⁰⁷ Церковный Вестник. 20 января 1905. № 3. Колонка 90.

¹⁰⁸ Новое Время. 16 января 1905. С. 4. Перепечатано: Южный Край. 19 января 1905. С. 4.

¹⁰⁹ The New-York Herald. European Edition. January 31, 1905. P. 1.

достоверных известий о событиях, совершающихся в России»¹¹⁰. Корреспондент «Нового Времени» сообщал из Лондона 18/31 января, что «возбуждение создано фантастическими телеграммами из Петербурга, особенно корреспонденциями “Daily Telegraph”, введшими публику в заблуждение уверениями, будто печатаемые сведения получают от русских сановников»¹¹¹.

Любопытна оценка «Нового Времени» со стороны английского посла. В письме к своему другу, руководителю международного отдела «Таймс» В. Чайролу, он рассказывал о том, что он с помощью русских друзей работает с петербургской прессой, чтобы обеспечить более благоприятное освещение политики Великобритании. «Новое Время» оказалось крепким орешком. В раздражении посол отметил, что издатель газеты Суворин – это старая развалина, а его сыновья фанатичны, как «боксеры» (имеются в виду участники восстания ихэтуаней в Китае в 1900 г. – К.К.). Поэтому посол решил налаживать взаимодействие с отдельными авторами «Нового Времени»¹¹².

Таким образом, все сообщения иностранных, в особенности английских и французских корреспондентов о беспорядках в Петербурге 9/22 января 1905 г., представляют собой поток дезинформации и пропаганды. Один и тот же сюжет обыгрывался в течение некоторого времени разными авторами и постепенно обрастал дополнительными красочными подробностями. Особую роль в фабрикации рассказов о событиях 9 января сыграл Эмиль Диллон. Сообщения иностранных корреспондентов переводились, трансформировались в «показания очевидцев», дополнялись и распространялись диссидентскими русскими газетами, выходившими в Европе. Из иностранной прессы эти сообщения просачивались в оппозиционную русскую печать и использовались для антигосударственной пропаганды и создания нужной для «освободительного движения» информационной картины январских событий в столице империи.

Ангажированность иностранной прессы была понятна современникам. Информация об этом распространялась по дипломатическим каналам. Фотографии, сделанные на улицах Петербурга в дни, следующие за воскресными беспорядками, объявлялись сделанными 9/22 января. В целях пропаганды использовались иллюстративные материалы и фотографии. На лживость сообщений европейской печати обращали внимание консервативные петербургские издания.

¹¹⁰ Новое Время. 18 января 1905. С. 3.

¹¹¹ Там же. 20 января 1905. С. 2.

¹¹² Хардинг Чайролу. 3 июня 1904 г. (Hardinge to Chirrol, copy. June 3, 1904) // The National Archives Kew. Public Record Office. FO800/2. Fol. 221.

Библиографический список / References

1. Зашихин А.Н. За строкой «Таймс». Британские корреспонденты в России и революция 1905–1907 гг. [Архангельск], 2004. [Zashikhin A.N. Za strokoi “Times”. Britanskie korrespondenty v Rossii i revolutsia 1905–1907 gg. [Behind the “Times” line. British correspondents in Russia and revolution of 1905–1907]. Archangelsk, 2004.]
2. Кременецкий К.В. О происхождении «Петиции Петербургских рабочих» 9 (22) января 1905 г. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 77–82. [Kremenetski K.V. Origins of the “Petition of Petersburg’s Workers” January 9/22, 1905. *Vestnik Omskogo universiteta. Seria: Istoricheskie nauki*. 2015. No. 4 (8). Pp. 77–82. (In Rus.)]
3. Пушкарева И.М. Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в России // Труды Института Российской истории РАН. 2008. № 7. С. 74–102. [Pushkareva I.M. Bloody Sunday January 9, 1905 in Russia. *Trudy Instituta Rossiiskoi Istorii RAN*. 2008. No. 7. Pp. 74–102. (In Rus.)]
4. Смолин И.С. Первая русская революция в Петербурге. Очерки истории Ленинграда. Т. 3 / Ред. Б.М. Кочаков, С.С. Волк, И.В. Киреев, Ш.М. Левин. М.; Л., 1956. С. 223–409. [Smolin I.S. Pervaia russkaia revolutsia v Peterburge. Ocherki istorii Leningrada [First Russian Revolution in Petersturg. Essays in history of Leningrad]. Vol. 3. B.M. Kochakov, S.S. Volk, I.V. Kireev, SH.M. Levin (eds.). Moscow; Leningrad, 1956. Pp. 223–409. (In Rus.)]
5. Adams W.S. British reactions to the 1905 Russian Revolution. *The Marxist Quarterly*. 1955. Vol. 2. No. 3. Pp. 173–186.
6. Eeckaute D. 1905 – dans la presse française et anglaise (étude comparée). F.-X. Coquin, C. Gervais-Francelle (eds.). *1905 – la première révolution russe. Publication de la Sorbonne et Institut d’Etudes Slaves*. Paris, 1986. Pp. 451–466.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022, принята к публикации 07.10.2022
The article was received on 09.09.2022, accepted for publication 07.10.2022

Сведения об авторе / About the author

Кременецкий Константин Владимирович – кандидат географических наук; преподаватель, Нью-Йоркская киноакадемия, г. Бербанк, Калифорния, США

Konstantin V. Kremenetski – PhD in Geography; lecturer, New York Film Academy, Burbank, CA, USA

E-mail: kkremenetski@gmail.com

М.Е. Яковлев

Государственный академический университет
гуманитарных наук,
119049 г. Москва, Российская Федерация

«Ментальная карта» современной российской исторической науки: страноведческие приоритеты в докторских диссертациях (2014–2020 гг.)

Статья посвящена составлению «ментальной карты» тематик диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук, защищенных в России в 2014–2020 гг. Изучение 55 докторских диссертаций по всеобщей истории указывает на сохранение в современной российской исторической науке традиционных географических векторов исследования. Наибольшее внимание исследователи высшей академической квалификации уделяют истории Древнего Рима, Англии (Великобритании), Франции и некоторых исламских стран. В то же время на «карте» практически отсутствует большая часть стран Азии и Африки и ряд государств Европы, а, например, США, Канаде и Монголии посвящено одинаковое число диссертаций. Таким образом, доказано, что сегодня отход от европоцентризма в исторической науке если и происходит, то на уровне докторских диссертаций данный процесс проявляется пока слабо. Это, возможно, связано с тем, что авторы большинства рассмотренных трудов защищали свои кандидатские диссертации в начале 2000-х гг., и их работы тематически отражают приоритеты той эпохи.

Ключевые слова: ментальная география, «ментальная карта» российской исторической науки, воображаемая география, диссертационная культура

© Яковлев М.Е., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Яковлев М.Е. «Ментальная карта» современной российской исторической науки: страноведческие приоритеты в докторских диссертациях (2014–2020 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 37–49. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-37-49

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-37-49

M.E. Iakovlev

State Academic University for the Humanities,
Moscow, 119049, Russian Federation

“Mental Map” of modern Russian historical science: Country-specific priorities in Doctoral dissertations (2014–2020)

The article is devoted to the compilation of a “mental map” of topics of dissertations for the degree of Doctor of Historical Sciences (Dr. History Hab.) defended in Russia in 2014–2020. An analysis of 55 doctoral dissertations on world history indicates the preservation of traditional geographical vectors of study in modern Russian historical science. Researchers of the highest academic qualification pay the greatest attention to the history of Ancient Rome, England (Great Britain), France and some Islamic countries. At the same time, most of the countries of Asia and Africa and a number of European countries are practically absent on the “map”, and, for example, the same number of dissertations are devoted to the USA, Canada, and Mongolia. Thus, it has been proved that today a diversion from Eurocentrism in historical science, if it occurs, is still weakly manifested at the level of doctoral dissertations. This may be due to the fact that the majority of the authors under consideration defended their PhD dissertations in the early 2000’s, and their works thematically reflect the priorities of that era.

Key words: Mental geography, imaginary geography, “mental map” of Russian historical science, dissertation culture

FOR CITATION: Iakovlev M.E. "Mental Map" of Modern Russian Historical Science: Country-specific priorities in Doctoral Dissertations (2014–2020). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 37–49. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-37-49

Понятие «ментальная картография» впервые в научный оборот ввел американский ученый Кевин Линч. В тот момент речь шла исключительно о том, как люди видят свой родной город – и до сих пор среди исследователей урбанистики имеет несколько иное значение, чем принято в исторической науке. Уже в XXI в. данный термин «ментальная картография», понимаемый как совокупность устойчивых представлений о географическом устройстве окружающего мира, существующих исключительно в сознании людей, подхватили в нескольких вариантах («ментальная география», «воображаемая география» и т.п.) историки и социологи имагологического направления. В таком значении этот термин использовался Ф. Шенком [29] и позднее перешел в работы Д.В. Сень [19], М.К. Чуркина [27], И.Ю. Ващевой [4], Д.Л. Шевелева [28], Е.С. Соколовой [21] и др. В таком же значении он используется и в данной статье. Основанием для применения такого подхода является несоответствие между пространством фактическим и его восприятием. В более широком смысле – это различие между объектом исторического исследования и многочисленными «образами» этого объекта.

Не будет большой ошибкой сказать, что на современной географической карте не осталось белых пятен. Наука в целом овладела пространством нашей планеты. В то же время составные элементы географического целого обладают для исследователей, выбирающих научную тему, неодинаковой привлекательностью. Если бы мы попытались составить «ментальную карту» представлений российских историков, то одним странам оказались бы посвящены сотни исследований, в то время как другие могли бы вовсе не представлять исследовательского интереса и не существовать на карте. Таким образом, аморфное понятие «всемирная история» оказалось бы, например, в большей мере историей Германии, чем историей Кении.

Подобные страноведческие приоритеты указывают не только на «белые пятна», но также могут поведать нам, к каким источникам исторического опыта ученые прикасаются чаще всего, какие видят наиболее актуальными.

Таким образом, ментальная карта современной российской исторической науки – мысленная схема, существующая лишь в сознании историков и отражающая коллективные схемы ориентации в пространстве

и его типологизации. Применительно к нашей статье нас интересует страноведческий аспект данной типологизации, т.е. то, какие именно страны попадают в фокус внимания историков, а значит, представляют собой исследовательский приоритет (и от противного – какие страны на подобной «карте» отсутствуют).

Объектом исследования являются диссертации на соискание степени доктора исторических наук, защищенные в России в 2014–2020 гг. Предметом исследования являются страноведческие приоритеты данных работ.

Методологически мы опираемся на принципы исторической имагологии, т.е. дисциплины, исследующей устойчивые представления коллективного сознания о другом народе или стране, возникшие на определенном промежутке исторического развития. Также нами привлекается статистический метод.

В данной статье мы ставим перед собой цель для определения основных страноведческих трендов российской исторической науки, составить «ментальную карту» исторической науки на ограниченном, но целостном корпусе источников (т.е. группе источников одного типа, объединенной, в данном случае, хронологическими рамками исследования) – диссертациях на соискание ученой степени доктора исторических наук, защищенных в России с 2014 по 2020 гг. Источниковый корпус включает в себя 305 работ и представляется релевантным, поскольку написание докторской диссертации во многом является пиком академической карьеры, обобщением многолетних исследований по какой-либо проблематике. Постановление «О порядке присуждения ученых степеней» определяет докторскую диссертацию как «научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны»¹, что, безусловно, отражает значимость докторских диссертаций как источника для анализа актуальных трендов в исторической науке. За каждым доктором наук стоят десятилетия исследовательской деятельности, множество опубликованных работ, подготовленные аспиранты.

¹ Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней». URL: <https://base.garant.ru/70461216/> (дата обращения: 15.12.2021).

Согласно нашим подсчетам, авторы рассматриваемого в статье корпуса источников составляют не менее трети общего числа докторов исторических наук в России. В то же время этот корпус диссертаций никогда не становился предметом исследования и анализируется впервые.

Разумеется, составленная нами «карта» не будет обладать стопроцентной точностью, поскольку не учитывает кандидатов наук и многочисленных «независимых исследователей», так что смотреть на нее следует скорее под следующим углом: по каким именно географическим единицам в России существует специалист высшей академической квалификации, получивший ее за последние 7 лет.

Для начала отметим, что из 305 рассмотренных работ только 55 не относятся к истории России (18%). В вопросах исследовательского интереса это приблизительно соответствует сумме диссертаций, посвященных Сибири, Дальнему Востоку и Русскому Северу. Ни одна зарубежная страна на «ментальной карте» даже близко не подошла бы по популярности у исследователей к таким регионам, как Поволжье (30 диссертаций) или Юг России (27 диссертаций).

Какие страны наиболее интересны исследователям? Рекордсменом здесь стали страны исламского мира, как входившие в состав СССР страны Центральной Азии [15], так и Иран [25], Афганистан [22], Пакистан [16], тюркские народы [8], исламские народы Северной Африки и даже мусульманские диаспоры [6]. В общей сложности на долю этих народов пришлось 9 диссертаций. Помимо стратегической важности региона (особенно связей с Ираном) и значимости советского наследия (отсюда интерес к Афганистану), стоит отметить, что склонность историков к исследованию ислама и мусульман не ограничивается только всемирной историей, но свойственна также истории отечественной (в общей сложности истории мусульман касается 21 работа).

Странам, находившимся в составе СССР, посвящены 6 работ (в т.ч. вошедших в предыдущий блок), и это тоже рекордный показатель. Особенный интерес исследователей вызывает Украина, которой посвящены 2 диссертации – Е.Ю. Борисенок [2] и К.П. Курылёва [13]. В свете болезненных событий сегодняшнего дня мы должны задать себе вопрос, перефразируя Марка Блока, «Обманула ли нас история?».

Можно сказать, что историки «звонили в колокола» задолго до последнего кризиса. Так, Е.Ю. Борисенок ясно доказывает, что внедрение украинского языка и «украинства» как культурного концепта неотделимо от деятельности радикально-националистических элементов, которую на определенном этапе поддержало советское правительство [Там же, с. 5]. При этом для всех остальных граничащих с Украиной держав (в частности, Польши), независимая Украина нужна была только

как буфер против Советской России. Е.Ю. Борисенко также доказывает, что данная политика стала для государства потенциально дестабилизирующей.

К.П. Курылёв четко обозначил несамостоятельность Украины во внешней политике и ее роль во внешнеполитических концептах Запада, направленную на расшатывание ситуации внутри России [13, с. 443]. Сделанные на момент написания диссертации (2016 г.) выводы К.П. Курылёва о том, что гражданская война на Украине подорвет систему европейской безопасности и приведет к столкновению Запада и России на территории Украины, можно считать наиболее важными частями этой работы.

Обращают на себя внимание квалификационные исследования, посвященные истории Древнего Рима и Византии (6 работ). Не считая диссертаций по археологии, посвященных каменному веку, авторы этих трудов затрагивают наиболее ранние хронологические пласты. В рамках рассматриваемого корпуса, история «начинается» где-то во II в. до н.э. в Римской Республике, и это, в целом, единственный пример подобного массового интереса историков к исчезнувшему государству. Но даже среди всех государств Рим – абсолютный рекордсмен, вызвавший интерес большего числа историков, чем такие страны, как Великобритания, Франция, Германия или США. Еще раз оговоримся, что речь идет о докторских диссертациях за 7 лет, т.е. почти каждый год хотя бы один специалист по истории Древнего Рима становится доктором наук. Даже если учесть возможную роль случайности, все равно очевидна важность истории Рима для существующей модели всеобщей истории не просто как одной из империй, но как архетипа империи. Тематика работ также разнообразна: римское право [10], медицина [31], армия [14], особенности цивилизации [33], причем особым вниманием пользуется не республиканский, а имперский период.

Из современных государств от Рима не сильно отстает Великобритания: ей посвящены 5 работ. Отечественная школа англоведения в данном случае фокусируется на новой и новейшей истории. Из пяти работ две посвящены XVIII в., две – XX в. и одна – ранним Стюартам. Используя имагологический термин, Британия выступает основным «Другим» для российской историографии, причем исследователей особенно занимает выработка англичанами своей колониальной стратегии (две работы из пяти).

Наряду с Британией, особым вниманием отечественных историков пользуются страны Востока и Юго-Востока Европы (включая попавшие в группу стран бывшего СССР) – 5 работ. В целом, это отражает общую тенденцию: ближайшие соседи могут не играть на «ментальной карте»

решающей роли (большинству стран, вроде Сербии и Греции, посвящены всего по 1 работе), но и совершенно не исчезают с этой карты. Примечательно, что в случаях с сербами и греками в фокусе исследования оказались события, к которым имела отношение Россия (влияние войн на развитие Сербии [5] и гражданской войны в Греции в контексте создания биполярного мира [9]).

Четыре диссертации посвящены истории Франции, но хронологический разброс здесь куда шире. Практически нет работ по истории страны в XX в. В этом отношении Франция при взгляде только на рассматриваемый корпус источников во многом выглядит историческим государством с яркой средневековой историей и небезынттересными колониальными проектами, но с малопривлекательным настоящим и неопределенным будущим. (Единственная диссертация, затрагивающая историю Франции XX в., посвящена зарождению исламизма в среде мигрантов [6]). Королевский двор Франции [1] и особенности миссионерской деятельности во французских колониях [24] являются тематикой двух других работ.

США посвящены 3 диссертации, две из которых касаются вопросов американской пропаганды как вовне [26], так и внутри страны [3], а одна – протестных движений в США [17].

Наряду с США, 3 работы посвящены также Канаде – стране, едва ли играющей в российском информационном поле большое значение. Отчасти это объясняется тесной связью между Великобританией и Канадой в качестве сначала колонии, а затем доминиона. А.Н. Учаев прямо объясняет актуальность своей работы систематической недооценкой историками роли доминионов в британской истории [23, с. 4]. В интересе к Канаде следует также видеть отголоски увлечения российской интеллигенции либерализмом. И.А. Соков, говоря о развитии политической культуры Канады, в первую очередь рассматривает ее именно как культуру либеральную и прямо пишет о «пользе» такой культуры для построения демократии в России [20, с. 5]. Парадоксально, но объясняется интерес к Канаде и с прямо противоположных позиций. А.Н. Комаров объясняет актуальность своего исследования «устойчивым запросом российского общества на принципы консервативной идеологии» [11, с. 4].

Особое внимание у отечественных историков вызывает и история Монголии, которой посвящены 3 диссертации, отличающиеся единством периода (XIX–XX вв.), но теоретическим разнообразием рассматриваемых вопросов: от особенностей монгольской государственности [7] и роли в этом государстве религии [12] до советско-монгольского сотрудничества [32].

Две диссертации посвящены Германии, две – странам Латинской Америки, но эти векторы явно являются определяющими, стоит отметить лишь то, что и для них характерно единство периода (XX–XXI вв.)

Наконец, помимо стран, попадавших на нашу «ментальную карту», стоит ответить на последний вопрос: чего на этой карте нет? На ней нет большей части стран Восточной Азии – Китая, Индии, Кореи, Японии, государств Индокитая. Отсутствуют Австралия и Океания. Почти полностью отсутствует Африка.

Таким образом, можно сделать вывод, что «всемирная история» для отечественных историков – это, в первую очередь, история России, во вторую – история стран Запада, в третью – история «исламского мира» и, в четвертую, – история стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Прочие векторы, если и присутствуют, то (как это происходит с Латинской Америкой) их доля незначительна. Более того, на «ментальной карте» могут отсутствовать целые материки. «Поворот на Восток», ставший общим местом в современной политической аналитике, пока явно не отразился на исторических исследованиях или, по крайней мере, не породил массовую волну притока исследователей – специалистов высшей академической квалификации. Напротив, по крайней мере, в рамках географического определения объекта исследования, историческая наука в целом следует традиционным векторам: Древний Рим, Англия (Великобритания), Франция, «исламский мир». Отчасти это отражает приоритеты эпохи, когда названные исследователи вступали в науку. Следуя существующей в науке закономерности (между защитой кандидатской и защитой докторской диссертации проходит в среднем 13 лет [18, с. 16]), большая часть докторов наук, ставших таковыми в 2014–2020 гг., защитили кандидатские диссертации в начале 2000-х гг.

Вряд ли в существующей неравномерности следует искать политические причины. Странам, имеющим отличную друг от друга политическую значимость, может быть посвящено одинаковое число работ (как, например, США, Канаде и Монголии). Скорее, корни находятся в существовании устойчивых исследовательских приоритетов и традиций в современной российской исторической науке.

Стоит отметить, что на подготовку к защите «с нуля» одного доктора исторических наук требуется не меньше десятилетия. То есть, если текущая «ментальная карта» и изменится, то изменения эти мы почувствуем нескоро, по мере того, как молодые кандидаты наук будут подходить к защите докторских диссертаций и получению высшей академической квалификации.

Библиографический список / References

1. Бовыкин Д.Ю. Людовик XVIII и французские роялисты при Термидоре и Директории (1794–1799): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. [Bovykin D.Yu. Lyudovik XVIII i francuzskie royalisty pri Termidore i Direktorii (1794–1799) [Louis XVIII and French royalists at Thermidor and Directory]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2017.]
2. Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. [Borisenok E.Yu. Konceptii «ukrainizacii» i ih realizaciya v nacionalnoj politike v gosudarstvah vostochnoevropeskogo regiona (1918–1941 gg.) [Concepts of “Ukrainization” and their implementation in national policy in the States of the Eastern European region (1918–1941)]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2016.]
3. Буранок С.О. Тихоокеанская война в оценке американского общества (1941–1945): Дис. ... д-ра ист. наук. Брянск, 2015. [Buranok S.O. Tixookeanskaya vojna v ocenke amerikanskogo obshhestva (1941–1945) [The Pacific War in the assessment of American society (1941–1945)]. Dr. Hab. dis. Bryansk, 2015.]
4. Ващева И.Ю. Ментальная география раннего Средневековья: теория четырех царств в сочинениях христианских авторов V–VII вв. // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 73–89. [Vashcheva I.Y. Mental geography of the early Middle Ages: The Four monarchies theory in the works of Christian authors of the V–VII centuries. *Dialogue with Time*. 2019. No. 69. Pp. 73–89. (In Rus.)]
5. Вишняков Я.В. Влияние военного фактора на государственное развитие Сербии начала XX века: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. [Vishnyakov Ya.V. Vliyanie voennogo faktora na gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala XX veka [The influence of the military factor on the state development of Serbia at the beginning of the XX century]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2014.]
6. Долгов Б.В. Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. [Dolgov B.V. Genezis islamistskogo dvizheniya v obshhestvenno-istoricheskoy dinamike Alzhira, Tunisa i arabo-musulmanskoj diaspory Francii v 1970–2015-e gody [The genesis of the Islamist movement in the socio-historical dynamics of Algeria, Tunisia and the Arab-Muslim Diaspora of France in the 1970–2015]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2017.]
7. Дудин П.Н. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. [Dudin P.N. Gosudarstvennost Vnutrennej Mongolii v konce XIX – pervoj polovine XX vv. [The statehood of Inner Mongolia at the end of the XIX – first half of the XX centuries]. Dr. Hab. dis. Ulan-Ude, 2020.]
8. Запорожец В.М. Роль тюркок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI – начале XIV века: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. [Zaporozhecz V.M. Rol tyurok-seldzhukov v istoricheskix processax na Blizhnem i SrednemVostoke v XI – nachale XIV veka [The role of the Seljuk Turks in historical processes in the Near and Middle East in the XI – early XIV century]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2018.]

9. Калинин А.А. Греческий конфликт в контексте становления биполярной системы (1944–1953 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Киров, 2018. [Kalinin A.A. Grecheskij konflikt v kontekste stanovleniya bipolyarnoj sistemy (1944–1953 gg.) [The Greek Conflict in the context of the formation of the bipolar system (1944–1953)]. Dr. Hab. dis. Kirov, 2018.]
10. Квашнин В.А. Ранние законы о роскоши в древнем Риме: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. [Kvashnin V.A. Rannie zakony o roskoshi v drevnem Rime [Early luxury laws in ancient Rome]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2016.]
11. Комаров А.Н. Идеология и политика канадских консерваторов (1980–2010-е гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. [Komarov A.N. Ideologiya i politika kanadskih konservatorov (1980–2010-e gg.) [Ideology and politics of the Canadian conservatives (1980–2010s)]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2014.]
12. Кузьмин С.Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. [Kuzmin S.L. Buddizm i gosudarstvennost Mongolii v nachale XX v.: transformaciya otnoshenij religii i gosudarstva v processe stanovleniya nezavisimosti [Buddhism and statehood of Mongolia at the beginning of the XX century: Transformation of relations between religion and the state in the process of becoming independent]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2016.]
13. Курьлев К.П. Внешнеполитическая концепция Украины в условиях формирования европейской системы безопасности (1991–2014 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. [Kurylev K.P. Vneshnepoliticheskaya koncepciya Ukrainy v usloviyax formirovaniya evropejskoj sistemy bezopasnosti (1991–2014 gg.) [The foreign policy concept of Ukraine in the context of the formation of the European security system (1991–2014)]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2016.]
14. Мехмадиев Е.А. Военная организация поздней Римской империи во второй половине III – первой половине IV вв.: региональные экспедиционные армии в контексте гражданских войн и римско-персидского противостояния: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2020. [Mekhmadiev E.A. Voennaya organizaciya pozdnej Rimskoj imperii vo vtoroj polovine III – pervoj polovine IV vv.: regionalnye ekspedicionnye armii v kontekste grazhdanskih vojn i rimsko-persidskogo protivostoyaniya [Military organization of the Late Roman Empire in the second half of the III – first half of the IV centuries: Regional expeditionary armies in the context of civil wars and the Roman-Persian confrontation]. Dr. Hab. dis. St. Petersburg, 2020.]
15. Мещеряков К.Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. [Meshcheryakov K.E. Evolyuciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii v Centralnoj Azii v 1991–2012 gg. [Evolution of the Russian Federation's foreign policy in Central Asia in 1991–2012]. Dr. Hab. dis. St. Petersburg, 2015.]
16. Паничкин Ю.Н. Пакистано-афганские отношения: эволюция, проблемы, решения. 1947–2014 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. [Panichkin Yu.N. Pakistano-afganskije otnosheniya: evolyuciya, problemy, resheniya. 1947–2014 gg. [Pakistan-Afghanistan relations: Evolution, problems, solutions. 1947–2014]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2015.]

17. Прилуцкий В.В. Протестные движения в США в 1820–1850-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Брянск, 2015. [Priluczkiy V.V. Protestnyye dvizheniya v SShA v 1820–1850-e gg. [Protest movements in the United States in the 1820s and 1850s.]. Dr. Hab. dis. Bryansk, 2015.]
18. Селетков С.Г. Соискателю ученой степени. 3-е изд., перераб. и доп. Ижевск, 2002. [Seletkov S.G. Soiskatelyu uchenoj stepeni [To the candidate of a scientific degree]. Izhevsk, 2002.]
19. Сень Д.В. Воображаемая география и имперский дискурс: практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 146–160. [Sen D.V. Imagined geography and imperial discourse: Practices of the Russian Empire in Crimea and the North-West Caucasus in the late XVIII and early XIX centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2008. No. 3. Pp. 146–160. (In Rus.)]
20. Соков И.А. Генезис и эволюция политической культуры Канады XIX – первой половины XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2019. [Sokov I.A. Genezis i evolyuciya politicheskoy kultury Kanady XIX – pervoj poloviny XX v. [Genesis and evolution of Canada's political culture of the XIX – first half of the XX century]. Dr. Hab. dis. Volgograd, 2019.]
21. Соколова Е.С. Россия и Запад в контексте «ментальной географии» XVIII в.: размышления о «природе» российского абсолютизма // Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России: Тезисы докладов VIII научно-практической конференции. Екатеринбург, 17–18 мая 2005 г. / Под ред. Л.А. Закс и др. Екатеринбург, 2005. С. 36–39. [Sokolova E. The Russia and the West in context of mental geography of XVIII century: Origin of Russian absolutism. *Mezhdru proshlym i budushchim: sotsialnye otnosheniya, tsennosti i instituty v izmenyayushchey Rossii*. L.A. Zaks et al. (eds.). Ekaterinburg, 2005. Pp. 36–39. (In Rus.)]
22. Топорков В.М. Советско-афганские отношения в 1975–1991 гг.: исторический опыт разработки и реализации военно-политической стратегии СССР: Дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2014. [Toporkov V.M. Sovetsko-afganskije otnosheniya v 1975–1991 gg.: istoricheskij opyt razrabotki i realizacii voenno-politicheskoi strategii SSSR [Soviet-Afghan relations in 1975–1991: Historical experience of the development and implementation of the military-political strategy of the USSR]. Dr. Hab. dis. Cheboksary, 2014.]
23. Учаев А.Н. Вооруженные силы Канады во Второй мировой войне: управление, оснащение, участие в боевых действиях: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. [Uchaev A.N. Vooruzhennye sily Kanady vo Vtoroj mirovoj vojne: upravlenie, osnashhenie, uchastie v boevykh dejstviyax [The Canadian Armed Forces in World War II: Management, equipment, participation in combat operations]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2018.]
24. Федин А.В. Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Брянск, 2018. [Fedin A.V. Iezuitskaya missiya v Novoj Francii v pervoj polovine XVII v. [The Jesuit mission in New France in the first half of the XVII century]. Dr. Hab. dis. Bryansk, 2018.]
25. Филин Н.А. История и современные процессы легитимации власти в Исламской Республике Иран (1979–2019 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. [Filin N.A. Istoriya i sovremennye processy legitimacii vlasti

- v Islamskoj Respublike Iran (1979–2019 gg.) [History and modern processes of legitimization of power in the Islamic Republic of Iran (1979–2019)]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2020.]
26. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. [Czvetkova N.A. Publichnaya diplomatiya kak instrument ideologicheskoy i politicheskoy ekspansii SShA v mire, 1914–2014 gg. [Public diplomacy as an instrument of ideological and political expansion of the United States in the world, 1914–2014]. Dr. Hab. dis. St.-Petersburg, 2015.]
  27. Чуркин М.К. Сибирь в «воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 2 (2). С. 81–85. [Churkin M.K. Siberia in “imaginary geography”: The question of contemporary research discourse. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki*. 2014. № 2 (2). Pp. 81–85. (In Rus.)]
  28. Шевелев Д.Л. Беларусь и Святая земля в ментальной географии в советский период // Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. СПб., 2021. С. 459–501. [Shevelev D.L. Belarus and The Sacred Land in mental geography in soviet period. *Voobrazhayaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost v XIX – nachale XXI v.* St. Petersburg, 2021. Pp. 459–501. (In Rus.)]
  29. Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 4–17. [Schenk F.B. Mental maps: Constructing geographical space in Europe. *Political Science*. 2001. No. 4. Pp. 4–17. (In Rus.)]
  30. Шишкин В.В. Королевский двор Франции в эпоху Возрождения: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2020. [Shishkin V.V. Korolevskij dvor Francii v epokhu Vozrozhdeniya [The Royal Court of France in the Renaissance]. Dr. Hab. dis. St. Petersburg, 2020.]
  31. Шок Н.П. Античная традиция и раннехристианское мировоззрение в теории и практике медицины Римской империи I–III вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2014. [Shok N.P. Antichnaya tradiciya i rannexristianskoe mirovozzrenie v teorii i praktike mediciny Rimskoj imperii I–III vv. [Ancient tradition and Early Christian worldview in the theory and practice of medicine of the Roman Empire I–III centuries]. Dr. Hab. dis. Tomsk, 2014.]
  32. Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: проблемы становления, развития и основные результаты (1921–1961 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. [Yusupova T.I. Sovetsko-mongolskoe nauchnoe sotrudnichestvo: problemy stanovleniya, razvitiya i osnovnye rezultaty (1921–1961 gg.) [Soviet-Mongolian scientific cooperation: Problems of formation, development and main results (1921–1961)]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2016.]
  33. Ярцев С.В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций: Дис. ... д-ра ист. наук. Белгород, 2016. [Yarcev S.V. Antichnaya civilizaciya i varvary Severnogo Prichernomor'ya v usloviyax etnicheskix migracij [Ancient civilization and barbarians of the Northern Black Sea region in the context of ethnic migrations]. Dr. Hab. dis. Belgorod, 2016.]

Статья поступила в редакцию 15.11.2022, принята к публикации 26.12.2022
The article was received on 15.11.2022, accepted for publication 26.12.2022

Об авторе / About the author

Яковлев Матвей Евгеньевич – аспирант кафедры источниковедения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва

Matvey E. Iakovlev – Graduate student at the Department of Source Studies and Auxiliary Sciences of History, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

E-mail: Mattyakovlev@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-50-62

Э.А. Крылова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Герценовские издания и офицерские кружки на русском флоте в первой половине 1860-х гг.

В статье дан анализ малоизученного аспекта истории российского военно-морского флота – процесса влияния герценовских изданий на формирование прогрессивно-оппозиционного движения в морском офицерском корпусе. Представленный материал позволяет рассмотреть, как происходило становление оппозиционного движения во флоте, какие проблемы волновали молодых офицеров, каким они видели будущее своей страны. Идеи А.И. Герцена, его периодические издания обсуждались в военно-морских кругах, они служили определенным ориентиром для русских моряков, желавших участвовать в реформировании государственного строя России. Впоследствии прогрессивно-оппозиционное движение в офицерской среде станет более радикальным. Некоторые офицеры войдут в Военную организацию «Народной воли» и примут участие в покушениях на императора и организации убийства Александра II в 1881 г.

Ключевые слова: русский морской офицерский корпус, А.И. Герцен, журнал «Колокол», юнкер В.В. Трувеллер, гардемарин В.А. Дьяконов, контр-адмирал Г.И. Бутаков, контр-адмирал И.А. Шестаков

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Крылова Э.А. Герценовские издания и офицерские кружки на русском флоте в первой половине 1860-х гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 50–62. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-50-62

© Крылова Э.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

E.A. Krylova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Herzen publications and officer circles in the Russian Navy in the first half of the 1860s

The article analyzes a little-studied aspect of the history of the Russian Navy – the process of influence of Herzen publications on the formation of a progressive opposition movement in the naval officer corps. The presented material allows us to consider how the process of formation of the opposition movement in the navy took place, what problems worried young officers, how they saw the future of their country. Ideas of A.I. Herzen and his periodicals were discussed in naval circles, they served as a certain reference point for Russian sailors who wanted to participate in the reform of the Russian state system. Subsequently, the progressive opposition movement in the officer environment will become more radical. Some officers will join the Military Organization *Narodnaya Volya* and take part in the assassination attempts on the emperor and the organization of the assassination of Alexander II in 1881.

Key words: Russian Naval Officer Corps, A.I. Herzen, *Kolokol* magazine, Junker V.V. Truveller, midshipman V.A. Diakonov, Rear Admiral G.I. Butakov, Rear Admiral I.A. Shestakov

FOR CITATION: Krylova E.A. Herzen publications and officer circles in the Russian Navy in the first half of the 1860s. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 50–62. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-50-62

В «эпоху Великих реформ» одним из центров подготовки будущих преобразований стало морское ведомство. Высшее морское начальство вовлекало офицерский корпус в рассмотрение важных вопросов, связанных с устройством флота и учреждений морского ведомства. В свою очередь, эти вопросы имели прямое отношение к переустройству администрации, судебной системы, порядка комплектования вооруженных

сил, сферы народного просвещения и другим крупным реформам, имевшим всероссийское значение. Кроме того, морские офицеры чутко реагировали на перемены в общественном устройстве России, на планы и замыслы политических преобразований. Поэтому многие из них были читателями эмигрантских бесцензурных изданий, в т.ч. печатных органов А.И. Герцена и Н.П. Огарева, стоявших на демократических позициях.

Цель настоящей работы – анализ влияния герценовских изданий на формирование *прогрессивно-оппозиционного движения* в русском морском офицерском корпусе в первой половине 1860-х гг. Под этим термином подразумевается неформальная общность людей, выступавших за скорейшее прогрессивное обновление государственного и общественного строя Российской империи и недовольных медлительностью властей при проведении преобразований.

Проблема воздействия герценовской публицистики на общественные настроения в России имеет богатую историографию. Во-первых, это исследования о жизни и деятельности Герцена, о его социально-политическом учении и роли в становлении русской революционно-социалистической печати. Среди них – работы дореволюционных исследователей М.О. Гершензона и М.К. Лемке [2; 6], которые внесли большой вклад в изучение и издание трудов, писем, сочинений Герцена. Так, под редакцией Лемке было опубликовано самое полное дореволюционное собрание сочинений мыслителя. Историк ввел в научный оборот материалы архивов тайной полиции, отразил процесс становления взглядов Герцена. В советский период к изучению его жизни и творчества обращались такие исследователи, как Н.М. Пирумова, Я.Е. Эльсберг, М.В. Нечкина, Н.Я. Эйдельман [8; 9; 11; 14–16]. Их интересовали вопросы, связанные с революционной деятельностью Герцена. Так, Эйдельман исследовал содержание изданий Вольной русской типографии, способы их доставки в Россию, отношение к ним русского общества. Нечкина рассматривала Герцена как одного из идейных вдохновителей организации «Земля и воля». Современные исследователи изучают наследие мыслителя в контексте становления русской политической эмиграции и развития издательской отечественной публицистики [4; 12].

Во-вторых, проблема воздействия герценовской публицистики на общественные настроения нашла отражение в работах, посвященных истории русского морского офицерского корпуса. Так, советский историк С.Ф. Найда впервые обозначил проблему влияния журнала «Колокол» на развитие революционной идеи во флоте. Им были выявлены технологии распространения изданий Герцена среди русских моряков и офицерства [7]. Историки В.В. Петраш и Д.Т. Субботина [10] ввели в научный оборот архивные документы, посвященные судебному разбирательству

с офицерами В.В. Трувеллером и В.А. Дьяконовым, арестованными за пропаганду революционных идей и распространение изданий Герцена. Не менее важен вклад в изучение проблемы и историка Э.Д. Днепров [5]. Он впервые выявил и систематизировал случаи нарушения Морского устава, дисциплины среди офицерства, показав тем самым реакцию морского сообщества на проблемы как во флоте, так и в общественном устройстве Российской империи второй половины XIX в.

Крымская война 1853–1856 гг. выявила серьезные проблемы в армии и во флоте, в социально-экономическом строе Российской империи. Вступая в эпоху паровых и броненосных судов, морское ведомство должно было не только создать новую материально-техническую базу для строительства обновленного флота, но и провести реформирование судебной, образовательной и социальной сфер. Проблемы во флоте нашли свое отражение как в статьях ведомственного журнала «Морской сборник», так и на страницах изданий Вольной русской типографии, в частности, в газете «Колокол».

Газета «Колокол» завоевала широкую популярность в русском обществе. Несмотря на то, что уже с первых месяцев существования газеты правительство пыталось пресечь ее распространение: преследовало лиц, хранящих и распространяющих герценовские издания, обеспечивало строгий таможенный надзор и др., – газету всё равно благополучно доставляли в Россию. Б.С. Гинзбург отмечает, что в 1859–1861 гг. Герцена читали на территории всех восьми жандармских округов – на Севере и в Центре, на Западе и на Юге, в Поволжье и на Урале, на Кавказе и в Сибири; и везде герценовские издания вызывали большой интерес [3, с. 340]. «Колокол» пользовался авторитетом и среди представителей морского офицерского корпуса. Об этом свидетельствуют записки из канцелярии Морского министерства, адресованные морским агентам при русских посольствах за границей с просьбами прислать «Колокол» в министерство для изучения¹, и нескрываемый интерес к газете в офицерской среде. По словам купца А.Т. Семенова, в августе 1860 г. в Кронштадте ему «неоднократно случалось видеть в руках проживающих там морских офицеров и прочих обывателей печатные сочинения Искандера»². Слова купца подтверждает и американский консул Вилькинс,

¹ О доставлении управляющему Морским министерством всех номеров журнала «Колокол» и других изданий А.И. Герцена // Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 410 (Канцелярия Морского министерства). Оп. 2-2. Д. 2432. Л. 42.

² Сводки агентурных донесений о толках и слухах по поводу различных событий политической, экономической и общественной жизни России, международных событий и происшествий // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 3. Д. 3225. Л. 23–23 об.

заметивший, что в Кронштадте «морские офицеры с большим удовольствием получают “Колокол” и другие запрещенные русские издания из-за границы через товарищей своих, совершающих плавание на казенных теплоходах...»³.

Круг вопросов по проблемам флота, поднимавшийся в «Колоколе», был весьма обширен. Это и описание крупных происшествий и катастроф, и размышления о необходимости отмены телесных наказаний матросов, публикации о злоупотреблениях, казнокрадстве и нарушении устава командами кораблей, и, наконец, обвинение конкретных адмиралов и капитанов в жестоком обращении с нижними чинами. Больше всего публикаций приходится на последнюю тему (14 из 21). В числе объектов обвинений Герцена и его корреспондентов – управляющий Морским министерством вице-адмирал Н.Ф. Метлин, контр-адмиралы Г.И. Бутаков, И.А. Шестаков, С.С. Лесовский, капитаны Н.Н. Андреев, Н.П. Макухин и др.

Анализ статей «Колокола» показал, что особое внимание корреспонденты «Колокола» обращали на Бутакова и Шестакова. Для карьеры Бутакова это имело неприятные последствия. Так, после выхода статей «Адмирал Метлин»⁴ и «Засеченный матрос»⁵ он был уволен с поста главного командира Николаевского порта и военного губернатора Николаева и Севастополя и переведен на Балтийский флот начальником отряда винтовых кораблей. Отметим, что Бутаков пользовался популярностью среди офицеров. Герой Крымской войны, талантливый военно-морской деятель, основоположник тактики парового броненосного флота, он был уважаем современниками. Сохранились записки из Кронштадта и Одессы в его поддержку и защиту. Офицеры были возмущены содержанием статей, считая их несправедливыми и сетуя, что в них «адмирала... отдал жестоко Герцен»⁶.

Интересно также время публикации статей и их содержание. В период 1856–1860 гг. Бутаков, восстанавливая после Крымской войны порты, столкнулся со случаями взяточничества и казнокрадства среди

³ Агентурные записки о слухах в Петербурге об обнаружении в литографии Артиллерийского училища печатных произведений А.И. Герцена, о провозе «Колокола» русскими моряками, о шифрованной переписке художника Якоби с А.И. Герценом // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 1. Д. 110. Л. 1 об.

⁴ Адмирал Метлин // Колокол. 1859. Л. 50. С. 408–409.

⁵ Засеченный матрос // Там же. 1860. Л. 62. С. 512–516.

⁶ О статьях, помещенных в издаваемом в Лондоне журнале «Колокол», относящихся до инспекторского Департамента Военного министерства // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). 1-я экспедиция. 1860 г. Д. 310. Л. 4. О статьях, помещенных в издаваемом в Лондоне журнале «Колокол», относящихся до инспекторского Департамента Военного министерства // Там же.

подчиненных. Так, его помощник по интендантской части контр-адмирал А.И. Швендер был замешан в спекуляциях, связанных с поставкой морскому ведомству 13 т гнилой муки. Была создана специальная комиссия по расследованию дела, но из-за высокой должности Швендера оно не было предано огласке; а само следствие в итоге было прекращено. Статьи, посвященные Бутакову, публиковались в «Колоколе» в ноябре 1859 г. и феврале 1860 г. В них контр-адмирала обвиняли во взяточничестве и мздоимстве, т.е. в том, против чего он решительно боролся. После выхода статей в начале 1860 г. его отозвали с Черного моря, где Бутаков надеялся принять деятельное участие в восстановлении русского военного флота, и перевели на Балтийский флот. В одном из писем своим близким он писал: «Меня хватили по лбу именно за то, что не приобрел должное расположение, хотя был очень популярным между дельными и правдолюбивыми людьми»⁷.

Очень схоже складывались дела с публикацией статей, обличающих жестокость Шестакова по отношению к нижним чинам. Среди морских офицеров он пользовался большим уважением. Занимая должность начальника Средиземноморской эскадры (1860–1862) и столкнувшись с проблемами ее снабжения, Шестаков делал все возможное для улучшения быта и продовольствия команд кораблей эскадры. Он отслеживал состояние здоровья экипажей, ходатайствовал об отправке в Россию больных и изнуренных. Показательно и количество погибших моряков за полтора года существования эскадры: «мы заплатились 25-ю умершими и несколькими расслабленными... На эскадре всего было 2900 человек...»⁸. Будучи смелым и независимым человеком, Шестаков часто конфликтовал с управляющим Морским министерством адмиралом Н.К. Краббе, главным кораблестроителем морского ведомства контр-адмиралом А.А. Поповым и др. Двухгодичное плавание Средиземноморской эскадры завершилось успешно, все поставленные задачи были выполнены. Это способствовало и карьерному росту Шестакова. Но герценовские статьи⁹ и действия Специальной комиссии по расследованию происшествий на эскадре, созданной после выхода этих статей, стали для него непростым испытанием.

⁷ Письмо Г.И. Бутакова // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 807 (Казначейство Морского министерства). Оп. 1. Д. 117. Л. 24.

⁸ Документы о направлении больных нижних чинов кораблей эскадры на лечение в местные госпитали и их возвращении после лечения; об отправке тяжелобольных в Россию и о смерти в результате несчастного случая и тяжелой болезни // Там же. Ф. 541 (Штаб командующего эскадрой в Средиземном море контр-адмирала И.А. Шестакова). Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

⁹ Еще о Шестакове и кротости его // Колокол. 1861. Л. 96. С. 812; Фрегат «Генерал-адмирал» и швабра // Там же. Л. 93. С. 785.

Итак, в газете Герцена получили широкое освещение проблемы флота. Большое внимание в «Колоколе» было уделено жестокому отношению старших офицеров с нижними чинами, самоуправству, казнокрадству и служебным злоупотреблениям. Значительная часть статей была посвящена описанию действий офицеров, занимавших высокие посты в морском ведомстве. Апеллируя к общественному мнению, газета критически отзывалась о морских начальниках. В свою очередь, анонимные недоброжелатели и конкуренты видных и наиболее активных деятелей флота пытались использовать «Колокол» для их дискредитации.

Правда, имелись и вполне реальные злоупотребления морского начальства, вызывавшие недовольство моряков и рост оппозиционных настроений на флоте. Фонд Аудиториатского департамента Морского министерства в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (ф. 33) содержит немало документов, связанных с протестными действиями морских офицеров. При этом связи с Герценом и его изданиями были мощным катализатором общественной активности моряков. Известны случаи личных контактов с Герценом морских офицеров – редактора Морского сборника В. Мельницкого¹⁰, штурманского кондуктора П. Мордовина¹¹, доктора Высоцкого¹² и др. Власти узнали и о том, что в распространении «Колокола» среди команд кораблей большую роль играли молодые моряки – юнкер Трувеллер, гардемарин Дьяконов¹³ и др., и даже о прямом сотрудничестве некоторых морских офицеров с Герценом, у которого имелись свои корреспонденты на самих эскадрах¹⁴, находившихся в плавании. Некоторые радикально настроенные офицеры жертвовали деньги в помощь «Земле и воле»¹⁵,

¹⁰ О революционном духе народа в России и о распространении им по сему случаю возмутительных воззваний. Со всеподданнейшими докладами Следственной Комиссии о занятых по сему делу в 1863 году // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). 1-я эксп. 1862. Д. 230. Ч. 94. Л. 4 об.

¹¹ Переписка с русскими посольствами, III отделением Его Императорского Величества канцелярии, командирами судов и другими и посещении русскими офицерами в Лондоне Герцена и переписка с ним, об упадке воинской дисциплины среди моряков, о поведении и отношении к службе офицеров // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 283 (Инспекторский департамент Морского министерства). Оп. 3. Д. 6561. Л. 42.

¹² Там же. Л. 17–17 об.

¹³ О гардемарине 8-го флотского экипажа Дьяконове В.А. и юнкере 23-го флотского экипажа Трувеллере, преданных суду по обвинению в распространении «возмутительных» воззваний // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 33 (Морской генерал-аудиториат и управление флота генерал-аудитора). Оп. 1. Д. 593. Л. 43–72 об.

¹⁴ Там же. Л. 27.

¹⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 283 (Инспекторский департамент Морского министерства). Оп. 3. Д. 6561. Л. 39–40.

содействовали М.А. Бакунину в его побеге из Сибири за границу¹⁶, пытались добывать оружие для восставших поляков¹⁷ и даже сами находились в их рядах¹⁸.

Примером одной из попыток консолидации молодых моряков, стоявших на антиправительственных позициях, служит деятельность нелегального политического кружка Трувеллера и Дьяконова. В начале 1862 г. на фрегатах «Олег» и «Громобой», возвратившихся из заграничного плавания, было обнаружено большое количество запрещенных изданий Вольной русской типографии, в т.ч. комплекты «Колокола», «Полярной звезды», экземпляры воззваний «Что нужно народу?» и т.п. Издания были найдены у Трувеллера и Дьяконова. Они были арестованы и отданы под суд.

Одним из главных распространителей запрещенной литературы среди своих товарищей, юных моряков эскадры, оказался Владимир Трувеллер – сын бывшего английского подданного и участника Крымской войны, инженера путей сообщения Вильяма (в православии – Василия) Трувеллера. Судьба отца оказала большое влияние на Владимира. Неправедливо обвиненный в присвоении казенных денег в ходе постройки мостов Николаевской дороги (Москва–Петербург), Вильям Трувеллер умер под следствием, так и не дождавшись оправдания [13, с. 14]. Тяжело переживая смерть отца, Владимир оставил учебу в Петербургском университете и в 1861 г. поступил вольноопределяющимся на флот. Вначале юнкер служил на фрегате «Ослябля», затем был переведен на фрегат «Олег». Еще в университете Трувеллер читал сочинения Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена. Во время службы на флоте он не только продолжал читать запрещенные сочинения, но и стал организатором политического кружка своих молодых сослуживцев. Условия службы на «Олеге» были тяжелыми. Офицеры были возмущены жестоким обращением командира фрегата Андреева с нижними чинами. Так, в письме с «Олега», опубликованном в «Колоколе», говорилось: «линьки, собственноручные побои командира, ругательства офицеров и штурмана, утонченная роскошь наказаний создавали невыносимые условия для команды; два матроса были насмерть замучены жестокими наказаниями»¹⁹. Трувеллер и его друг, гардемарин Дьяконов, устраивали в каютах собрания, где читали бесцензурные эмигрантские издания А.И. Герцена и кн. П.В. Долгорукова,

¹⁶ Материалы для биографии М.А. Бакунина. Т. 1. Л., 1923. С. 315.

¹⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 283 (Инспекторский департамент Морского министерства). Оп. 3. Д. 6561. Л.13.

¹⁸ Там же. Л. 25.

¹⁹ Олег и Андреев // Колокол. 1861. Лист 109. С. 915.

обсуждали дела службы на «Олеге», положение и начавшиеся изменения в стране. На допросах восемь человек из команды фрегата сознались, что участвовали в обсуждении «запретных» тем: «в каюте читались “Колокол”, “Будущность” и другие, но не воззвания, и случались споры и рассуждения вследствие этого чтения...»²⁰. Трувеллеру удалось наладить контакты с офицерами фрегата «Громобой», где также распространялась нелегальная литература. Во время стоянок офицеры кораблей часто собирались вместе, обсуждали проблемы флота, читали «Колокол» и решали вопросы, связанные с его доставкой и распространением.

Цели деятельности Трувеллера, его представления о перспективах политических перемен в стране отражены в материалах допросов, проводившихся следственной комиссией. Так, он рассказывал, что желал своими действиями «мешать кровопролитию, уничтожить надеянность (так в тексте. – Э.К.) нашего правительства на физическую силу, понудить его прислушаться и внять новым требованиям народа»²¹. Правда, ни о каких революционных переворотах речи не было.

Юнкер на допросах называл Александра II «благонамеренным», характеризуя его политику как «управление согласно конституции настолько, насколько то позволяют обстоятельства»²², и видел в его действиях не укрепление самодержавия, а развитие народного сознания. Трувеллер выступал не против царя, а против правящей бюрократии, которую называл не иначе, как «густым смрадом между народом и государем»²³. Борьбу с правительством юнкер предполагал вести посредством ненасильственных действий – игнорирования предписаний властей, отказа от уплаты податей.

Большое внимание Трувеллер уделял росту гражданского самосознания народа и признался в намерении создать свою подпольную типографию; ради этого Дьяконову было поручено заказать в Киле типографский шрифт. Печатные станки соратники намеревались приобрести в России, т.к. привезти их из-за границы на военных кораблях было

²⁰ Из военно-судного дела о гардемарине 8 флотского экипажа Владимире Дьяконове и юнкере 23 флотского экипажа Владимире Трувеллере. 7 октября 1862 г. // Исторический архив. 1955. № 5. С. 125.

²¹ О гардемарине 8-го флотского экипажа Дьяконове В.А. и юнкере 23-го флотского экипажа Трувеллере, преданных суду по обвинению в распространении «возмутительных» воззваний // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 33 (Морской генерал-аудиториат и управление флота генерал-аудитора). Оп. 2. Д. 593. Л. 39–40.

²² Там же. Л. 69.

²³ Там же.

весьма хлопотно. Главным делом нелегальной печати он считал «разоблачение правительства и чиновников»²⁴.

Издания Вольной русской типографии приобрели большое влияние на русское офицерство и его идейные искания. Молодые офицеры, возмущенные несправедливым общественным устройством, нередко становились распространителями «Колокола», пропагандистами герценовских идей среди сослуживцев, организаторами или активными участниками собраний и кружков.

Призывы к русской прогрессивной молодежи, звучавшие со страниц «Колокола», становились руководством к действию. Так, в августе 1861 г. в газете была напечатана статья Герцена «Заводите типографии! Заводите типографии!»²⁵. В ней он высказывался за широкое ведение агитационной работы внутри страны с опорой на нелегальную печать. Герцен подчеркивал, что «основная задача передовой части общества – будить сознание народа и самого правительства»²⁶; создание тайных типографий и распространение публикаций, обличающих пороки старого общественного строя, были вполне логичными шагами на этом пути. Трувеллер стал одним из проводников герценовской стратегии завоевания прогрессивными силами широкой общественной поддержки. На допросе он сказал, что решил создать свою типографию после личной беседы с издателями «Колокола».

Примечательно, что власти не стали применять к лидерам кружка Трувеллера–Дьяконова какие-то драконовские меры и вскоре смягчили им наказание. Дьяконов был разжалован в рядовые и после недолгого заключения освобожден [10, с. 113]. Трувеллер по приговору суда был лишен «прав состояния» (дворянства) и сослан на три года в г. Курган Тобольской губернии, но уже в 1865 г. отдан на попечение родным, а в 1866 г. ему были возвращены «права состояния» [13, с. 17].

Таким образом, герценовские издания способствовали развитию в русском обществе гражданского самосознания, пробуждали интерес морских офицеров к социально-политической проблематике, содействовали консолидации прогрессивно настроенных моряков – их объединению в нелегальные кружки и сообщества. Только за период

²⁴ О гардемарине 8-го флотского экипажа Дьяконове В.А. и юнкере 23-го флотского экипажа Трувеллере, преданных суду по обвинению в распространении «возмутительных» воззваний // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 33 (Морской генерал-аудиториат и управление флота генерал-аудитора). Оп. 2. Д. 593. Л. 51.

²⁵ Заводите типографии! Заводите типографии! // Колокол. 1861. Л. 105. С. 877.

²⁶ Герцен А.И. Еще вариация на старую тему // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 12. Произведения 1852–1857 гг. М., 1957. С. 431–436.

1862–1865 гг. целый ряд моряков был подвергнут взысканиям и преследованиям за нарушение Морского устава: контакты и сотрудничество с Герценом, распространение его изданий на кораблях и в портах, среди нижних и средних чинов флота. Иногда встречались и вопиющие случаи перехода на сторону польских повстанцев, а также участия в сборе средств для организации «Земля и воля». Конечно, это лишь небольшая часть правонарушений, зафиксированных в архивных документах. Из множества единичных проявлений явным образом формируется общая картина постепенного сплочения оппозиционных сил в рядах морского офицерского корпуса в начале 1860-х гг. Свою силу и влияние на положение дел «Колокол» сумел доказать, когда его обвинения (не всегда справедливые) в адрес видных представителей командного состава флота стали причиной их серьезных служебных неприятностей и предметом официальных расследований.

Издания Вольной русской типографии, идеи А.И. Герцена и Н.П. Огарева способствовали самоорганизации молодых прогрессивно настроенных морских офицеров, их деятельному участию в прогрессивно-оппозиционном, а впоследствии – в революционно-социалистическом движении второй половины XIX в. Морское офицерство все чаще оказывалось перед непростым выбором: посвятить свои усилия созидательной деятельности, направленной на возрождение и развитие русского флота (А.П. Шестаков, С.О. Макаров, Ф.В. Дубасов и др.) или пополнить ряды радикалов – непримиримых борцов против «реакционного» царского правительства. Для последних даже социалистические идеалы Герцена, допускавшего мирный вариант реформ «сверху», станут слишком умеренными. Любопытно, что основой Военной организации «Народной воли» станет Центральный военный кружок, созданный в 1880 г.; его главным ядром были морские офицеры [1, с. 318]. Некоторые из них (Н.Е. Суханов, Ф.И. Завалишин и др.) участвовали в подготовке покушений на Александра II, в т.ч. цареубийства 1 марта 1881 г.

Библиографический список / References

1. Волк С.С. Народная воля (1879–1882). М.; Л., 1966. [Volk S.S. Narodnaya volya (1879–1882). Moscow; Leningrad, 1966.]
2. Гершензон М.О. Социально-политические взгляды А.И. Герцена. М., 1906. [Gershenzon M.O. Socialno-politicheskie vzglyady A.I. Gercena [Sociopolitical views of A.I. Herzen]. Moscow, 1906.]
3. Гинзбург Б.С. Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х – начале 1860-х годов (по материалам III отделения и другим данным) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. Т. 2. С. 335–360. [Ginzburg B.S. Distribution of publications of the Free

- Russian Printing house in the late 1850s – early 1860s (based on the materials of the III Department and other data). *Revolucionnaya situaciya v Rossii v 1859–1861 gg.* Moscow, 1962. Vol. 2. Pp. 335–360. (In Rus.)]
4. Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX в. М., 2008. [Grosul V.Ya. Russkoe zarubezhe v pervoj polovine XIX v. [Russian Abroad in the first half of the XIX century]. Moscow, 2008.]
  5. Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965. Т. 4. С. 229–258. [Dneprov E.D. “Sea collection” in the social movement of the period of the first revolutionary situation in Russia. *Revolucionnaya situaciya v Rossii v 1859–1861 gg.* Moscow, 1965. Vol. 4. Pp. 229–258. (In Rus.)]
  6. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. М., 2011. [Lemke M.K. Oчерki po istorii russoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya [Essays on the history of Russian censorship and journalism of the XIX century]. Moscow, 2011.]
  7. Найда С.Ф. Революционное движение в царском флоте. 1825–1917. М.; Л., 1948. [Najda S.F. Revolyucionnoe dvizhenie v carskom flote. 1825–1917 [The revolutionary movement in the Tsarist Navy. 1825–1917]. Moscow; Leningrad, 1948.]
  8. Нечкина М.В. Встреча двух поколений: из истории русского революционного движения конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. М., 1980. [Nechkina M.V. Vstrecha dvuh pokolenij: iz istorii russkogo revolyucionnogo dvizheniya konca 50-h – nachala 60-h gg. XIX v. [Meeting of two generations: From the history of the Russian revolutionary movement of the late 50s – early 60s of the XIX century]. Moscow, 1980.]
  9. Нечкина М.В. Конспиративная тема в «Былом и думах» А.И. Герцена // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. 1963. Т. 3. С. 275–297. [Nechkina M.V. The conspiratorial theme in the “Past and Thoughts” by A.I. Herzen. *Revolucionnaya situaciya v Rossii v 1859–1861 gg.* 1963. Vol. 3. Pp. 275–297. (In Rus.)]
  10. Петраш В.В., Субботина Д.Т. Из истории революционного движения в русском военно-морском флоте // Исторический архив. 1955. № 5. С. 110–140. [Petrashev V.V., Subbotina D.T. From the history of the revolutionary movement in the Russian Navy. *Istoricheskij arhiv.* 1955. No. 5. Pp. 110–140. (In Rus.)]
  11. Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. [Pirumova N.M. Aleksandr Gercen – revolyucioner, myslitel, chelovek [Alexander Herzen is a revolutionary, a thinker, a man.]. Moscow, 1989.]
  12. Рот А.А. Герцен и традиции Вольной русской прессы. Казань, 2001. [Root A.A. Gercen i tradicii Volnoj russoj pressy [Herzen and the traditions of the Free Russian Press]. Kazan, 2001.]
  13. Сергеев Е. Село Петрово и его окрестности XVIII–XX вв. Великий Новгород, 2018. [Sergeev E. Selo Petrovo i ego okrestnosti XVIII–XX vv. [The village of Petrovo and its surroundings of the XVIII–XX centuries]. Veliky Novgorod, 2018.]
  14. Эльсберг Я.Е. Герцен. Жизнь и творчество (1812–1870). М., 1963. [Elsberg J.E. Gercen. Zhizn i tvorchestvo (1812–1870) [Herzen. Life and creativity (1812–1870)]. Moscow, 1963.]

15. Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1984. [Ejdelman N.Ya. Gerzen protiv samoderzhaviya. Iz potayonnoj istorii Rossii XVIII–XIX vekov [Herzen is against autocracy. From the secret history of Russia of the XVIII–XIX centuries]. Moscow, 1984.]
16. Эйдельман Н.Я. Свободное слово Герцена. М., 1999. [Ejdelman N.Ya. Svobodnoe slovo Gercena [Herzen's free word.]. Moscow, 1999.]

Статья поступила в редакцию 01.08.2022, принята к публикации 05.10.2022
The article was received on 01.08.2022, accepted for publication 05.10.2022

Об авторе / About the author

Крылова Элина Андреевна – аспирант кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Elina A. Krylova – postgraduate student at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: elkoo.volkova@yandex.ru

Д.О. Чураков, А.В. ЛубковМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: противоречия, компромиссы, союз

В статье переосмысливается роль рабочего движения в 1918–1920 гг. В ней раскрываются причины, по которым рабочие поддержали большевиков в Гражданской войне, и почему взаимодействие партии и класса оставалось устойчивым, несмотря на периодические кризисы и антибольшевистские настроения в различных промышленных центрах. Поставленные проблемы рассмотрены сквозь призму новых подходов, в частности через анализ коллективных стратегий выживания больших социальных групп в кризисных условиях революции и Гражданской войны. В статье показано, что необходимость восстановления разрушенной Первой мировой войной и свержением самодержавия традиционной русской государственности заставляла рядовых участников событий искать опору в тех политических силах, которые могли дать защиту от хаоса и предотвратить возврат в прошлое. Активная рабочая политика последователей В.И. Ленина в целом отвечала задачам преодоления отчуждения рабочих от государственной власти, и даже наоборот – вовлекала их в политическое, экономическое, социальное и культурное переустройство. В результате рабочие опытным путем на протяжении периода Гражданской войны пришли к выводу, что для них наибольшую защиту может обеспечить именно Советское государство во главе с большевистской партией. Все другие коллективные стратегии не обеспечивали ни минимума автономных свобод для рабочих, ни гарантий выживания их семей. По логике, которая постепенно была признана большинством рабочих, выступать против Советской власти означало выступать против своего собственного государства. Поэтому даже наиболее радикальные проявления недовольства в отношении революционного режима отражали симпатии рабочих к советской легальности: от Ижевска до Кронштадта рабочие протесты происходили в условиях,

© Чураков Д.О., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

когда сами большевики своими ошибками подрывали устойчивость советской власти, подменяли его комиссародержавием.

Ключевые слова: Гражданская война, стратегии выживания, Советская власть, большевики, фабзавкомы, эгалитаризм, огосударствление, этатизм, конформизм, антибольшевистский рабочий протест, рабочее самоуправление, стимулирование труда

Для цитирования: Чураков Д.О., Лубков А.В. Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: Противоречия, компромиссы, союз // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 63–78. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-63-78

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-63-78

D.O. Churakov, A.V. Lubkov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The working class and its party during the Civil War in Russia: Contradictions, compromises, alliance

The article rethinks the role of the labor movement in 1918–1920. It reveals the reasons why the workers supported the Bolsheviks in the Civil War and why the interaction of the party and the class remained stable despite periodic crises and anti-Bolshevik sentiments in various industrial centers. The problems under consideration are viewed through the prism of new approaches, in particular through the analysis of collective strategies for the survival of large social groups in the crisis conditions of revolution and civil war. The article shows that the need to restore the traditional Russian statehood destroyed by the First World War and the overthrow of the autocracy forced ordinary participants of the events to seek support for those political forces that could provide protection from chaos and prevent a return to the past. The active labor policy of Lenin's followers generally met the objectives of overcoming the alienation of workers from state power, and even vice versa – involved them in political, economic, social and cultural

reconstruction. As a result, during the period of the Civil War the workers experimentally came to the conclusion that it was the Soviet state led by the Bolshevik Party that could provide the greatest protection for them. All other collective strategies provided neither a minimum of autonomous freedom for workers, nor guarantees for the survival of their families. According to the logic that was gradually recognized by the majority of workers, speaking out against the Soviet government meant speaking out against their own state. Therefore, even the most radical manifestations of discontent against the revolutionary regime reflected the sympathy of the workers for Soviet legality: from Izhevsk to Kronstadt, workers' protests took place in conditions when the Bolsheviks themselves undermined the stability of Soviet power by their mistakes, replacing it with commissarocracy.

Key words: civil war, survival strategies, Soviet power, Bolsheviks, factory committees, egalitarianism, statism, etatism, conformism, anti-Bolshevik workers' protest, workers' self-government, labor stimulation

FOR CITATION: Churakov D.O., Lubkov A.V. The working class and its party during the Civil War in Russia: Contradictions, compromises, alliance. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 63–78. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-63-78

Исторический путь рабочего класса в 1918–1920 гг. – вопрос, не устаревающий ни для исторической науки, ни для общества. Как и вопросы, связанные с причинами и предпосылками самых разнообразных революций, вопросами социальной базы правящих кругов и способами ее поддержания. Почему рабочие поддержали ленинских интернационалистов? Чем подпитывалось взаимодействие участников «тандема»? Почему связь партии и рабочих окраин оказалась такой устойчивой даже в самых кризисных эпизодах революции и Гражданской войны? Эти и многие другие вопросы должны оказываться в центре внимания каждого нового поколения историков для переосмысления. Так что современное явственное угасание исследовательской активности в области изучения рабочей истории, скорее всего, временное. Впрочем, к вовсе неизученным рабочую проблематику в период т.н. «красной смуты», конечно, отнести невозможно¹. За несколько десятилетий советские историки успели ввести в научный оборот и даже опубликовать огромное количество источников по рабочей истории периода Гражданской

¹ Термин «красная смута» ввел в научный оборот историк, автор монографии «Красная смута: Природа и последствия революционного насилия» В.П. Булдаков [1].

войны. Над темой работали такие видные историки, известные сегодня во всем мире, как П.В. Волобуев [2], Л.С. Гапоненко [4], Е.Г. Гимпельсон [5], В.З. Дробижев [7], Ю.И. Кирьянов [8], А.М. Панкратова [10], Г.А. Трукан [11] и др.

Свой вклад внесли и отечественные исследователи более поздних лет. Во второй половине 1990-х гг., когда в Российской Федерации шел рост протестных настроений, стараниями немногих энтузиастов даже произошло некоторое оживление рабочей истории. Выходили работы отечественных исследователей, которые часто развивали сотрудничество с зарубежными коллегами в рабочем вопросе. Но постепенно в первые годы XXI в. внимание к рабочей проблематике среди отечественных историков почти иссякло. Зато на Западе, на фоне Арабской весны, цветных переворотов, массовых выступлений в Азии, Латинской Америке и даже в странах Западной Европы и Северной Америки, интерес к истории рабочего движения устойчив [12]. Поскольку последние три десятилетия отечественная историография с некоторым опозданием, но повторяет зигзаги развития западной историографии, можно ожидать, что и в нашей стране произойдет оживление интереса к рабочей истории.

Применительно к рабочему вопросу в годы Гражданской войны советская историография, прежде всего, уделяла внимание таким проблемам, как политика советской власти в рабочем вопросе, поддержка рабочими большевиков и роль рабочих в укреплении и расширении социальной базы диктатуры пролетариата, их вклад в строительство революционного государства и Красной Армии, динамика численности и структуры рабочих, развитие рабочих организаций и т.д. В период кризиса советской историографии данная проблематика была отодвинута на второй план. Зато в центре внимания оказались вопросы, либо прежде не излучавшиеся вовсе, либо подвергшиеся наибольшему идеологическому искажению. Это повседневная жизнь рабочих в качестве представителей урбанистической среды, индивидуальные и коллективные стратегии кризисной социализации рабочих, в отдельные моменты переходящие в стратегии самосохранения и выживания в прямом смысле этих понятий, самоорганизация рабочих в условиях кризиса государственности, мотивация труда, мотивы политического поведения, протестный активизм рабочих на советских территориях. Вместе с тем, новейшие подходы к изучению рабочего вопроса неверно рассматривать в отрыве от историографии прежних лет: лишь в совокупности достижений советской, эмигрантской, зарубежной и современной российской историографии облик и роль рабочего класса России могут получить всестороннюю объективную оценку.

В период участия России в Первой мировой войне численность рабочих сильно возросла, изменился их совокупный социальный облик. Если в 1913 г. рабочих на предприятиях, подчиненных фабричной и горной инспекции, насчитывалось 3,1 млн чел., то в 1917 г. – уже 3,6 млн. Всего же численность рабочих в данный период может быть определена в 15 млн чел. За годы войны структура рабочего класса менялась: росла концентрация рабочих на крупных предприятиях с числом рабочих свыше 500 чел., в то время как количество сельскохозяйственных рабочих сократилось с 4,5 до 2 млн чел. Значительная часть кадровых рабочих была призвана в армию и во флот, на их место пришла молодежь преимущественно из деревни и частично – из средних городских слоев. Это повысило протестный потенциал рабочих, но снизило политическую грамотность.

В годы революции, интервенции и Гражданской войны облик, структура и вес рабочего класса в обществе продолжали меняться. Теперь его общая численность не росла, а сокращалась, что было связано с перебоями в снабжении продовольствием, мобилизациями в армии враждующих сторон, уходом в продотряды, бегством в деревню и др. Главной причиной являлось нараставшее разрушение промышленности и транспорта, что повлекло естественное сокращение рабочих мест. Данное обстоятельство позволяет предположить, что настоящий кризис российской экономики начался не при царском режиме, а при Временном правительстве и усугубился при советском, белых и прочих режимах в 1918–1919 гг.

Уже к осени 1918 г. численность рабочих в промышленности снизилась до 2,5 млн чел., а к концу Гражданской войны составила всего 41% от дореволюционных показателей, т.е. упала до 1,5 млн. Различные группы рабочих сокращались в разной пропорции. Если на ведущих оборонных предприятиях, таких как Ижевский и Тульский оружейные заводы, количество занятых даже возрастало, то другие крупные предприятия, например, Сормовский, Коломенский и Путиловский заводы, потеряли более половины от довоенного количества работающих на них. Резко сократилось количество текстильных и сельскохозяйственных рабочих, а количество железнодорожных возросло до 1,2 млн. Также несколько увеличилось число рабочих небольших и средних предприятий с числом занятых на них от 20 до 500 чел. Данные факты свидетельствуют не только о депопуляции городов и поселков городского типа, жителями которых являлись промышленные и некоторые другие категории рабочих, но и о вызванных Гражданской войной процессах деиндустриализации и кризисной дезурбанизации в целом,

т.е. о разрушении промышленной инфраструктуры и городской цивилизации как таковой.

Оказавшись в эпицентре социальной катастрофы, рабочие столкнулись с необходимостью выстраивать новые стратегии социализации. Наиболее распространенной стратегией была деятельность рабочих по развитию органов самоорганизации, которая массово разворачивалась сразу же после свержения самодержавия. Органы рабочей самоорганизации явились зримым воплощением процесса, охватившего все значимые группы населения страны, который может быть назван «революцией самоуправления». Существовало множество форм рабочей организации, часть из которых, подобно партиям и профсоюзам, были заимствованы из опыта западноевропейского рабочего движения, другие, такие, как советы и фабрично-заводские комитеты, стали результатом развития национальных демократических традиций. Все они, по возможности, развивались на принципах автономного внутриклассового строительства, что являлось результатом разрушения привычных социальных структур и начавшегося противоборства всех против всех. Часто изоляционистские тенденции нарушались из-за необходимости интегрироваться в более широкие социальные движения, однако те партии и политики, которые ратовали за внедрение межклассового партнерства, отторгались рабочими и заведомо оказывались в проигрышной позиции.

Наиболее устойчивые объединительные тенденции разворачивались между классовыми рабочими организациями, число которых быстро увеличивалось [3, с. 13]. К моменту прихода к власти большевиков сложились основы целостной системы органов рабочей самоорганизации, которая все активнее подстраховывала и заменяла собой разрушавшиеся государственные структуры Временного правительства. Рост организованности рабочего движения подкреплялся важными изменениями в экономике через развитие рабочего контроля. Формально собственность все еще принадлежала старым дельцам, но фактически, через фабзавкомы в сфере производства, профсоюзы в сфере распределения, рабочую кооперацию в сфере обмена, рабочее самоуправление все решительнее готовило почву для коллективных форм собственности. А это, в свою очередь, делало неизбежным изменение политической надстройки. Советы и были именно этой новой надстройкой.

Победа большевиков в октябре 1917 г. закрепила данную тенденцию и показала эффективность коллективных стратегий социализации, направленных на развитие органов рабочего представительства и самоорганизации. Рабочие через свои коллективные институты занимались

снабжением сырьем², решением продовольственной проблемы³, заработной платой⁴, культурно-просветительской работой⁵ и многими другими проблемами. Поэтому данная стратегия развивалась и в период Гражданской войны.

Однако развитие органов рабочей демократии в 1918–1920 гг. неожиданно столкнулось с серьезными трудностями. В условиях войны и мобилизационной экономики демократические механизмы показали свою малую эффективность. Другой преградой стало отношение к рабочей самоорганизации, самоуправлению и рабочему контролю со стороны политических элит, существовавших в годы войны режимов.

В силу малой эффективности рабочих организаций в чрезвычайных условиях, а также в силу доктринальных установок большая часть политиков была против полной самостоятельности рабочих. Подходы к стремлению рабочих самостоятельно решать свою судьбу были разнообразны и, чаще всего, противоречивы. Монархические и вообще правые силы видели в рабочих пособников большевизма и виновников гражданской смуты, поэтому везде, где это было в их власти, ограничивали права рабочих организаций. Либералы, меньшевики и эсеры, выступая за свободу союзов и кооперации в сфере защиты некоторых экономических прав рабочих, были категорическими противниками рабочего контроля над производством, последовательно отдавая приоритет контролю над экономикой бюрократическим государственным органам. Как и правые, они видели элемент анархии и хаоса в таких организациях, как, например, фабрично-заводские комитеты (ФЗК). Анархисты же, выступая за рабочую демократию, рабочий контроль, ФЗК, как правило, прохладно относились к «бюрократическим» и «буржуазным», по их мнению, профсоюзам, а также выступали против

² Государственный архив Тульской области. Ф. 1012 (Тульский губернский союз металлистов). Оп. 1. Д. 5. Л. 153–153 об., 154; Ф. 220 (Первые Тульские оружейные заводы. Приказы по заводам и протоколы заседаний центрального заводского и технического комитетов). Оп. 1. Д. 5. Л. 291, 391.

³ Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-730 (Иваново-Вознесенский губернский отдел Всесоюзного профессионального союза текстильщиков). Оп. 1. Д. 36. Л. 15, 16–18 об.; Д. 35. Л. 5 об.; Рабочий край. 1918. 20 марта.

⁴ Государственный архив Тульской области. Ф. 1012 (Тульский губернский союз металлистов). Оп. 1. Д. 39. Л. 131–133; Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-730 (Иваново-Вознесенский губернский отдел всесоюзного профессионального союза текстильщиков). Оп. 1. Д. 34. Л. 7–9 и др.

⁵ Государственный архив Тульской области. Ф. 444 (Судаковский цементный (позже чугуноплавильный) завод). Оп. 1. Д. 9. Л. 50; Ф. 207 (Тульский государственный сахарорафинадный завод). Оп. 1. Д. 3. Л. 79, 85; Оп. 7-1. Д. 4. Л. 17; Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7952 (Государственное издательство «История фабрик и заводов»). Оп. 3. Д. 215. Л. 9–11.

любых форм государства, в т.ч. рабочего, советского и т.д., по крайней мере, в теории, но случалось, что и на практике.

Наиболее полно данные настроения в доктринальной сфере и государственном строительстве могут быть изучены на материалах большевистского режима, поскольку большевики считали пролетариат своей социальной базой и патронировали решение рабочего вопроса на своих территориях. Вопреки устоявшимся представлениям, большевики вовсе не были едины в подходах к рабочему вопросу. Об этом свидетельствует количество и острота дискуссий по тем или иным его аспектам, начиная с дискуссии октября-ноября 1917 г. по рабочему контролю и заканчивая дискуссией конца 1920 – начала 1921 гг. по профсоюзам. «Рабочий контроль, – подчеркивал А. Лозовский, – был боевым лозунгом большевиков до октябрьских дней. Но, несмотря на то, что рабочий контроль фигурировал на всех знаменах и во всех резолюциях, он был покрыт какой-то мистической таинственностью»⁶.

В целом, первоначально большевики поддержали требования рабочего движения, что позволило им закрепиться у власти. Но вскоре интересы экономического и военного строительства заставили большевиков серьезно скорректировать свою политику по отношению к рабочим организациям. Учитывая, что многие рабочие организации и рабочие активисты и сами активно включились в строительство революционного государства, все больше партийных теоретиков и практиков рабочего движения приходили к идее необходимости огосударствления рабочих организаций. Они были солидарны с позицией И. Скворцова-Степанова, который настаивал на том, что «рабочий контроль снизу есть только подсобная часть регулирования промышленности в государственном масштабе»⁷.

Вопрос этот был предварительно решен на I Всероссийском съезде профессиональных союзов, который проходил вскоре после роспуска Учредительного собрания и расстрела рабочей демонстрации в Петрограде. Считается, что большевики поддерживали ФЗК как административные органы в противовес профсоюзам. В действительности, сторонников такого подхода среди членов РКП (б) было крайне мало, и они не обладали влиянием. Подавляющая часть большевиков к началу 1918 г. придерживалась прямо противоположных взглядов, что и было закреплено в решениях профсъезда. На нем ФЗК были подчинены профсоюзам в качестве нижних звеньев профаппарата, что было названо политикой союзования, а сами профсоюзы были подчинены

⁶ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 19.

⁷ Там же. С. 7.

государству, советам, государственным хозяйственным органам, что, в свою очередь являлось огосударствлением профсоюзов⁸. На I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, заседавшем в Москве с 26 мая по 4 июня 1918 г., произошел решающий бой между сторонниками усиления государства и апологетами рабочего самоуправления. Рабочее самоуправление на нем если и не упразднилось, то сохранялось лишь в пережиточных, можно сказать, символических формах. Приоритет всецело передавался хозяйственным органам революционного государства⁹. Так сложилась руководящая вертикаль, на которую большевики опирались в рабочем вопросе и контролировали деятельность прежде самостоятельных рабочих институтов.

Огосударствление рабочего представительства меняло суть прежних стратегий социализации, нацеленных на создание автономных, чисто классовых рабочих организаций. Ответом со стороны рабочих стало формирование трех новых, альтернативных прежней, стратегий. Первая из них была нацелена на встраивание в государственные системы как всего класса, так и его отдельных отрядов и даже отдельных представителей, получивших возможность сделать карьеру на государственном, хозяйственном, военном или профсоюзном поприще. Разумеется, наиболее широкие возможности в реализации данного выбора у рабочих были в Советской России. Что понятно: хотя антибольшевистские правительства часто – гласно или негласно – сохраняли некоторые завоевания Октябрьской революции в рабочем вопросе и некоторые нормы, введенные большевиками, но альтернативные Москве режимы ни идеологически, ни материально не могли гарантировать рабочим столь же широкие возможности.

Еще одной стратегией социализации – самой, пожалуй, массовой – становится конформизм. Явления конформизма в условиях Гражданской войны только начинают серьезно изучаться, но уже сейчас можно отметить, что для сохранения рабочих мест и стабильного снабжения продовольствием рабочие готовы были умерить свои притязания. Аналогичным образом на настроение рабочих влияла нараставшая социальная усталость, неспособность человека жить в условиях постоянного стресса и борьбы за все, вплоть до выживания. Конформизм мог проявляться в соблюдении законов, даже самых суровых, распорядка в сфере производства и трудовой дисциплины, участии в официальных мероприятиях антисоветских властей и т.д. В Советской России ярким

⁸ Первый Всероссийский съезд профсоюзов. 7–14 января 1918 г. Полный стенографический отчет с предисловием И. Томского. М., 1918. С. 204–207, 219–220 и др.

⁹ Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 25 мая – 4 июня 1918 г. Стенографический отчет. М., 1918. С. 256–257 и др.

проявлением конформизма становится быстрое распространение в рабочей среде нового «большевизированного» языка – явление, хорошо знакомое, но менее выраженное в тех регионах, где существовали альтернативные режимы. Но, конечно, самым важным проявлением конформизма примерно с конца 1918 г. становится затухание забастовочной и прочей протестной активности.

В то же время рабочий протест оставался важным компонентом Гражданской войны и в 1918–1920 гг., причем практически на всей территории распадавшейся империи – и на тех территориях, где возникли антисоветские режимы, и на тех, где устанавливалась советская власть. Участие в протестном движении являлось еще одной, третьей формой социализации. Поскольку после октября 1917 г. одним из новых факторов развития рабочего протестного активизма становится огосударствление и отрыв от рабочих масс прежних, традиционных, пролетарских организаций (говоря официальным языком той эпохи), таких, как Советы, профсоюзы, ФЗК и пр. – прежде всего в русле реализации данной альтернативной стратегии находится создание альтернативных рабочих организаций. Подразумевалось, что они будут строиться на принципах классовой автономии, независимости и от государства, и от политического класса (прежде всего, интеллигенции). Данные альтернативные организации могли стоять в целом на просоветских позициях (беспартийные районные рабочие конференции в Петрограде рубежа весны-лета 1918 г.). Однако чаще всего речь шла об оппозиционных большевикам и Советскому государству организациях рабочего представительства. Среди таковых, например, Чрезвычайное собрание уполномоченных от фабрик и заводов, имевшее очаги в Петрограде, Туле, Нижнем Новгороде и некоторых других пролетарских центрах. Высшим его выражением стал Всероссийский рабочий съезд в Москве. Но проработал он недолго. Через пару дней после начала съезда все его участники были задержаны чекистами¹⁰.

Часто деструктивные формы протеста принимали характер индивидуальных стратегий выживания и носили по преимуществу скрытый характер. Отчасти в русле этой формы стратегий можно рассматривать бегство рабочих из городов, мешочничество, криминализацию части рабочих, мелкие и более крупные нарушения трудовой дисциплины, распространение хищений на предприятиях¹¹ (появление т.н. «несунов»), распространение практики захвата рабочими предприятий,

¹⁰ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 1 (Отдел ВЧК по борьбе с контрреволюцией). Оп. 2. Д. 127. Л. 204–218.

¹¹ Правда. 30 октября 1918; Государственный архив Тульской области. Ф. 1012 (Тульский губернский союз металлистов). Оп. 1. Д. 30. Л. 16; Д. 23. Л. 43, 73, 81 и др.

распродажи ими заводского имущества и готовой продукции с целью перераспределения вырученных средств. Все это, конечно, не может быть причислено к активному сопротивлению тем или иным режимам периода Гражданской войны, но, с определенной точки зрения, подобные действия рабочих вполне допустимо связывать со стихийными проявлениями их скрытого протеста против бедственного материального положения даже на советских территориях [6, с. 143; 9, с. 131].

Самым важным элементом в повестке рабочего вопроса и в стратегиях кризисной социализации являлась трудовая деятельность рабочих и ее обеспечение вовлеченными в гражданское противостояние сторонами. Вопреки тому, что советская историография резко противопоставляла курс советской власти в рабочем вопросе и вообще в сфере промышленного регулирования мероприятиям альтернативных социалистических, белых и националистических правительств на окраинах страны, помимо явных различий, можно также увидеть много общего в том, как подходили к рабочей и промышленной политике противоборствующие стороны в годы Гражданской войны. Это определялось общими тенденциями, возникшими еще при царской власти и лишь усугубившимися после ее свержения. Сами процессы, о которых идет речь, были обусловлены предшествующим развитием России, в т.ч. ее участием в Первой мировой войне.

Важнейшими из них, задававшими направление коридора, внутри которого проводилась политика участвовавших в Гражданской войне сторон, были милитаризация труда (влиявшая на ужесточение трудовой дисциплины) и эгалитаризация системы оплаты труда. Начавшаяся минимум в 1915 г. политика милитаризации раньше и жестче всего затронула транспортных рабочих, но в дальнейшем распространилась на рабочих оборонных предприятий, что в условиях Первой мировой и Гражданской войн было вполне объяснимо и копировало меры укрепления государственно-монополистического капитализма в Германии и других воюющих странах. Однако только в большевистской партии нашлись деятели, которые подвели идейную базу под милитаризацию труда и увидели в ней метод построения коммунизма. Л.Д. Троцкий выступал за создание целых трудовых армий, а милитаризация должна была коснуться не только железнодорожных и промышленных, но даже сельскохозяйственных и строительных рабочих. Однако в условиях окончания Гражданской войны его «теоретические прозрения» быстро забылись. Эгалитаризм также получил теоретическое благословение наиболее радикальных большевиков. Но т.н. уравниловка в оплате труда не была визиткой только советской политики. Уравнилительные тенденции, рожденные скудностью ресурсов, были не менее, а то и более

характерны для антибольшевистских режимов. Даже повстанческие власти Ижевска, рожденные на волне самого крупного за всю Гражданскую войну антибольшевистского рабочего восстания, не стеснялись проводить уравнительную политику в области оплаты труда.

На советских же территориях, наоборот, сравнительно более мощная экономика и ресурсная база позволяли проводить, по крайней мере, на первых этапах Гражданской войны, более гибкую политику в сфере стимулирования труда, в т.ч. в сфере его оплаты. Основные принципы большевистской политики в области трудовых отношений и стимулирования труда были заложены в советском трудовом законодательстве. Несмотря на то, что, в отличие от Декретов о Земле и Мире, закон о рабочем контроле на Втором Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов принят не был, его принятие состоялось уже 14 ноября 1917 г. По декрету рабочий контроль объединялся с государственным, но на тех предприятиях, где было большое количество рабочих и крепкие рабочие организации, трудовые коллективы получали реальную возможность влиять на управление как производством, так и распределением. К важнейшим нормам, закрепленным советским законодательством, следует отнести введение 8-часового рабочего дня, расширение мер по социальному страхованию, пенсионному обеспечению, охране труда и др. Впервые в мировой практике специальным постановлением Совета народных комиссаров (СНК) вводится право на двухнедельный оплачиваемый отпуск. Основные принципы трудового права были закреплены советской Конституцией 1918 г. Вопреки устоявшемуся заблуждению, в ней Россия государством диктатуры пролетариата не провозглашалась. В основу конституции лег принцип, более близкий эсеровскому положению диктатуры трудящегося народа, а диктатура пролетариата объявлялась целью будущего развития. Тем не менее, Конституция РСФСР имела ярко выраженный социальный характер.

Если у антибольшевистских правительств среди форм стимулирования труда преобладали репрессивные (штрафы, взыскания, увольнения и др.), то советские власти, помимо использования названных выше форм мотивации, делали главную ставку на поощрение честного и продуктивного труда. Привилегии рабочих были направлены на сохранение промышленного пролетариата как класса в условиях его сокращения и распыления. Соответственно, наибольшее внимание уделялось квалифицированным рабочим, занятым в тяжелой промышленности (в особенности, на оборонных предприятиях) и железнодорожникам. При остановке работы предприятий сокращению в первую очередь подлежали рабочие, недавно пришедшие в город и имеющие собственность в деревне. В свою очередь, наиболее квалифицированных рабочих закрывавшихся предприятий стремились трудоустроить на действующие. Предпринятые меры

позволили резко замедлить сокращение числа рабочих-металлистов, а количество железнодорожных рабочих даже возросло.

В рамках государственной поддержки рабочие обеспечивались жильем за счет жилых площадей, изъятых у прежних владельцев – т.н. эксплуататорских классов. Рабочие дополнительно снабжались топливом, одеждой, средствами личной гигиены. Существовала система классовых пайков, при которой рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, получали в 4 раза больше продовольствия, чем представители групп населения, отнесенных к «свергнутым классам». Пока наличие ресурсов позволяло, большевистские власти стремились сохранить систему, поощрявшую качественный труд. По введенной в 1919 г. по предложению Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) тарифной сетке, разница в оплате между работниками низшего и высшего разрядов была существенной: у первой категории оплата была почти вдвое ниже. Однако по мере разрастания интервенции, Гражданской войны и упадка экономики уравнивательные тенденции начинают все более явственно проявляться и на территориях, на которые распространялась власть Кремля. Обесценивание рубля приводит к тому, что важнейшее место в оплате труда приобретают натуральные выплаты, которые были фактически одинаковыми у всех категорий рабочих. Падает связь между оплатой и результатами труда. К концу Гражданской войны в среднем 94% дохода семей рабочих не имело связи с трудовой деятельностью. Среди уравнивательных мероприятий военного коммунизма большую известность получили такие, как отмена оплаты транспорта и жилья, но и на этом этапе предпринимались попытки укрепить связь между качеством и количеством труда, с одной стороны, и размером его оплаты – с другой. С этой целью, в частности, применялись такие формы, как сдельная оплата (сдельщина), премирование и др.

Более привлекательными оказались меры советской власти и в сфере политической пропаганды. В отличие от далеких от нужд рабочих призывов белых и социалистических правительств к верности союзникам, сохранению «единой и неделимой», демократическим принципам Февраля, Учредительному собранию и т.п., пропаганда большевиков строилась на вполне конкретных, пусть и не каждый раз существенных достижениях, в т.ч. в области трудового законодательства, решения продовольственного вопроса, обеспечения жильем, роста политических прав рабочих. Беспроигрышной оказалась одна из главных тем большевистской пропаганды, в которой именно рабочие провозглашались классом-гегемоном, классом-победителем в революции, новым правящим и привилегированным классом.

По логике, которая была воспринята большинством рабочих, выступать против советской власти означало выступать против своего

собственного государства. Неслучайно поэтому самое крупное рабочее антибольшевистское восстание в Ижевске в 1918 г. началось в защиту прав местного Совета рабочих депутатов, против ущемлявших его права местных большевиков и эсеров-максималистов, шло под лозунгом «власть Советов, а не партии»¹². Но в дальнейшем, когда рабочие разных регионов страны смогли воочию увидеть реальности политики антибольшевистских правительств в рабочем вопросе, в прошлое уходят и выступления против большевистской партии. Политические лозунги в 1919–1921 гг. если и выдвигаются на волне рабочего протеста, то гораздо реже экономических и всегда – как часть общих требований, главной частью которых являлись бытовые интересы рабочих. Как только большевистские власти начинали удовлетворять (как правило, частично) экономические претензии рабочих, политические лозунги сразу же забывались. Самым ярким примером произошедших перемен стали Кронштадтские события. Несмотря на то, что они совпали с массовыми протестами рабочих в Петрограде (и нескольких других городах), несмотря на то, что они развивались под лозунгом, известным еще по Ижевскому восстанию – «Власть Советам, а не партиям», петроградские рабочие не только не поддержали матросов, но и осудили мятеж.

Однако, пожалуй, самым наглядным показателем позиции рабочих к концу Гражданской войны становится неожиданное зарождение и еще более неожиданное стремительное распространение различных инициатив по формированию коммунистического отношения к труду, в т.ч. традиция массовых субботников, которая, естественно, была тут же подхвачена большевистскими властями, но у истоков которой стояла самостоятельная низовая инициатива. Ни один антибольшевистский режим за все время Гражданской войны не смог получить столь же очевидную поддержку со стороны рабочего класса, находившегося на краю выживания, а поэтому быстро социально взрослевшего в условиях Гражданской войны.

В чем же причина феномена поддержки рабочими Советской власти? Даже конкретнее – большевистского режима? Ответов на этот вопрос существует множество. Можно сослаться на предпринятые советскими службами репрессии против недовольных и их вожаков. Можно выделить гипнотизирующее воздействие на рабочих напористой большевистской пропаганды. Называются и другие, не столь очевидные, но не менее громкие факторы. К примеру, свою роль сыграла тенденция социальной самоизоляции, под которой следует понимать растущее взаимное недоверие и отчужденность между различными общественными группами, стремление к социальной автономии. Она выразилась

¹² Филиал ГКУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» – Государственный архив общественно-политической истории. Ф. 350 (Партийный архив Удмуртского обкома КПСС). Оп. 49. Д. 6. Л. 2.

в недоверии и неприязни, которые петроградские рабочие испытывали по отношению к «свергнутым классам», «старому режиму», «правым социалистам» и т.д. Небольшевистские круги представлялись рабочим некими носителями разрушительного и тиранического начала, не вызывая сочувствия. Были и другие причины, о которых некоторые историки, до сих пор видящие в рабочих передовой, наиболее сознательный класс, не готовы говорить открыто: в самых критических ситуациях советские власти всегда выделяли фабрикам и заводам не только дополнительное количество хлеба, но и такие экзотические товары, как мясо, сахар, шоколад, а также обувь, одежду, дрова... В результате рабочие были больше заинтересованы в том, чтобы не потерять свалившееся на них «богатство», а не свергать т.н. «комиссародержавие». Повлияли, видимо, и многие другие обстоятельства, подчас недоступные современному историческому анализу из-за скупости и противоречивости содержащейся в источниках информации. Однако одной из главнейших причин, помимо поддержки общей политики революционных властей, стала, как представляется, общая усталость от войны и страстное желание мира. Именно мир сулил объявленный большевиками переход к нэпу, и рабочие пошли за теми, кто предлагал стране спокойствие и стабильность, а не зазывал на новую бойню.

Библиографический список / References

1. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. [Buldaikov V.P. Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The Red Distemper: The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, 1970.]
2. Волобуев В.П. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964. [Volobuyev V.P. Proletariat i burzhuziya v Rossii v 1917 [The proletariat and the bourgeoisie in Russia in 1917]. Moscow, 1964.]
3. Гарви П.А. Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921). New York, 1989. [Garvi P.A. Profsoiuzy i kooperatsiia posle revoliutsii (1917–1921) [Trade unions and cooperation after the Revolution (1917–1921)]. New York, 1989.]
4. Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. [Gaponenko L.S. Rabochiy klass Rossii v 1917 godu [The working class of Russia in 1917]. Moscow, 1970.]
5. Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. [Gimpelson Ye.G. Rabochiy klass v upravlenii Sovetskim personalom (noyabr 1917–1920 gg.) [The working class in the governing of the Soviet State (November 1917–1920)]. Moscow, 1982.]
6. Гухман Б.А. Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. М., 1925. [Gukhman B.A. Proizvoditelnost truda i zarabotnaia plata v promyshlennosti SSSR [Labor productivity and wages in the industry of the USSR]. Moscow, 1925.]

7. Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). М., 1966. [Drobizhev V.Z. Glavnoy shtab sotsialisticheskoy promyshlennosti (Ocherki istorii VSNKH. 1917–1932 gg.) [The Main Headquarters of Socialist Industry (Essays on the History of the Supreme Board of the National Econom (VSNH). 1917–1932.)]. Moscow, 1966.]
8. Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005. [Kiryanov Yu.I. Sotsialno-politicheskiy protest rabochey Rossii v gody pervoy mirovoy voyny (iyul 1914 – fevral 1917 gg.) [Socio-political protest of the workers of Russia during the First World War (July 1914 – February 1917)]. Moscow, 2005.]
9. Киселёв А.Ф. Профсоюзы и советское государство (дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991. [Kiselev A.F. Profsoiuzy i sovetskoe gosudarstvo (diskussii 1917–1920 gg.) [Trade Unions and the Soviet State (discussions of 1917–1920)]. Moscow, 1991.]
10. Панкратова А.М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. [Pankratova A.M. Fabzavkomy Rossii v borbe za sotsialisticheskuyu fabriku [The factory committees of Russia in the struggle for the socialist factory]. Moscow, 1923.]
11. Трукан Г.А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975. [Trukan G.A. Rabochiy klass v borbe za pobedu i uprochneniye Sovetskoy vlasti [The working class in the struggle for victory and consolidation of Soviet power]. Moscow, 1975.]
12. Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22, Book 3: National Disintegration. Ch. Read, P. Waldron, A. Lindenmeyr (eds.). Bloomington, IN, 2018.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was received on 19.09.2022, accepted for publication 17.10.2022

Об авторах / About the authors

Чураков Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Dimitri O. Churakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Contemporary Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: histor@inbox.ru

Лубков Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, академик РАО; ректор, Московский педагогический государственный университет

Alexey V. Lubkov – Dr. Hab in History, Academician of the Russian Academy of Education; Rector, Moscow Pedagogical State University

E-mail: av.lubkov@mpgu.su

В.Н. Горлов, С.Н. Артёмов

Московский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития

В статье рассматриваются причины перехода к микрорайонному принципу планировки и застройки советских городов в 1950-х гг. На примере Москвы анализируются проблемы застройки и основные принципы формирования жилых районов и микрорайонов на новых территориях города. Освещаются проблемы благоустройства жилой застройки, организации ступенчатой системы культурно-бытового обслуживания, призванной всесторонне удовлетворять потребности населения, проанализированы противоречия в городском хозяйстве. Дается оценка состояния типового проектирования в жилищном строительстве, рассмотрены задачи, стоящие перед массовым жилищным строительством, – дальнейшее улучшение условий жизни советских граждан. Особое внимание уделено эстетическому аспекту массового жилищного строительства.

Ключевые слова: индустриальное строительство, типовое проектирование, советская архитектура, советский микрорайон, культурно-бытовое обслуживание советских граждан, советский квартал в 1950-х гг., городское хозяйство Москвы 1950-х гг., советский жилой район

Для цитирования: Горлов В.Н., Артёмов С.Н. Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 79–97. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-79-97

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-79-97

V.N. Gorlov, S.N. Artemov Moscow State Linguistic University,
Moscow, 119034, Russian Federation

Transition to the microdistrict principle of Moscow development in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s: Contradictions of formation and development

The article discusses the reasons for the transition to the microdistrict principle of planning and development of Soviet cities in the 1950s. On the example of Moscow, the problems of development and the basic principles of the formation of residential areas and microdistricts in the new territories of the city are analyzed. The problems of the improvement of residential buildings, the organization of a step-by-step system of cultural and consumer services designed to comprehensively meet the needs of the population are highlighted, contradictions in the urban economy are analyzed. The assessment of the state of standard design in housing construction is given, the tasks facing mass housing construction – further improvement of the living conditions of Soviet citizens are considered. Special attention is paid to the aesthetic aspect of mass housing construction.

Key words: industrial construction, standard design, Soviet architecture, Soviet microdistrict, cultural and community services for Soviet citizens, Soviet quarter in the 1950s, urban economy of Moscow in the 1950s, Soviet residential area

FOR CITATION: Gorlov V.N., Artemov S.N. Transition to the microdistrict principle of Moscow development in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s: Contradictions of formation and development. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 79–97. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-79-97

Еще в предвоенные годы в СССР стали проявлять заинтересованность в благоустройстве территорий жилых кварталов. Поиски решения этой проблемы привели к идее создания микрорайонов, в которых создавался механизм общественного обслуживания городского населения. Идея микрорайонов со временем получила всеобщее распространение в стране.

Актуальность темы исследования обусловливается тем обстоятельством, что до сих пор недоразвитость бытовой инфраструктуры составляет целый пласт социальной реальности городского существования. Исходя из этого, следует глубже вникнуть в историю советской социальной системы, изучить ее опыт, достоинства и недостатки. Понимание того, как решались те или иные социальные проблемы советского государства, может помочь в решении нынешних социальных проблем, на новом витке исторического цикла.

В 1930-е гг. советские архитекторы работали над проектами озелененных дворов-садов, в которых уже были предметы благоустройства. До войны над задачей благоустройства городских территорий работали не только архитектурно-проектные мастерские, но и научно-исследовательские институты (НИИ коммунальной санитарии и гигиены, Московский научно-исследовательский санитарный институт им. Ф.Ф. Эрисмана и др.). Необходимо было научно обосновать гигиенические требования, чтобы создать оптимальные условия проветривания, инсоляции и т.п. в жилых территориях.

В 1930-е гг. большое значение придавали проблеме планировки городов. По указанию Политбюро ЦК ВКП (б) была образована специальная правительственная комиссия, которая представила предложения о развитии городского хозяйства Москвы. Было намечено большое жилищное строительство, создание широкой сети общественных столовых, детских садов и яслей, продовольственных и промтоварных магазинов. Реконструкции подвергались сотни улиц и площадей [3, с. 42–44].

Полностью одобрив разработанные Политбюро мероприятия, Пленум ЦК поставил перед МК ВКП (б) и Моссоветом задачу «скорейшего приведения плана развития городского хозяйства в соответствие с бурным ростом промышленности и населения, и соответственной распланировки г. Москвы как социалистической столицы пролетарского государства»¹. Создание новой планировки города включало не только разработку новой схемы московских улиц, переулков и площадей с соответствующей их застройкой, но и вопросы общего благоустройства. Были сделаны первые предложения по культурно-бытовому обслуживанию населения.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 4. М., 1970. С. 549.

Первый секретарь Московского городского комитета ВКП (б) Л.М. Каганович на пленуме ЦК ВКП (б) в июне 1931 г. говорил: «Московское городское хозяйство должно быть образцовым. Москва должна быть и будет лабораторией, куда люди со всего Союза приезжали бы изучать опыт строительства. Мы можем планировать и перестраивать город по-своему, сообразуясь с конкретными экономическими условиями»².

Многие проекты организации жилой застройки в советских городах до войны не успели реализовать. И только в послевоенные годы продолжились поиски наиболее оптимальной системы размещения организаций обслуживания. Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР сразу после окончания Великой Отечественной войны в 1945–1946 гг. был проведен конкурс на проекты жилых микрорайонов. Во время проведения конкурса развернулись дебаты о размещении в жилых микрорайонах обслуживающих учреждений. Эти дебаты проходили в первые послевоенные месяцы мирной жизни в СССР, в очень короткий период либерализации социальной жизни, когда большое количество информации о массовом жилищном строительстве в США и Великобритании хлынуло в Советский Союз. Большинство источников этой информации ссылались на советские довоенные разработки по комплексному жилому кварталу, проводившиеся в Институте коммунальной гигиены, Гипрогоре, харьковском Гипрограде. Советские архитекторы, обозначая новый принцип проектирования, остановили свой выбор на термине «микрорайон», заимствованный из работ Гипрограда, которым и переводили англоязычное понятие «нейборхуд юнит» (*neighborhood union* ‘соседское объединение’).

Все эти дискуссии проходили осенью 1946 г., когда развернулась настоящая кампания «реакции» на печально известное постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». С либерализацией духовной атмосферы в советском обществе было очень быстро покончено. С теорией «нейборхуда» решили в такой обстановке размежеваться. Все вышедшие в свет публикации по зарубежному градостроительству становились объектом безоговорочного осуждения. В 1947 г. термин «микрорайон» со временем канул в Лету из архитектурной лексики, т.к. его рассматривали если не как точный перевод, то как смысловой аналог «нейборхуда».

Известное постановление ЦК ВКП (б) августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград» дало зеленый свет началу резкого усиления контроля всей духовной жизни советского общества, породив установки на изоляционизм, разрыв с западной культурой.

² Каганович Л.М. За социалистическую реконструкцию Москвы. М., 1931. С. 65.

Дискуссии 1946 г. по проектам жилых микрорайонов характерны стремлением отстраниться от англо-американской теории «нейборхуд», вписать советский микрорайон в общую концепцию градостроительства. Однако поиски концепции советских городов в такой сложной общественной атмосфере были трудно осуществимы.

XII пленум правления Союза советских архитекторов, проходивший в июле-августе 1947 г., внес свою лепту в гнетущую политическую атмосферу тех лет. Архитекторы, пытавшиеся отстаивать идеи микрорайона и ссылавшиеся на западных архитекторов, признающих приоритет советской архитектуры в разработке комплексных жилых кварталов, подверглись беспощадной критике с обвинением в политической провокации. Ценный градостроительный опыт 1930-х гг. был не только отвергнут, но и ссылаться на него в такой обстановке становилось небезопасным.

После этого пленума прекратились дискуссии о достоинствах и недостатках микрорайонов, началось полное забвение идей микрорайонов, изучение и использование англо-американской практики жилищного строительства было запрещено. В 1948 г. в архитектурных журналах термин «микрорайон» больше не упоминался. Поиски новых принципов советского градостроительства были прерваны, несмотря на своевременность и важность проблемы организации обслуживания в проектировании послевоенных советских городов.

Сложная политическая обстановка конца 1940-х гг. способствовала забвению очевидных достижений советских архитекторов довоенных лет. При проектировании застройки в послевоенные годы к благоустройству городов относились формальным образом. Жилищное строительство велось приемами ленточной или «штучной» застройки магистралей и улиц.

В 1951–1952 гг. роль внутриквартальной территории повысилась. Начинается переход от ленточной к поквартальной системе застройки. Основным принципом планировки городов становится укрупненный жилой квартал площадью 6–12 га, который застраивался в основном по периметру.

С середины 1950-х гг. все внимание было направлено на скорейшее решение жилищной проблемы. Поворотным моментом к решению планировки и застройки жилых районов городов было Всесоюзное совещание строителей в декабре 1954 г. Критике подвергалась практика застройки городов с ее нерациональной системой обслуживания горожан. В обращении участников Всесоюзного совещания строителей указывалось, что «неудовлетворительно решаются вопросы размещения учреждений культурно-бытового обслуживания», жесткой критике

подверглось одностороннее стремление к пышному внешнему оформлению магистралей и площадей без учета конкретных задач экономики строительства и требований, связанных с развитием индустриализации строительных процессов. Предлагалось больше внимания уделять вопросам благоустройства жилых комплексов, созданию удобств для советских граждан³.

Совещание строителей в декабре 1954 г. содействовало настоящей революции в практике строительства и проектирования в СССР. Были разработаны новые принципы застройки жилых районов: полностью перешли на застройку жилых районов по типовым проектам жилых домов и культурно-бытовых учреждений и свободного приема их расположения, с учетом санитарно-гигиенических требований и рельефа местности, с четкой классификацией улиц с выделением транспортных магистралей вне жилых микрорайонов.

В настоящее время историки спорят о причинах пересмотра практики строительства. Одни считают, что главной причиной был жилищный кризис в СССР, другие ищут причины в волевых решениях лидера партии и государства Н.С. Хрущёва, третьи настаивают в перемене эстетических идеалов данной эпохи, характерной не только для нашей страны. Скорее всего, на характер пересмотра практики строительства оказали свое влияние все названные причины.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» отмечалось, что микрорайоны должны размещаться на свободных территориях со зданиями культурно-бытового назначения только по типовым проектам. Для этого необходимо была определенная система группировки зданий, с выявлением наиболее оптимальных их размеров и состава помещений⁴.

В 1958 г. благодаря разработкам Академии строительства и архитектуры СССР, Московского архитектурного института, Специального Архитектурно-конструкторского бюро, НИИ градостроительства Академии строительства и архитектуры СССР и других научных и проектных организаций были подготовлены «Правила и нормы планировки и застройки городов». В этом же году журналы «Жилищное строительство», «Архитектура и строительство Москвы», «Архитектура СССР», «Городское хозяйство Москвы» стали регулярно освещать

³ Обращение участников Всесоюзного совещания строителей, архитекторов, работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций, созданного ЦК КПСС и Советом Министров СССР ко всем работникам строительной индустрии. М., 1954. С. 7–9, 12.

⁴ О развитии жилищного строительства в СССР // Известия. 2 августа 1957. № 183 (12455). С. 1.

вопросы культурно-бытового обслуживания микрорайонов. Н.С. Хрущёв в августе 1958 г. лично ознакомился с новостройками столицы, поставив на первое место вопрос улучшения культурно-бытового обслуживания⁵.

До памятного постановления «О развитии жилищного строительства в СССР» индустриализация и типизация жилища рассматривались вне увязки с типизацией и индустриализацией учреждений соцкультбыта: школ, магазинов и т.д. Это не могло не повлечь за собой некомплексность застройки, отставание обслуживания населения от роста жилья. Н.С. Хрущёв на заседании Президиума ЦК КПСС по вопросу «О реализации решений ноябрьского Пленума ЦК КПСС» 29 ноября 1962 г. по-своему объяснил такое положение дел: «У нас каждый местечковый архитектор обязательно проектирует свой тип. Школа, больница, особенно кино, должны быть однотипны. Ну что можно придумать для кино? Это – защитная от внешней атмосферы коробка, расставлены стулья – и все. Здесь всякое проявление архитектурно-художественных особенностей идет за счет растраниживания государственных средств. При однотипности здания особенно не растранижишься. Раз тип определен, следовательно, определены и параметры, и формы»⁶.

В 1958 г. по решению Моссовета в каждом районе стали появляться двухэтажные здания соцкультбыта, в которых размещались ремонтные мастерские, комбинаты бытового обслуживания, сберкассы, почта, магазины любого профиля, рестораны, прачечные, столовые, ателье, библиотеки.

Вторая половина 1950-х гг. стала рубежным периодом советской архитектуры. Произошло изменение жилищной политики в Советском Союзе. Концепция перехода на посемейное заселение новых квартир была принципиально верна, но она породила регламентирующее типовое проектирование с массой нивелирующих и усредняющих нормативов. В этом состояла слабая сторона жилищной политики.

В середине 1950-х гг. принципы индустриализации и типизации становятся центральными в жилищной политике, т.к. они выступали необходимым условием преодоления жилищного кризиса. Эти принципы были законодательно закреплены в постановлении ЦК КПСС 1955 г. «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства». Они стали нормой советского градостроительства и нашли отражение в правилах планировки

⁵ Посещение товарищем Н.С. Хрущёвым новостроек столицы // Строительная газета. 8 августа 1958. № 94 (464). С. 1.

⁶ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: черновые протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления в 3 т. Т. 1. М., 2003. С. 650.

и застройки городов⁷. В постановлении предлагалось широко применять приемы свободной планировки и застройки микрорайонов с разнообразной группировкой зданий и открытых пространств.

Одинаковые типовые пятиэтажки на первых порах вызывали настоящий восторг у советских граждан, которые стремились как можно быстрее переехать в новую отдельную квартиру «со всеми удобствами». И что удивительно, именно однотипность квартир в типовых пятиэтажках считалась достижением советского градостроительства. В архитектурных журналах архитекторы в унисон с официальными властями выступали в защиту микрорайонов советских городов. Панорамы тех лет Москвы – это, как правило, панорамы новых районов массовой жилой застройки. Талантливые советские архитекторы радовали в печати впечатляющими эскизами новых проектов [1, с. 13–15].

Принцип микрорайонирования и организации ступенчатого обслуживания был закреплен в «Правилах и нормах планировки и застройки городов» 1959 г. В практику советского градостроительства внесли принцип комплексного проектирования районов массового жилищного строительства. Следует подчеркнуть о сложности понятия «микрорайон» и трудности его однозначного определения. Советский энциклопедический словарь давал следующее определение: «Микрорайон – комплекс жилых домов и систем учреждений культурно-бытового обслуживания, удовлетворяющих каждодневные потребности населения; располагается на территории, примыкающей к транспортным магистралям, но не имеющей дорог для сквозного проезда. Микрорайон включает детские сады, ясли, школы, магазины товаров первой необходимости, сады и спортивные площадки. Микрорайон – первичная единица современной городской жилой застройки (главным образом, на свободных территориях)» [8, с. 812].

Ступенчатая система обслуживания выглядела следующим образом: микрорайон (площадью до 30–40 га и с населением до 10–12 тыс. чел.) с центром обслуживания повседневных нужд граждан, предельно допустимое расстояние от подъезда жилого дома до детского сада (150–200 м), школы (200–300 м), местного торгового центра, учреждений бытового обслуживания, поликлиники (500 м); жилой район (площадью до 250 га и с населением 20–50 тыс. чел.), образуемый группой микрорайонов, с центром для удовлетворения периодических потребностей, состав обслуживающих учреждений существенно расширен (поликлиники, больницы, кинотеатр, универмаги, спортивные сооружения и т.д.);

⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам строительства от 23, 24 августа и 4 ноября 1955 г. М., 1956. С. 172.

город, образуемый группой жилых районов, с центром для удовлетворения эпизодических потребностей (поездки в театр, зоопарк и т.п.). Таков был порядок планировки и застройки советских городов, закреплённый в новых правилах и нормах 1959 г.⁸

В центральной печати постоянно обсуждали комплексность застройки. Обычно в чертежах все выглядело очень привлекательно и красиво, однако часто благоустройство не получалось. Строители, стремясь сдать в эксплуатацию как можно больше квадратуры жилой площади, откладывали сроки сооружения детских яслей и садов, школ и магазинов, столовых, кафе, объектов бытового назначения. В марте 1960 г. сессия Моссовета вынуждена была констатировать, что «Москва по своему внешнему облику все еще не отвечает требованиям, предъявляемым к современному столичному городу»⁹.

В начале 1950-х гг. власти запланировали построить на Юго-Западе Москвы экспериментальный жилой район, который должен был стать образцом планировки и застройки жилых районов в городах Советского Союза. Юго-Запад стал самым крупным районом нового жилищного строительства. Решение Советского правительства о застройке этого района относилось еще к 1935 г. В постановлении о генеральном плане реконструкции Москвы было записано: «Расширение территории города производить в первую очередь за счет прилегающих к городу с юго-западной стороны земельных площадей как наиболее здоровой для жилья, высокой и удобной по расположению пригородной территории»¹⁰.

Застройка в Юго-Западном районе началась в 1952 г. Здесь сразу же наряду с жилыми домами стали возводить продовольственные и универсальные магазины, кинотеатры, столовые, кафе, детские сады, ясли, школы, спортивные площадки. Район стал экспериментальным полигоном, где архитекторы отвергли старый принцип планировки, когда дома строились двумя сплошными шеренгами, образуя улицу-коридор. Жилые дома отделялись от автомобильных дорог полосами зелени. В районе изучались и практически испытывались новые типы зданий, квартир, конструкций, материалов и оборудования. Юго-Западному району отводили важнейшее значение. Даже Совмин СССР в августе 1958 г. издал специальное постановление о целях строительства экспериментальных жилых районов, начинателем которых стал жилой район Новые Черемушки на Юго-Западе Москвы: «создание наиболее рациональных жилых кварталов и районов, отражающих современные

⁸ Правила и нормы планировки и застройки городов. М., 1959. С. 120.

⁹ Бюллетень Исполнительного комитета Моссовета. 1960. № 8. С. 1.

¹⁰ О Генеральном плане реконструкции города Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б). М., 1935. С. 17.

приемы планировки и застройки, а также наиболее прогрессивных и экономичных типов жилых домов и зданий культурно-бытового назначения, с учетом высокого технического уровня индустриализации строительства, с тем чтобы это строительство являлось в дальнейшем образцом для планировки и застройки жилых кварталов, строительства жилых домов и зданий культурно-бытового назначения в г. Москве и других городах»¹¹.

В 1959 г. провели международный конкурс на проектирование экспериментального жилого района в юго-западной части Москвы. Многие проектные институты внесли оригинальные предложения по организации культурно-бытового обслуживания советских граждан, способствовали созданию единых, законченных микрорайонов с благоустройством и озеленением.

Примером таких микрорайонов послужил квартал № 9 в Новых Черемушках, который прославился на весь Советский Союз, став символом скоростного индустриального домостроения. Черемушки стали всенародным символом, потому что квартал № 9 олицетворял идею обновления, идею нового уклада и типа жизни, положил начало комплексному решению экспериментальных задач. Квартиры в этом квартале предназначались только для одной семьи. Над благоустройством и озеленением квартала № 9 в Новых Черемушках работали высококвалифицированные ландшафтные архитекторы. Влияние этого эксперимента прослеживалось в планировочных приемах застройки, озеленения и благоустройства новых столичных районов. В Новых Черемушках стали работать по часовому графику. Дома стали собирать как машины, начался монтаж «с колес». Пятиэтажный дом в Новых Черемушках из 80 квартир монтировали за 52 дня. А через 100 дней после начала строительства ключи от домов вручались москвичам [5, с. 7]. Прилагательное «рекордный» стало привычным определением многих новостроек того периода. Сами кварталы часто объявлялись экспериментальными.

Застройка в Новых Черемушках положила начало массовому крупноблочному строительству в Москве. Вслед за столицей появились «Черемушки» в других больших городах. По некоторым кварталам этой части Москвы визуально можно изучать эволюцию массового жилищного строительства. В 1969 г. в Москве проходила VI сессия Академии строительства и архитектуры СССР, на которой микрорайонная система планировки и застройки советских городов была признана

¹¹ Постановление Совмина СССР № 877 «Об улучшении научно-исследовательской работы в области строительства и промышленности строительных материалов» // Правда. 8 августа 1958. № 221 (14615). С. 1.

перспективной. Опыт московских Новых Черемушек был взят на вооружение во многих советских городах.

Генеральный план реконструкции Москвы на 1951–1960 гг. не мог предусмотреть гигантского размаха жилищного строительства со второй половины 1950-х гг. Начиная с 1956 г. в столице вместо строящихся до той поры 125 тыс. кв. м площади в год стали возводить по 4–5 млн кв. м жилой площади. По большей части жилые дома представляли собой панельные и блочные пятиэтажки, про которых Н.С. Хрущев говорил: «50 лет они простоят, а там видно будет»¹². Заместитель председателя Совета министров СССР А.Ф. Засядько в докладе на XXI съезде КПСС напоминал: «Архитекторы и проектировщики должны сделать все необходимое, чтобы жилые районы и города, которые мы строим сегодня, отвечали бы потребностям советских людей и в будущем»¹³. Массовое жилищное строительство с конца 1950-х гг. осуществлялось одновременно во всех районах Москвы. В результате этого обеспечивалось относительно гармоничное развитие всех районов столицы. Благодаря массовому жилищному строительству жители Москвы могли ознакомиться с новыми адресами московских строек с населением в несколько сотен тысяч человек каждый: Чертаново, Тропарево, Текстильщики, Вешняки-Владычино, Выхино, Медведково, Свиблово, Нагатино, Черкизово, Давыдково, Ленино-Дачное, Волхонка-ЗиЛ, Хорошево-Мневники, Северное Измайлово, Фили-Мазилово, Зеленоград. Продолжалась застройка Новых Черемушек, Новых Кузьминок.

В результате массового жилищного строительства недавние окраины Москвы стали постепенно исчезать. Прежнее понятие «окраина» было уже неприменимо к столичному городу. Если в конце 1950-х гг. новые жилые районы Москвы занимали ничтожную площадь по сравнению с территорией старого города, то вскоре старый город становится маленьким островком среди огромного континента новых жилых массивов.

В тот период одной из главных социальных задач при проектировании новых жилых районов стала разработка условий для объединения жителей в коллективы, создание заинтересованности в их совместной деятельности. В средствах массовой информации постоянно упоминалось, что при такой организации жилого массива будут созданы нужные условия для развития коммунистических форм быта, отдыха, воспитания и образования.

¹² Праздник строителей столицы // Знамя строителя. 12 августа 1956. № 29 (58). С. 1.

¹³ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. М., 1959. С. 72.

На территории микрорайонов стали создаваться комитеты общественного самоуправления для организации отдыха, торговли, бытового обслуживания, социальной помощи, размещения мелких предприятий, вопросов проведения строительных работ. Планировалась передача в руки комитетов общественного самоуправления ряда функций и полномочий районных Советов в части распоряжения материальными и финансовыми ресурсами, ремонта жилого фонда, ремонта сетей тепло-, водо-, электро- и газоснабжения. После Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об организации школ с продленным днем» от 15 февраля 1960 г.¹⁴ предусматривалось, что для ребят начальной школы все меньше времени будет оставаться для нахождения непосредственно на жилой территории. Игровые площадки в первую очередь предусматривались для детей возраста до 3-х лет и старшеклассников, характер игр которых был уже связан с более разнообразным типом оборудования. В то же время роль жилой зоны как места отдыха советских граждан после работы должна была существенно возрасти. Рассчитывали, что микрорайон станет основной средой общения соседей, чему должны были способствовать небольшие общественные центры-клубы.

Однако жизненные реалии эту благородную идею «не поддержали»: сам факт соседства еще не являлся поводом для сближения людей. Какие бы гуманные идеи не пропагандировали власти, столкновения с жизнью они не выдержали. Необходимо отметить немаловажный фактор «транспортной усталости». Большинство микрорайонов находилось на очень большом расстоянии от мест работы их жителей. Естественно, что по прибытии граждан после рабочего дня к месту жительства времени на общение с соседями оставалось очень мало. Таким образом, социальные надежды, возлагаемые на микрорайонную структуру, оказались утопическими.

Но были и очень позитивные моменты социальной сферы микрорайонов. Планировка микрорайонного пространства позволяла детям и пожилым гражданам пользоваться неограниченной свободой передвижения, находясь в полной безопасности (сквозное движение скоростного транспорта в микрорайонах было запрещено).

Безусловно, массовому жилищному строительству, начатому с середины 1950-х гг., следует дать только положительную оценку. Индустриальное домостроение дало обитателям коммуналок и бараков отдельное жилье. Помимо разрешения жилищного кризиса в стране, оно способствовало развитию индустриализации и типового проектирования жилищного строительства.

¹⁴ Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 182 «Об организации школ с продленным днем» // Правда. 16 февраля 1960. № 47 (15371). С. 2.

В то же время объективный анализ упущений в новой практике проектирования и застройки советских городов необходим. Микрорайон становился основной структурной единицей городов, структурной основой советского градостроительства. Тем не менее, микрорайоны не смогли представить все виды услуг. В микрорайонах часто неэффективно использовалась городская территория, недостаточными были культурно-бытовое обслуживание, уровень благоустройства, транспортное обеспечение.

Главный архитектор Москвы М.В. Посохин на заседании Президиума ЦК КПСС 29 ноября 1962 г. с горечью утверждал: «У нас вопрос комплексной застройки абсолютно сейчас не решается. Это происходит потому, что финансирование идет по разным каналам, нет государственного контроля за осуществлением этой комплексной застройки. У нас есть орган государственного контроля¹⁵, ведется контроль за жилищным строительством, за культурно-бытовым, но не в комплексе»¹⁶.

Многие экспериментальные проекты, разработанные Главным архитектурно-планировочным управлением г. Москвы, встречали сопротивление Главмоспромстройматериалов или Главмосстроя. Необходимо отметить и тот факт, что появление так называемых спальных районов было связано с жесткой экономией средств, когда большая часть национального дохода направлялась на развитие военно-промышленного комплекса, поддержку мирового революционного движения, на дотации странам – членам Совета экономической взаимопомощи. В результате недостаточного развития культурно-бытовой инфраструктуры вокруг возводимого жилья снижался рост жизненного уровня советских граждан.

Акцент в градостроительстве был сделан на создание экономических индустриальных типов не только жилых, но и культурно-бытовых зданий. Чрезмерная типизация способствовала игнорированию эстетических задач строительства. Выражалось это в строго ограниченном количестве этажей в микрорайонах, в минимальном количестве типов зданий, в однообразной «строчной застройке» с рядами безлико-одинаковых торцов домов.

Необходимо отметить и начавшуюся еще до массового жилищного строительства борьбу с т.н. «архитектурными излишествами», когда основательно была принижена роль архитектора в градостроительстве, что очень значительно сказалось на эстетической стороне строительства

¹⁵ В ноябре 1962 – декабре 1965 гг. существовал Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете Министров СССР во главе с секретарем ЦК КПСС А.Н. Шелепиным.

¹⁶ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: черновые протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления в 3 т. Т. 1. М., 2003. С. 650.

и привело к однообразию застройки городов. Решая громадной важности социальную задачу обеспечения советских граждан отдельными квартирами, градостроители полностью проигнорировали общественную и психологическую роль архитектурной среды. Подавляющая часть москвичей стала жить в новостройках, которые совершенно были не похожи на историческую часть города, но были очень похожи друг на друга и на новые районы в других городах страны. Таким образом, нарушалась психологическое единство жителя с историей своего города и ослаблялось чувство любви к своему месту жительства. Д.С. Лихачёв по этому поводу заметил: «Если нет индивидуальных особенностей, отличающих одну местность от другой, один город от другого и ваш собственный дом от соседских, – вся страна превращается в пустыню, скучную, неинтересную, а люди в ней – в людей, лишенных любви к родным местам» [6, с. 465].

Следует отметить, что данные проблемы существовали не только в нашей стране, они приняли международный характер, особенно в тех странах, где государственное строительство разрешало ускоренными темпами послевоенный жилищный кризис. Во многих странах появились безлифтовые пятиэтажки с такими же эстетическими проблемами. Можно обратиться к знаменитому американскому писателю Дж.Д. Селинджеру, который в своей повести «Выше стропила, плотники» рассуждал устами своего персонажа о проблемах жилищного строительства: «Маленькая дочка Берков сказала, что она ненавидит одинаковые дома – она говорила про те длинные ряды стандартных домиков, какие строят по плану. Зуи сказал, что они очень милые. Он сказал, что было бы очень мило прийти домой и оказаться не в том домике. И по ошибке пообедать не с теми людьми, и спать не в той кровати, и утром со всеми попрощаться, думая, что это твое семейство»¹⁷.

МГК КПСС в январе 1962 г. созвал совещание строителей Москвы по поводу комплексной застройки города, на котором присутствовал Н.С. Хрущев. Лидер государства был явно недоволен сложившимся положением в московском жилищном строительстве. Было отмечено очень много недостатков по этой проблеме, о чем справедливо говорилось на ноябрьском 1962 г. Пленуме ЦК КПСС. Н.С. Хрущев на Пленуме отметил широкое распространение типового проектирования в жилищном строительстве: «Если бы мы этого не добились, то нам не хватило бы ни времени, ни проектировщиков, а главное, нельзя было бы перевести жилищное строительство на индустриальные рельсы» [цит. по: 4, с. 2]. В то же время он не мог не говорить о серьезных

¹⁷ Селинджер Дж.Д. Повести, рассказы. М., 1965. С. 183.

недостатках: «нельзя не видеть серьезных недостатков в проектировании и строительстве жилых и особенно культурно-бытовых зданий. К сожалению, нередко проектируются и строятся здания малоудобные, непривлекательные по внешнему виду, неэкономичные» [цит. по: 4, с. 3].

Применение типовых проектов в жилищном строительстве составило в 1963 г. 95% всего объема строительного-монтажных работ, только незначительная часть жилых домов в особых градостроительных условиях (например, при реконструкции сложившейся застройки), осуществлялась по индивидуальным проектам. Следует напомнить, что негативные оценки типовых проектов даже предшествовали этой будущей проблеме, пусть хоть и косвенно. Разве не писали в 1953 г., критикуя архитектурный рационализм послевоенной Америки: «Повторение одинаковых домов при крайней бедности их архитектуры и примитивности планировки создает впечатление унылой монотонности. Отдельные кварталы можно свободно переставлять с места на место, из города в город» [2, с. 5–7]. Такое впечатление, что упреки эти были адресованы будущим кварталам в Свиблове, Нагатине, Черкизове и др.

Однотипное строительство пятиэтажных жилых домов в новых районах подверглось жесточайшей критике на июньском (1965) пленуме МГК КПСС, где было намечено ускорить строительство домов повышенной этажности. Практику малоэтажного строительства после этого пленума начали изменять. В Черкизове, Новых Черемушках, Медведково, а затем и в других районах стали переходить на улучшенные типовые проекты и строительство зданий в 9, 12, 14, 16 этажей. По данным на 1966 г. в столице имелось 43,9% пятиэтажных зданий и 27,9% – шести-, девятиэтажных и выше [7, с. 172].

Крупным просчетом при массовом жилищном строительстве было отсутствие встроенных помещений для торговых и бытовых учреждений первой необходимости. Отдельные же здания обычно строились позднее строительства жилых домов, поэтому новоселы ощущали существенный дискомфорт из-за некомплексной застройки. Микрорайоны превращались в спальные районы при острейшем дефиците объектов социально-бытового значения.

Отсутствие в пятиэтажках помещений под магазины, столовые, службы быта основательно встревожило тогдашнего министра торговли СССР Д.В. Павлова. В своей книге «Стойкость» он вспоминал: «Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства В.А. Кучеренко получил указание от Н.С. Хрущева ничего, кроме квартир, в типовых проектах жилых домов не предусматривать, а магазины открывать в отдельно стоящих зданиях. Убедить Хрущева в том, что отдельно стоящие торговые здания не могут и в малой

степени заменить тысячи встроенных магазинов, не удалось. Не помогли и доводы Минторга относительно того, что строительство жилых зданий без выделения помещений для торговых целей создаст новую сложную проблему для жителей городов. Тем временем были построены целые кварталы домов, где проживало по 20–30 тыс. чел., а торговых магазинов не было. Семьи рабочих, служащих, получавшие квартиры в таких домах, испытывали крайние неудобства. Им приходилось довольно далеко ходить или ездить, чтобы купить продукты или ту или иную хозяйственную вещь. Только после вмешательства заместителя Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина положение изменилось. А.Н. Косыгин настоял, чтобы в типовых проектах предусматривались помещения для торговли и служб быта...»¹⁸.

Чисто количественный подход решения жилищной проблемы привел к тому, что теперь уже строители, а не архитекторы определяли облик советских городов. Переход наших домостроительных комбинатов (ДСК) на возведение многоэтажных спальных районов с их однообразием не изменило ситуацию. Разнообразие приемов «свободной» планировки привело к удручающей монотонности городской застройки, бесконечно раскрытые и «переливающиеся» пространства разрушили улицы, а ритмическое повторение поставленных друг за другом невыразительных по архитектуре домов не создало интересных и запоминающихся композиций.

Таким образом, в 1950–1960-е гг. изменилась планировка и застройка городского пространства. Москва оказалась городом, где совершались градостроительные эксперименты: микрорайон, свободная планировка, повышенная этажность застройки и др. Впоследствии они тиражировались во многих городах Советского Союза. Типовое проектирование в нашей стране непрерывно развивалось в соответствии с последовательным решением социальных и народнохозяйственных проблем. Социальная основа была предопределяющей в структурном формировании жилой территории. Непрерывное развитие типового проектирования в государственном масштабе не случайное, не конъюнктурное, а закономерное явление, вытекавшее из социалистической плановой системы ведения народного хозяйства в Советском Союзе. Оно служило средством планомерного осуществления поставленных партий и правительством социальных задач и технического прогресса в области строительства. Типовое проектирование стало основой для широкого внедрения промышленных методов строительного производства. В связи с этим введенное в нашей стране обязательное

¹⁸ Павлов Д.В. Стойкость. М., 1983. С. 274–276.

применение типовых проектов следует рассматривать как закономерность, обеспечивающую во всех отраслях строительства наиболее эффективное использование государственных средств. Опасения, что при многократном повторении одних и тех же проектов зданий нельзя избежать однообразия городской застройки, к сожалению, подтвердились и действительно были не лишены основания. В строительстве микрорайонов, под видом новых приемов свободной планировки, часто практиковалось случайное, неорганизованное размещение зданий без архитектурно-художественного начала застройки.

С другой стороны, нет нужды доказывать, что при индивидуальном проектировании увеличились бы сроки и стоимость проектирования в строительстве, невозможно было бы осуществить те огромные масштабы массового жилищного строительства с середины 1950-х гг., которые позволили разрешить жесточайший жилищный кризис в нашей стране.

Членение города на микрорайоны и жилые районы приобретало особый социальный и технологический смысл. Микрорайонный принцип застройки городов породил серьезные противоречия и недостатки в градостроительстве и, в первую очередь, между индустриальным характером строительства и эстетическими качествами архитектуры. Рост объемов строительства означал, с точки зрения архитектуры, только приумножение все большего количества одинаковых домов. Неудивительно, что архитектуре микрорайонов справедливо дается довольно низкая оценка. Вряд ли сложившееся положение можно было предусмотреть до начала массового жилищного строительства, когда только набирала силы индустриализация строительства. Бескрайние просторы типовых домов нужно было наглядно увидеть, чтобы воспринимать столь критически.

Но возникает вполне логичный вопрос – существовали ли в исследуемый период альтернативы? Можно ли было без массового жилищного строительства за короткий период вытащить советских граждан из подвалов, барачков, коммуналок?

Действительно, в середине 1950-х гг., в эпоху развития научно-технической революции, усилилось рационалистическое мировосприятие социальных целей архитектуры. Чисто практические задачи ставились во главу угла. А это неминуемо приводило к снижению эстетических требований к архитектуре. Поэтому о спонтанности такого резкого поворота в градостроительстве в середине 1950-х гг. говорить не приходится. Происходило становление общественно-социального заказа на новые формы и новую организацию жизни. Массовое жилищное строительство не могло развиваться без типизации жилых зданий, без внедрения индустриальных методов в жилищном строительстве, без

распространения микрорайонной застройки. Начался новый этап в проектировании и застройке советских городов. Микрорайон безоговорочно становится структурной основой советского градостроительства.

Если объективно исследовать тот период, учитывая экономические и политические условия в Советском Союзе, можно утверждать без колебаний: советское государство приняло единственно правильное решение. В тот период нельзя было миновать строительство наиболее экономичных жилых зданий относительно низких кондиций и временного экстенсивного использования территорий. Это позволило перейти от покомнатного проживания советских граждан к посемейному заселению в отдельных квартирах в самые короткие сроки. Это была настоящая жилищная революция, которая удовлетворила потребности в отдельном жилье миллионов советских людей. Микрорайоны многочисленных пятиэтажек сыграли положительную социальную роль. Сегодня эти микрорайоны, не обладающие архитектурно-художественными достоинствами, образуют весьма специфический пласт городской культуры, характеризующий годы их появления, и являются памятниками культуры своего времени.

Библиографический список / References

1. Бурдин Д.И. Квартира – дом – район – город // Строительство и архитектура Москвы. 1960. № 6. С. 13–15. [Burdin D.I. Apartment – house – district – city. *Stroitelstvo i arhitektura Moskvy*. 1960. No. 6. Pp. 13–15. (In Rus.)]
2. Всемерно повышать качество проектирования для массового жилищного строительства // Архитектура и строительство Москвы. 1953. № 2. С. 5–7. [In every possible way to improve the quality of design for mass housing construction. *Arhitektura i stroitelstvo Moskvy*. 1953. No. 2. Pp. 5–7. (In Rus.)].
3. История Москвы. Т. 6. Кн. 2. М., 1959. [Istoriya Moskvy [History of Moscow]. Vol. 6. Book 2. Moscow, 1959. (In Rus.)]
4. Качество типовых проектов – на уровень новых задач жилищного строительства // Архитектура СССР. 1964. № 9. С. 2–3. [The quality of standard projects is at the level of new housing construction tasks. *Arhitektura SSSR*. 1964. No. 9. Pp. 2–3. (In Rus.)].
5. Колодный Л.Е. Путешествие по новой Москве. М., 1979. [Kolodnyj L.E. Puteshestvie po novoj Moskve [Travel to New Moscow]. Moscow, 1979.]
6. Лихачёв Д.С. Заметки о русском. Избр. работы в 3-х т. Т. 2. Л., 1987. [Lihachyov D.S. Zametki o russkom [Notes about Russian]. Vol. 2. Leningrad, 1987. (In Rus.)]
7. Москва: годы обновления и реконструкции. М., 1977. [Moskva: gody obnovleniya i rekonstruktsii [Moscow: The years of renewal and reconstruction]. Moscow, 1977.]
8. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. [Sovetskij enciklopedicheskij slovar [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1980.]

Статья поступила в редакцию 12.12.2022, принята к публикации 30.01.2023
The article was received on 12.12.2022, accepted for publication 30.01.2023

Сведения об авторах / About the authors

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Vladimir N. Gorlov – Dr. History Hab.; Professor at the Department of Historical Sciences and Archiving, Moscow State Linguistic University

E-mail: gorlov812@mail.ru

Артемов Сергей Николаевич – доктор исторических наук; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Sergey N. Artemov – Dr. History Hab.; Professor at the Department of Historical Sciences and Archiving, Moscow State Linguistic University

E-mail: asn66@List.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-98-106

Р.А. Маруф

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Особенности жилища в докерамический период неолита (территория Сирии)

Статья посвящена важным особенностям декоративной отделки жилища в докерамический период неолита. Археологические артефакты, конкретные материальные свидетельства первобытного искусства, художественные и скульптурные образы позволяют реконструировать древние верования и культы, особенности формирования идеологической структуры древних социумов. Рассмотрены особенности конструкций жилищ, обнаруженных археологами в Сирии. На примере отдельных частей (полов, стен и т.д.) жилищ автор разбирает процесс формирования религиозных представлений и символических образов земледельца. Показана зависимость между наличием украшений на стенах и мастабах и степенью важности жилища, как религиозной, так и административной: чем богаче и обильнее разукрашен интерьер, тем более высокое место в иерархии поселения занимал житель строения. Значительную роль в искусстве рассматриваемого периода играют сюжеты, связанные с различными животными, присутствующими в регионе и взаимодействующими с людьми, такими, как газель, бык и леопард. Помимо этого, автор рассматривает находки, доказывающие значимость для людей рассматриваемого периода культа женского божества.

Ключевые слова: неолит, докерамический период неолита, декоративное искусство неолита, археология неолитической Сирии, мастаба, религиозные верования Сирии эпохи неолита, Аль-Мурайбит, Тель-Шейх-Хасан, Тель-аль-Рамад, Тель-Халула, зооморфное искусство неолита

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Маруф Р.А. Особенности жилища в докерамический период неолита (территория Сирии) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 98–106. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-98-106

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-98-106

R.A. Marouf

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Features of the dwelling in the pre-ceramic period of the Neolithic (territory of Syria)

The article is devoted to the important features of the decoration of the dwelling in the pre-ceramic period of the Neolithic. Archaeological artifacts, specific material evidence of primitive art, artistic and sculptural images make it possible to reconstruct ancient beliefs and cults, features of the formation of the ideological structure of ancient societies. The features of the structures of dwellings discovered by archaeologists in Syria are considered. The author analyzes images on separate parts of dwellings (floors, walls, etc.), and presents the process of formation of religious ideas of the farmer. The relationship between the presence of decorations on the walls and mastabas and the degree of importance of the dwelling, both religious and administrative, is shown: the richer and more abundantly decorated the interior, the higher the place in the hierarchy of the settlement was occupied by the inhabitant of the building. A significant role in the art of the period under review is played by themes associated with various animals present in the region and interacting with people, such as the gazelle,

the bull and the leopard. Moreover, the author examines the findings that prove the significance of the cult of a female deity for the people of the period under consideration.

Key words: Neolithic, pre-pottery Neolithic period, Neolithic decorative arts, archeology of Neolithic Syria, mastaba, religious beliefs of Neolithic Syria, Al-Muraibit, Tell Sheikh Hassan, Tell al-Ramad, Tel Halula, Neolithic zoomorphic art

FOR CITATION: Marouf R.A. Features of the dwelling in the pre-ceramic period of the Neolithic (territory of Syria). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 98–106. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-98-106

Изучение особенностей декоративной отделки жилища в докерамический период неолита на территории современной Сирии имеет важное значение для историко-археологических исследований. Целью данной статьи является исследование особенностей конструкции жилищ, обнаруженных археологами в Сирии. Актуальность темы несомненна, т.к. позволяет на примере отдельных частей (полов, стен и т.д.) жилищ, распознанных в деревнях первых поселенцев Сирии, подойти на примере конкретного археологического материала и древних иконографических сюжетов к изучению особенностей формирования религиозных представлений и символических образов древних земледельцев и скотоводов, формированию культа женского божества, связанного с идеей плодородия и воспроизводства всего сущего.

По археологическим данным, человек эпохи неолита строил дома определенной формы и украшал некоторые из них, особенно те, что имели общественное значение. Мы постараемся выделить самые важные элементы отделки и декора, которые люди этой эпохи использовали в своих строениях. В эпохе докерамического неолита А (Р.Р.Н.А) преобладающей формой дома был круг или овал с почти прямыми стенами внутри, делящими внутреннее пространство на разные хозяйственные зоны [7, р. 184–185]. Дом был покрыт глиняной крышей, основанной на сходящихся и соединенных деревянных опорах. Такие дома были найдены в Аль-Мурайбите, Тель-Шейх-Хассане и в других местах [1, р. 49]. Несмотря на появление четырехугольной формы домов с началом докерамического неолита В (Р.Р.Н.В), на круглые дома по-прежнему приходилась наибольшая доля декоративной отделки. Мы начнем с рассмотрения устройства и украшения полов помещений, затем перейдем к внутренним террасам и стенам.

Пол в доме

Полы строений, в основном, были обмазаны глиной, а некоторые из них были выкрашены известью. Подобные типичные примеры можно встретить в Телль-Аль-Рамад и в Телль-Асвад [5, р. 277]. Кроме того, были попытки особым образом украсить полы необычным для того времени способом, например, обнаруженным на городище Таль Аль-Абар 3. Это древнейшие примитивные конструкции, похожие на мозаики, в доме Мозаики М4 (круглый дом, врытый в землю, датируется X тыс. до н.э.). Его пол был вымощен речной галькой разных цветов: серой, красной, черной и зеленой [10, р. 20–21].

Стоит отметить, что рисунки людей на территории Телль-Халула, которые относятся к докерамическому периоду неолита В Р.Р.Н.В, являются одним из самых интересных открытий на этом месте. Данные рисунки были найдены на полу многокомнатного дома ЕС/Ф в 1997 г. Изображение имеет правильную планировку, занимает площадь $1 \times 1,20$ м и состоит из 23 фигур, собранных вокруг квадрата. Фигурки изображают женщин ростом 12–14 см двух разных типов [6, р. 135]. К первому типу относятся изображения женщин анфас с широкими ягодицами и ярко выраженными конечностями; их ноги изображены в виде треугольника, голова заострена, руки согнуты на уровне талии. Изображений женщин этого типа семь. Второй тип объединяет изображения уменьшенных женских фигур, нижние конечности которых имеют форму треугольника, оканчивающегося ступней, а верхняя часть представлена руками и упрощенной головой, образующей продолжение талии, при этом бедро оказывается выпирающим назад в виде треугольника. В цветовой гамме рисунков преобладают темно-красные цвета, т.к. в красящих пигментах использовались природные материалы, в состав которых входил железосодержащий минерал – гематит [Там же, р. 136]. Исходя из форм изображенных женщин и явного акцента на их ягодицах, ясно, что они, по-видимому, символизируют плодородие и материнство, и что женское присутствие на этой картине в динамичном движении предполагает танцевальную сцену, возможно, указывая на важную роль, которую женщины могли играть в ритуальных практиках в первых земледельческих обществах Востока [Там же, р. 135].

Украшение и отделка пола дома не были характерны для всех домов и построек докерамического неолита. Они типичны для небольшого количества сооружений, имевших общественное значение. Как показывают археологические материалы, присутствие элементов декора пола было важным дополнением к другим украшениям, включенным в интерьер строения.

Мастаба (скамья)

Под мастабой здесь подразумевается место внутри дома, немного возвышающееся над землей и напоминающее скамейку, предназначенную для сидения. Мастаба встречалась в большинстве докерамических неолитических домов и нередко дополнительно декорировалась. В доме EA53 на территории Джурф аль-Ахмар обнаружена скамья, украшенная геометрическими фигурами в виде следующих друг за другом треугольников примерно одинакового размера, на которых выгравирован рисунок человека неопределенного пола, поднявшего обе руки, возможно, находящегося в позе поклонения во время моления или жертвоприношения [9, p. 573].

Среди построек, в которых на скамье появились различные украшения, был дом Б2 на территории Таль Аль-Абар 3. В этом здании была возведена глинобитная скамья в виде полуарок, которая была украшена колоннами. Расстояние между колоннами было разделено известняковыми плитами высотой примерно 60 см. На них нанесены изображения различных животных, таких как газель, бык и леопард, причем газель передавалась при помощи контурной гравировки, ограничивающей тело оленя только углубленной формой (рис. 1), леопард изображался последовательными точками, причем на одной плитке у него был двойник, а на другой – тело трех равных по размеру леопардов с гравировкой птицы. В верхней части рисунка фигура напоминает орла. Что касается быка, то его голова встречается только на двух каменных плитах скамьи. Внутри одного из домов имелось изображение головы быка в невысоком рельефе. Голова быка имеет широкие и слегка загнутые книзу рога. Сохранились также на мастабе геометрические украшения в виде зигзагов и отдельных змеевидных линий [Там же, p. 575].

В некоторых других домах найдены мастабы в форме бычьей головы. Так, на территории Тель-Абара 3 была обнаружена постройка (№ M1) глубиной 1,15 м и диаметром 7,5 м, где находилась мастаба, вырезанная и оформленная в виде бычьей головы. Изображение морды быка ясно выступает в середине объекта. На мастабе имелась алтарная площадка, оформленная в виде черепа, которая заканчивалась видоизмененным символическим изображением рогов. Эта мастаба предназначалась для захоронения черепов и рогов. Кости быков в этот период имели выраженное ритуальное значение. Прежде чем закапывать в определенных местах внутри мастабы, их в ритуальных целях покрывали глиной и речной галькой. Также вокруг этой мастабы были обнаружены известняковые чаны, базальтовые чаши и костровище, связанные с проведением ритуальных обрядов, посвященных быкам как священным животным [1, p. 54].

Рис. 1. Изображение газели. Мастаба дома В2. Городище Таль Аль-Абар 3 [5, р. 281]

Во время раскопок были обнаружены мастабы, украшенные декорированными колоннами. Мастабы такого типа достаточно разнообразны и представительны. Особенно выделяется дом № EA53 на территории Джурф аль-Ахмар. Он имел круглую форму, заглублен в землю на 2 м, стены поддерживались около 30 деревянными колоннами. В нем была сооружена площадка в виде мастабы или сиденья, следовавшая по периметру здания, что придавало этой площадке восьмигранную форму. В каждом из углов сооружения стоял деревянный столб, обмазанный глиной. Один из столбов был вырезан в виде хищной птицы, вероятно, в виде орла. Поскольку колонна снизу образовывала тело птицы, ее украшали группы пересекающихся квадратов; на высоте шеи был вырезан перевернутый треугольник, увенчанный тремя прямыми линиями. Далее следовала голова, вырезанная в четкой круглой форме, глаза представлены в виде двух маленьких кружочков. При этом древний мастер декорации уделил особое внимание форме клюва, изобразив его в виде большого треугольника [8, р. 30].

Стены

Формы орнамента, воплощенные человеком докерамического неолита на стенах домов, были разнообразны. На первом этапе эти украшения

имели геометрические формы. Примером таких сюжетов на городище Джаада-Аль-Магара, где были найдены древнейшие на Ближнем Востоке фрески, является круглый дом, датируемый XI тыс. до н.э. Дом, по данным раскопок 2002 г., был сооружен на основе столбовых конструкций и каменной кладки. Стены сохранились в высоту до 2 м. Они были покрыты глиняной обмазкой-штукатуркой, поверхность которой расписана разноцветными геометрическими рисунками. Первооткрыватели этого дома назвали его «Домом рисунков».

Первоначально стены были выкрашены в белый цвет. Затем на них были нанесены чередующиеся черные и красные квадраты. Здесь белый цвет, являющийся основой картины, в некоторых местах выглядит как белый квадрат из-за чередования черного и красного цветов в соответствии с общей композицией. Эти квадраты различались по размеру. Некоторые маленькие квадраты выглядят на картине так, как будто они находятся среди больших квадратов. Например, на одном из рисунков представлен геометрический рисунок, где внутри большого квадрата, выполненного красной краской, располагались маленькие квадратики, черные и красные.

В тот же период в здании № EA57 на территории Аль-Джурф Аль-Ахмар стены были украшены связками рельефных глиняных бусин, являвшимися связующим звеном между висевшими на стене черепами быков, что вместе формировало большое ожерелье, символизирующее быка и показывающее его важное значение в тот период [8, р. 35]. Отметим, что украшение стен бычьими черепами было отмечено в городище Аль-Мурабит ас-Сувайя аль-Тирдия, где бычьи рога были найдены замурованными в стены одного из домов [7, р. 186].

Художественное окрашивание стен приняло более развитую форму в эпоху докерамического неолита В (P.P.N.B), что было связано с появлением фресок с зооморфными и антропоморфными сюжетами. К примеру, стены одного из домов на городище Тель-Курс были украшены изображением двух групп страусов, окрашенных в красный цвет на белом фоне. Первая группа состояла из четырех похожих птиц. Ноги были изображены длинными полосами, а хвост – четырьмя изогнутыми полосами, более длинными сверху и укороченными к низу. Шея нарисована длинной, а голова – в виде небольшого кружка с выступающим стилизованным клювом. Птицы были нарисованы друг за другом, и положение шеи, слегка вытянутой вперед, указывает на то, что птицы находятся в движении. Вторая группа состояла из пяти птиц, из них в верхнем ряду нарисованы три, в нижнем – две. Хвост изображен в виде четырех изогнутых линий, укороченных книзу, туловище длинное, шея вытянута вперед, голова четко не определена, за исключением выступа,

указывающего на клюв. В этой группе отчетливо видны пальцы ног птиц в виде трех небольших черточек, отстоящих друг от друга [2, р. 50].

Что касается открытых антропоморфных изваяний, то на одном из склонов холма был найден диск из цветного гипса с рельефом, изображающим человеческую голову. Глаза на нем были инкрустированы кусочками черного обсидиана. В целом, все остальные черты лица и головы представлены вполне реалистично [Там же, р. 121].

Выводы

В докерамическую неолитическую эпоху на территории Сирии происходили существенные изменения религиозных представлений местного населения, что связано с появлением оседлых поселений первых земледельцев, где формы и функции домов и построек заметно варьировались по форме, назначению и декору. Некоторые дома, по всей видимости, имели особое сакральное значение, считались общественно значимыми. Человек во время их постройки и декорирования пытался воплотить свои религиозные представления при помощи особых художественных приемов, иногда символически используя пропорции человеческого тела на тех или иных частях культовых и хозяйственно-жилых строений.

Темами украшений оказывались различные зооморфные и антропоморфные сюжеты, наполненные ясным художественным смыслом и идеологической перспективой. При этом наиболее значимыми культовыми и декоративными мотивами являлись изображения быков. Устройство мастабы в виде головы быка также подтверждает его сакральный статус в религиозных воззрениях древних жителей региона. В этой связи неслучайно, что черепа быков были найдены захороненными в глиняных мастабах, что является древнейшим свидетельством устоявшегося культа быка в местной религиозной практике, возможного воплощения мужского начала.

Среди небольшого количества антропоморфных изображений, найденных во время археологических работ, заметно преобладают женские образы. Особенно многочисленны фигурки, олицетворявшие богиню-мать, символ плодородия и материнства, особо почитаемый в эту эпоху, что нашло заметное отражение в идеологии и религиозном сознании древнего человека. Все это свидетельствует о заметном интеллектуальном и религиозном прогрессе неолитических социумов по сравнению с более ранними этапами развития.

Археологические артефакты, конкретные материальные свидетельства первобытного искусства, художественные и скульптурные образы позволяют реконструировать древние верования и культы, особенности формирования идеологической структуры древних социумов.

Библиографический список / References

1. Abdul-Rahman A. Mutagheadat va fonun almazar ayn al avael fi al-mashrigh al arabi al taghdim “elahato al om” [The Beliefs and Art of the First Tillers in the Ancient Arab East, “Mother God”]. Damascus, 2009.
2. Akkermans P., Van Loon M., Roddenberg J., Waterboler. The 1976–1977 Excavations at Tell Bouqras. *Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes*. 1977. Vol. 32.
3. Akkermans P.A., Schwartz G. The archaeology of Syria from Complex Hunter-Gatherers. *Ealy Urban Society (16 000–300 BS.)*. Cambridge, 2003.
4. Coqueugnot E. Des Pentures dans un batiment comunautaire du neolithique preceramique (vers 9000 av. J.-C.) a Dja de (Syrie). *Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes*. 2011. Vol. 53.
5. Diab A.-Y. Interior decorations of a house in Syria during the pre-Pottery Neolithic period. *Damascus University Journal*. 2021. Vol. 37. No. 2.
6. Molist M. Tell Halula 1997. *Chronique Archeologique en Syrie II*, 1998.
7. Muhaisin S. Osur ma ghab al tarikh [Prehistoric age]. Damascus, 2009.
8. Stordeur D. Les Batiments Communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet Horizon PPNA (Syrie). *Paleorient*. 2000. Vol. 26/1.
9. Stordrdeur D., Abbes F. Du P.P.N.A au P.P.N.B mise en Lumiere d’une phase de transition a Jerf el Ahmar (Syrie). *Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise*. 2002. Vol. 99. No. 3.
10. Yarta T. Telal-Abr 3 – an agricultural village from the tenth millennium BC. *Cradle of Civilizations Journal*. 2007. No. 2.

Статья поступила в редакцию 09.11.2022, принята к публикации 27.01.2023
The article was received on 09.11.2022, accepted for publication 27.01.2023

Об авторе / About the author

Маруф Рим Али – аспирант кафедры древнего мира и средних веков имени В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Reem A. Marouf – postgraduate student at the Department of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: reem.marouf123@gmail.com

М.Д. Петров

Московский городской педагогический университет,
129226 г. Москва Российская Федерация,

«Военная революция» на Западе и политические изменения в елизаветинской Англии (1558–1603 гг.)

Изменения в тактике, стратегии, а также в способах комплектования армий оказывают существенное воздействие на эволюцию социальных и политических систем. Особенно заметно это стало, начиная с рубежа XV–XVI вв., когда в Западной Европе начался процесс, впоследствии названный историками «военной революцией». Статья посвящена изучению ее второго этапа, совпавшего по времени с правлением в Англии Елизаветы I Тюдор, и его влияния на возникновение конфликта между институтами монархии и парламента в Англии второй половины XVI в. Применяя институциональный и факторный анализ, а также историко-генетический и историко-сравнительный методы, автор ставит перед собой цель выяснить, можно ли считать процессы, происходившие в этот период в западноевропейском военном деле, значимым фактором, повлиявшим на зарождение на рубеже XVI–XVII вв. конфликта между английской монархией и парламентом.

Ключевые слова: «военная революция», военный кризис XVI в., Елизавета Тюдор, трансформация английских политических институтов раннего Нового времени, английский парламент XVI в., военные субсидии английского парламента в XVI в., англо-испанская война 1585–1604 гг.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петров М.Д. «Военная революция» на Западе и политические изменения в елизаветинской Англии (1558–1603 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 107–124. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-107-124

© Петров М.Д., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-107-124

M.D. Petrov Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation

«Military revolution» of Western Europe and political transformation in England during the reign of Elizabeth I

Changes in tactics, strategy, as well as in the way armies are manned, have a significant impact on the evolution of social and political systems. It became especially noticeable starting from the turn of the 15th–16th centuries, when a process, later called the “military revolution” by historians, began in Western Europe. The article is devoted to the study of its second stage, which coincided with the reign of Elizabeth I Tudor in England, and its influence on the emergence of the conflict between the institutions of the monarchy and parliament in England in the second half of the 16th century. Using institutional and factor analysis, as well as historical-genetic and historical-comparative methods, the author aims to find out whether the processes that took place during this period in Western European military affairs can be considered a significant factor that influenced the emergence of the conflict between the British monarchy and Parliament at the turn of the 16th–17th centuries.

Key words: “Military revolution”, military crisis of the 16th century, Elizabeth Tudor, transformation of the English political institutions of the early modern period, English monarchy of the 16th century, military subsidies of the English Parliament in the 16th century, Anglo-Spanish War of 1585–1604

FOR CITATION: Petrov M.D. “Military revolution” of Western Europe and political transformation in England during the reign of Elizabeth I. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 107–124. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-107-124

Проблематика войны, военного дела и, как следствие, военной истории вряд ли потеряет свою актуальность. Будучи напрямую связанной с вопросом о власти, война, по выражению К. фон Клаузевица,

«не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»¹. В таком узком контексте армия и военная теория выступают лишь инструментами правящих элит в деле навязывания своей воли как во внешней, так и во внутренней политике. Тем не менее, прогресс в военном деле, первоначально необходимый только для получения преимущества над противником, может вызвать кумулятивный эффект и оказать значительное влияние на другие сферы общества. В связи с этим возникает вопрос о том, может ли развитие военного дела, при наличии на определенном историческом этапе других предпосылок к общественным изменениям, стать значимым фактором социетальной трансформации, затрагивающей и саму политическую сферу?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к периоду XVI–XVII вв., во время которого в западноевропейских странах происходили кардинальные изменения, затронувшие многие средства и методы ведения боевых действий. В историографии этот процесс получил название «военная» или «пороховая революция». Один из основоположников этого концепта Дж. Паркер, считал, что тактические и стратегические новшества, появившиеся в этот период, значительно изменили общество и государство, способствовали возникновению многочисленных столкновений между управленцами и управляемыми, что вылилось в «общий кризис» XVII в. [18, р. 213–214]. Несмотря и на другие тезисы подобного рода, теоретики военной революции основное внимание уделяли именно техническим, тактическим и стратегическим аспектам, а не их факторному влиянию на трансформацию политических систем и институтов. Вследствие этого планомерного сопоставления процессов развития западноевропейского военного дела указанной эпохи и трансформации систем государственного управления ими и их последователями проведено не было. В связи с чем данная проблематика остается актуальной для современных исследователей.

Также большинство историков, изучающих данную проблематику, особый акцент делают на том, что затронувшие армию перемены явились значимым фактором в процессе формирования в Европе именно абсолютных монархий. В частности, М. Робертс, впервые предложивший сам термин «военная революция», писал, что «эти изменения, и сам новый стиль проведения боевых действий, потребовали новых административных методов и стандартов; и новая администрация с самого начала была централизованной и королевской» [21, р. 205]. Данного тезиса придерживался и Б. Даунинг, назвавший возникшую по итогам

¹ Клаузевиц К. О войне (1–4) / Пер. с нем. А.К. Рачинского. М., 2009. С. 52.

трансформации форму правления «военно-бюрократическим абсолютизмом» [13, р. 3, 9]. Тем не менее, уже в трудах Паркера, развившего концепцию Робертса, был сделан акцент на том, что армейские новшества повысили авторитет именно государства [18, р. 213], а не конкретно монархии. Он утверждает, что в условиях революции в военном деле «необходимость мобилизации ресурсов для войны могла укрепить власть правительства над своими подданными» [19, р. 159]. В связи с этим встает вопрос о необходимости исследования факторного влияния процессов «пороховой революции» на формирование не только абсолютистских государств, но и ограниченных монархий, таких, как английская.

В рамках изучения последней особый интерес вызывает период XVI в. Во-первых, в этот период западноевропейское военное дело преодолело большую часть двух первых этапов пороховой революции [11, с. 59]. Во-вторых, в отличие от событий XVII в., на его протяжении не было вооруженных конфликтов между различными политическими институтами и социальными группами. Но этот век, и, в особенности, его конец, в значительной степени подготовил расстановку сил для последующего противостояния монархии и парламента. Однако в рамках заданной в статье проблематики указанный период практически не изучен.

Первая планомерная попытка заполнить этот пробел была сделана Даунингом. В небольшой главе монографии, посвященной эпохе Тюдоров, он утверждал, что в этот период «военная революция» не затронула английское королевство [13, р. 166], а «до 1630-х годов отношения монархии с парламентом демонстрируют чувство взаимного обязательства и сотрудничества, а не необратимое сползание к гражданской войне» [Там же, р. 168]. Если со вторым тезисом можно согласиться при условии того, что мы отодвинем дату до 1580-х гг., то его первое утверждение в корне неверно. Согласно Паркеру, основными компонентами «военной революции» стали широкое использование огнестрельного оружия, распространение фортификации нового типа и рост численности армий [19, р. 43]; некоторые из них можно найти в Англии уже в первой половине XVI в. К этому периоду в армии все активнее начинает использоваться ручное огнестрельное оружие и артиллерия, а также строятся оборонительные сооружения, соответствующие требованиям раннего Нового времени [11, с. 66, 70]. Прослеживается и увеличение численности войск. Если в первой половине столетия общая численность милиции колебалась от 100 до 150 тыс. солдат, то во второй половине – от 120 до 183 тыс. [16, р. 34].

Утверждение Даунинга о растущем на протяжении XVI в. консенсусе монархии Тюдоров и парламента [13, р. 162] также требует уточнения.

Этот период для Англии действительно характеризуется компромиссом между указанными политическими институтами по нескольким важным вопросам. Во-первых, установление гражданского мира после продолжительных войн Роз, в ходе которых ослабили позиции не только многих представителей высшей аристократии, но и парламента. Во-вторых, стремление вернуть Англию в орбиту большой европейской политики путем ее включения в систему военных союзов против давней соперницы – Франции. В-третьих, желание обособиться от власти Рима. Последний политический процесс, получивший название «королевской реформации», практически полностью игнорируется Даунингом. Да, его осуществление стало возможным, в т.ч. благодаря поддержке со стороны парламентариев-джентри, многие представители которых обогатились в ходе секуляризации. Но во всех этих трех вопросах институту монархии в первой половине XVI в. отводилась главенствующая роль, что привело к его усилению. Монарх в начале XVI в. стал не только символом объединения страны, гарантом внутривластной стабильности и организатором военных кампаний на континенте. Он, являясь к тому же помазанником божьим, с помощью англиканского учения получил право на верховенство в духовных делах.

Несмотря на вышесказанное, данный период показал, что сложившаяся ситуация в перспективе может привести к столкновению интересов монархии и парламента. Об этом можно говорить, в т.ч. исходя из анализа процессов качественного и количественного роста английской армии и флота, а также взаимоотношений монархии и парламента по вопросу о финансировании перманентно растущих затрат на военные кампании. Если в начале правления Генриха VIII последний был готов втирать дополнительные военные субсидии, то затем их размер постоянно уменьшался. Это стало одним из факторов проведения в королевстве секуляризации, давшей монарху независимый источник доходов от продажи конфискованных монастырских земель. Однако, вследствие недальновидной финансовой и реформаторской политики, он практически полностью иссяк уже к 1550-м гг. Это поставило наследников Генриха перед вопросом поиска нового внепарламентского источника финансирования затратных войн, т.к. в противном случае им пришлось бы пойти на силовой конфликт с парламентом, что монархия пока сделать не могла [11, с. 56–75].

Выход был найден в период правления Елизаветы I (1558–1603). Решил ли он полностью проблемы монархии? Стал ли в результате этого рассматриваемый период, как утверждал Даунинг, эпохой «взаимного обязательства и сотрудничества» между институтами королевства? Или, наоборот, процессы, происходившие в рамках трансформации

военного дела, стали фактором обострения отношений между ними? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо осветить процессы, происходившие в рамках второго периода развития военного дела эпохи пороховой революции.

Период с середины XVI в. до начала XVII в. ознаменовался структурным кризисом, суть которого выразалась в следующем.

1. «Ренессансная» модель армии, предназначенная для полноценного разгрома противника в генеральном сражении, в новых условиях не могла реализовать свой потенциал. Это произошло вследствие распространения фортификации по технологии итальянского следа (*tracé italienne*), которое заставило ее переключиться на ведение осадной и «малой» войны, где она теряла все свои наступательные преимущества [10, с. 71].

2. Проведение генерального сражения теперь не могло обеспечить полноценное преимущество в войне. Наступающая армия после него все равно или вязывалась в продолжительную осадную войну, или частично расформировывалась вследствие невозможности ее дальнейшего финансового обеспечения. Примером этого могут служить последствия битвы при Сен-Кантене², в результате которых англо-испанская армия не смогла достигнуть стратегической цели – взятия Парижа [5, с. 131].

3. Ведение затяжных боевых действий наряду с отказом от индивидуальных бойцов в пользу растущих пехотных и кавалерийских построений привело к дальнейшему увеличению расходов на военные кампании [10, с. 74].

4. Помимо этого, в полевых сражениях атакующая сторона стала терять свои преимущества из-за громоздкости и неповоротливости пехотных *tercio*³ и кавалерии, использующей *караколе*⁴ [Там же, с. 72].

5. Доминирующие в море галеоны с высокими и крепкими бортами, оснащенные только мелкокалиберной вспомогательной артиллерией, были рассчитаны на абордажный бой, что вело к невозможности поражения их с дальнего расстояния. Например, артиллерийские атаки англичан на корабли Великой армады привели лишь к минимальным

² В ходе этого сражения, состоявшегося 10 августа 1557 г., англо-испанская армия разбила шедшее на помощь осажденному Сен-Кантену французское войско, в результате чего город сдался на милость победителя. Однако из-за финансовых проблем Филипп II после сражения был вынужден частично распустить своих солдат, испанцы не смогли развить успех и продолжить наступление в сторону Парижа.

³ Испанское построение численностью 2500–3000 солдат, вооруженных пиками, мушкетами и аркебузами.

⁴ Пехотное или кавалерийское построение в 8–10 шеренг, обеспечивающее непрерывность ведения огня из ручного огнестрельного оружия.

результатам, а попытки абордажа испанских кораблей зачастую проваливались [9, с. 7].

Таким образом, эти условия давали преимущество обороняющейся, а не атакующей стороне. Эта ситуация, однако, не привела к спаду военной активности. Рассматриваемый период ознаменовался продолжительными и затратными кампаниями, в которые была вовлечена и Англия. Прежде всего, это англо-французский конфликт в ходе Итальянских войн 1556–1559 гг., Религиозные войны во Франции 1562–1598 гг., Восемидесятилетняя война в Нидерландах 1566–1648 гг. Наиболее значимой в рамках исследуемой проблематики является англо-испанская война 1585–1604 гг.

К началу правления Елизаветы Тюдор в бюджете королевства образовался огромный дефицит, составивший около 250 тыс. фунтов стерлингов [12, с. 217]. Тем не менее, для укрепления обороноспособности страны было необходимо провести реформы. В первую очередь, в них нуждалась милиция графств. Именно ополченцы составляли основную массу пехоты – главного элемента «ренессансной» армейской модели. Прежде всего, они нуждались в современном вооружении и экипировке. Для этой цели впервые вне рамок подготовки к очередной военной кампании были произведены масштабный импорт современного оружия и снаряжения. Так, Т. Грешем, главный агент королевы в Антверпене, до 1560 г. купил в Нидерландах и в различных германских государствах вооружения на сумму в 108 956 фунтов стерлингов. Помимо прочего, было закуплено 33 тыс. экземпляров различных видов огнестрельного оружия, большинство из которых, скорее всего, составляли аркебузы [15, р. 56]. Подобные траты на оборону, несмотря на их необходимость, не были профинансированы парламентом. Для перевооружения монархии пришлось брать ссуды у антверпенских купцов.

Образцы нового оружия, поступившие в Англию через Ла-Манш, были распределены между отрядами милиции различных городов и графств. Ополченцы получили возможность проводить с ним регулярные военные тренировки, для чего были наняты имеющие боевой опыт инструкторы. Однако, несмотря на столь масштабные закупки, милицию не удалось полностью укомплектовать современным вооружением: в некоторых отрядах ополчения на несколько человек приходилось всего лишь по одной аркебузе. В связи с этим, правительство Елизаветы было вынуждено в 1560-х гг. продолжить поощрение практики стрельбы из длинных луков, особенно среди отрядов милиции внутренних графств, т.к. основная масса аркебузирова была сосредоточена в приграничных крепостях. Об остром недостатке современного стрелкового оружия в королевстве может свидетельствовать тот факт, что во время

подавления королевскими войсками прокатолического Северного восстания в 1569 г. из 2 тыс. ополченцев из центральных графств только 60 солдат были вооружены аркебузами [8, с. 131–132].

Недостаток финансов на перевооружение милиции вынудил правительство искать внебюджетные способы модернизации. Государственный секретарь У. Сесил в 1567 г. провел эксперимент по формированию регулярного корпуса аркебузирова численностью в 4 тыс. чел. Его особенностью стал специфический способ содержания солдат. По замыслу Сесила, финансирование корпуса должно было происходить за счет денег налогоплательщиков, а впоследствии – средств должностных лиц с высоким доходом [Там же, с. 130–131]. Эксперимент Сесила не увенчался успехом, главным образом, в связи с отказом большого количества чиновников платить. Подданные, используя различные ухищрения, прежде всего, взятки, которыми многие добивались исключения себя из списков тех, кто должен был содержать солдат, саботировали эту инициативу. Данное обстоятельство привело правительство к мысли о том, что королевство может делать ставку только на отряды милиции, а не на регулярную армию. Последняя так и не возникла в период правления Елизаветы I, начав формироваться лишь при королях из династии Стюартов.

Тем не менее, в связи с отсутствием крупномасштабных затратных военных экспедиций на континент, ситуация с оснащением милиции современным огнестрельным оружием постепенно начала меняться в лучшую сторону. С рубежа 1570–1580-х гг. среди ополченцев доля стрелков из аркебуз начинает превалировать над долей лучников. Например, в графстве Беркшир в 1584 г. на 500 стрелков приходилось всего 100 лучников, а в прибрежных графствах в совокупности из 17 700 милиционеров-стрелков лишь 6400 не были вооружены огнестрельным оружием [Там же, с. 155].

С конца XVI в. перевооружение стрелковой пехоты мушкетами (крупнокалиберными версиями аркебузы) проходит под непосредственным контролем Тайного совета. Так, в письме от 27 октября 1595 г. члены Тайного совета приказывают комиссионерам графства Бэкингам в кратчайшее время полностью перевооружить лучников мушкетами. То же самое касалось и ополченцев, оснащенных средневековым древковым оружием (биллями), которым необходимо было выдать пики⁵.

⁵ Firearms to be substituted for bows. *Acts of the Privy Council of England*. Vol. 25. 1595–1596. J. Roche Dasent (ed.). L., 1901. Pp. 27–28. British History Online. URL: <http://www.british-history.ac.uk/acts-privy-council/vol25/pp26-50>.

По мере постепенного вовлечения королевства в религиозные конфликты на континенте, в Англии появляется большое количество ветеранов. Получив боевой опыт в армиях Морица Оранского и Генриха Наваррского, использующих передовые стратегические и тактические элементы, солдаты этих подразделений по возвращении домой становились инструкторами милиции различных графств. Таким образом, организуя помощь протестантским Нидерландам и французским гугенотам, Англия одной из первых европейских стран начала перенимать новейшую тактику, ставшую впоследствии основой для модели армии эпохи Нового времени [8, с. 189].

Значительных успехов в деле реформирования милиции Англия добилась в период затянувшейся англо-испанской войны. С целью минимизировать угрозу со стороны потенциальных десантов испанских Габсбургов, постоянно угрожающих высадкой на английском побережье, была значительно модернизирована система управления отрядами милиции. В результате нововведений, время на сборы и передвижение войск к месту высадки противника сократилось с нескольких месяцев до 2 недель [Там же, с. 209].

Продолжилось и качественное развитие военного флота. Тем не менее, его модернизация происходила в преддверии боевых действий и во время них. Количественное же увеличение флота происходит на протяжении всей второй половины XVI в. В период с 1559 по 1564 гг. в состав королевского флота вошли 5 новых боевых кораблей различного водоизмещения (от 250 до 1000 т.) и один (800 т.) был выкуплен у лондонских купцов. До начала войны с Испанией было построено еще 9 кораблей водоизмещением от 50 до 500 т., а также куплен корабль водоизмещением в 600 т. Многие морально устаревшие корабли подверглись серьезной модернизации [3, с. 110–111].

Качественные изменения в английском флоте связаны с деятельностью адмирала Дж. Хокинса. Он выдвинул идею ускоренной постройки кораблей нового типа, т.н. «быстрых галеонов». В отличие от классических галеонов, они были более быстроходными и на них было установлено значительное количество дальнобойных орудий [Там же, с. 127; 9, с. 248]. Модели этих кораблей с высокой вероятностью были заимствованы у второй после Испании морской державы Европы конца XVI в. и союзника Англии – Нидерландов. В то время как испанский флот до сих пор был укомплектован классическими галеонами с высокими каестлями (платформами с ограждениями для стрелков), дающими им преимущество не в артиллерийском, а в абордажном бою, в Нидерландах начали строить боевые корабли принципиально нового типа. Первоначально это были имеющие низкую осадку орлогсхипы или

фламандские галеоны [9, с. 64]. В дальнейшем, с 1595 г., у Соединённых провинций появился и другой тип военного корабля – легкий, узкий и скоростной флейт. Для управления им требовалась команда, значительно меньшая, чем на галеоне [2, с. 261].

Все это требовало значительных бюджетных расходов. Несмотря на то, что доходы церкви перешли короне, получать такую же прибыль от продажи бывших монастырских земель, как Генрих VIII, Елизавета не могла. Общая численность земельных владений монарха к началу ее правления уменьшилась до 1/10 всех маноров страны. В дальнейшем эта цифра неуклонно снижалась [7, с. 116], а королева получила 800 тыс. фунтов стерлингов дохода от продажи домениальных земель [1, с. 107]. Тем не менее, такой источник дохода правительство не считало надежным, т.к. он был лишь кратковременным решением бюджетных проблем. В связи с этим королева и ее советники начали активно интересоваться испанским и португальским опытом получения необходимых средств для ведения затратных войн с помощью богатств Нового Света. В Англии начали появляться различные проекты по созданию колоний в Северной Америке, а также на Карибских островах. Однако, несмотря на ряд попыток, в правление Елизаветы им не суждено было осуществиться [3, с. 137–138].

Наиболее же действенным методом пополнения бюджета в середине правления Елизаветы стала практика грабежа испанских серебряных и золотых флотов. Одна экспедиция Ф. Дрейка, предпринятая в 1568 г. к берегам Вест-Индии, принесла около 40 тыс. фунтов стерлингов. В общем же доходы королевской казны от ограбления испанцев в этот год составили 85 тыс. фунтов стерлингов [9, с. 33, 35–36]. В дальнейшем, суммы награбленного стали возрастать. Например, в 1593 г. флотилии У. Рэли после ожесточенной схватки удалось захватить португальский галеон с грузом на сумму приблизительно в 250 тыс. фунтов стерлингов, а за период с 1589 по 1591 гг. общий доход от каперских предприятий достиг 400 тыс. фунтов стерлингов [4, с. 262, 270]. Тем не менее, ставка на подобный источник дохода не смогла гарантировать королевству стабильное развитие.

Постоянная угроза испанским галеонам от английских кораблей привела к дипломатической реакции Филиппа II. Конечно, Елизавета отрицала связь с организацией морских рейдов ее подданных в испанские воды и публично осудила их действия. Но продолжение тайного поощрения каперства в перспективе могло вызвать крупномасштабный военный конфликт между двумя странами. Была ли оправдана, с точки зрения англичан, подобная ситуация? Да, практика каперства могла способствовать значительному притоку денег в казну и увеличению

престижа Англии среди европейских протестантов [8, с. 229]. С другой стороны, «приватизация» боевых действий на море, ставшая следствием распространения каперских практик, стала негативно отражаться на репутации английской монархии среди католических стран, что могло вызвать конфликт не только с Испанией.

Самым главным просчетом английского правительства, отодвинувшим на второй план все плюсы спонсирования рейдов для захватов испанских судов, стало то, что доходы от каперских экспедиций не могли компенсировать всех затрат на ведение продолжительных войн. Вследствие этого монархии все равно приходилось требовать у парламента все большее количество субсидий. Это вызывало негативную реакцию коммонеров еще в первой половине правления Елизаветы. Например, в 1566 г. члены Палаты общин сделали заявление о том, что королева не получит новых субсидий до того момента, пока с ее стороны не будет конкретизирован вопрос о замужестве и назначении наследника. Несмотря на то, что основным поводом к конфликту явился вопрос, не входящий в рамки текущего исследования, для нас это событие примечательно обсуждением вопроса ведения боевых действий во Франции. По словам французского посла, «один из членов парламента встал и заявил, что не видит ни повода, ни необходимости для королевы требовать деньги от своих подданных» [17, р. 136]. Война, по его словам, «была развязана по ее прихоти, а не для защиты королевства», в связи с чем он призвал членов Палаты «внимательно изучить, как была потрачена последняя субсидия, и призвать к ответу тех, кто ей распоряжался» [Там же, р. 136–137].

Тем не менее, такие речи коммонеров до англо-испанской войны не были частым явлением, как не были они сильно заметны и в первые ее годы. Однако патриотическая эйфория, характерная для начального периода боевых действий, начала затихать с того момента, как матросы в 1588 г. не получили положенного им жалованья. Закончилась же она в начале 1590-х гг., когда англичанам стало понятно, что война будет иметь затяжной характер, а на ее ведение потребуется утверждение все большего количества налогов.

Только снаряжение флота для отражения угрозы со стороны испанской Великой армады в 1588 г., не считая затрат на приведение в боевую готовность милиции, обошлось королевской казне в сумму около 200 тыс. фунтов стерлингов [3, с. 158]. О масштабах финансовых проблем, постигших Англию уже в первые годы войны, можно судить по тому факту, что из 15 925 моряков, вышедших в море во время вышеупомянутой угрозы, 14 472 не получили жалованье [9, с. 78]. Ситуация с лишенными денег солдатами и матросами усугублялась тем, что они,

вынужденные от безденежья заниматься попрошайничеством, попадали под действие статей законов о бедных. В результате этого демобилизованные ветераны могли быть арестованы и отправлены обратно в зону боевых действий [4, с. 258].

К моменту же окончания войны и подписания Лондонского мирного договора 1604 г. Англия оказалась вовлечена в затяжной финансовый, демографический и военный кризис, во многом порожденный этим конфликтом. К концу правления Елизаветы I, по подсчетам автора трактата “The state of England” (опубликован в 1600 г.) дипломата Т. Вильсона, дефицит королевской казны достигал значительных размеров. Общая сумма бюджетных доходов, не считая тех потерь, о которых не упоминается в казначействе, и с учетом экстраординарных субсидий, составила 348 587 фунтов стерлингов⁶. Среди ежегодных расходов, наиболее примечательных в рамках данного исследования, оказались затраты на содержание армии в Ирландии, сражающейся против спонсируемых испанцами католиков. Их общая сумма достигла 283 460 фунтов стерлингов⁷, что составляет порядка 80% от стандартных доходов монархии. К этому можно добавить и выплаты на снаряжение морских экспедиций против Габсбургов, которые, хоть и не были ежегодными, но, тем не менее, весьма значительными. Так, на экспедиции 1596 и 1597 гг. было потрачено около 100 тыс. фунтов стерлингов на каждую⁸. Отдельно стоит отметить союзнические обязательства Англии по отношению к французскому королю Генриху IV, ведущему войну против Филиппа II в Нидерландах⁹. Для поддержки его войск из бюджета королевства в год выделялось по 30 тыс. фунтов стерлингов¹⁰. Таким образом, среднегодовые расходы казны на ведение и спонсирование боевых действий, проводившихся в реалиях «военной революции», привели к значительному финансовому дефициту. Подводя итог такому расточительству, Вильсон указывает, что, если так будет продолжаться, Елизавета станет «бедной государыней», королевой «несчастной страны»¹¹.

В правительстве начали понимать, что преодолеть бюджетный дефицит за счет экстраординарных средств не получится. Поэтому с начала войны в Англии начинается активный рост налоговых ставок. Одно налогообложение Лондона в период с 1588 по 1597 гг. выросло с 8815 до 31 609 фунтов стерлингов в год, а в графствах помимо субсидий для

⁶ Wilson T. The state of England, 1600. F.J. Fisher (ed.). L., 1936. P. 29.

⁷ Ibid. P. 33.

⁸ Ibid.

⁹ Имеется в виду франко-испанская война 1595–1598 гг.

¹⁰ Wilson T. The state of England, 1600. F.J. Fisher (ed.). L., 1936. P. 32.

¹¹ Ibid. P. 33.

правительства взимались и местные налоги для содержания милиции [8, с. 195].

Перманентное ужесточение фискальной политики в конце XVI в. в итоге и стало катализатором длительного конфликта между монархией и парламентом. 19 февраля 1593 г. лорд-хранитель большой печати Дж. Пакеринг, намекая на необходимость выделения новых военных субсидий, заявил парламентариям, что целью созыва текущего парламента является не обсуждение или издание новых статутов и законов [12, с. 248]. Подобное отношение к парламенту многими членами Палаты общин было воспринято негативно. В связи с этим парламентарии, в числе которых был и будущий лорд-канцлер Ф. Бэкон [4, с. 284], начинали не только открыто отказывать короне в новых субсидиях. Они критиковали экономическую и финансовую политику королевы, а также (из-за арестов оппозиционных депутатов) поставили вопрос о соблюдении парламентских привилегий. Особую ненависть коммонеров вызывали учрежденные монархией монополии на торговлю определенными товарами. Они, как и значительные военные налоги, стали причиной падения доходов представленных в парламенте представителей купечества и джентри, выступавших за свободное предпринимательство. Вследствие этого в 1601 г. Палата общин бойкотировала введение новых субсидий до того, как все монополии будут отменены [12, с. 247, 250]. Елизавета, не готовая к открытому конфликту с парламентом, пошла на компромисс и была вынуждена признать, что некоторые владельцы монополий злоупотребляли ими. После этого она отменила те из них, которые вызывали наибольшее раздражение в Палате общин, а также наделила суды правом определять судьбу монополий, продолжавших оставаться в силе [20, р. 22].

Невыплаты военным положенного жалованья, постоянный рост налогов и цен на продукты питания, а также перспектива быть вновь отправленными воевать за пределы королевства заставили англичан бунтовать. Так, в 1595 г. беспорядки в районе Тауэр-Хилла вынудили правительство ввести бессрочное военное положение, которое давало властям возможность казнить мятежников без суда и следствия. Это решение вызвало недовольство со стороны судей Суда королевской скамьи, которые были недовольны нарушениями положений Великой хартии вольностей, принципов правосудия и процедуры Habeas Corpus [4, с. 257].

В таких условиях в Англии значительно возрос авторитет Парламента, который с конца XVI в. начинает активно включаться в политическую борьбу и отстаивать интересы налогоплательщиков, а также подданных, подвергнутых несправедливым наказаниям. В частности,

в 1590 г. парламент настойчиво требует от королевы заключения мира с Филиппом II и сосредоточения на внутренних проблемах королевства, благосостояние которого уменьшается с каждым годом [9, с. 8]. Это заявление депутатов Елизаветой было воспринято крайне негативно, т.к. право самостоятельно определять курс внешней политики страны, объявлять войну и заключать мир было неотъемлемой прерогативой имени королевской власти, на которую начал посягать парламент.

Наибольшей неприязнью к фискальной политике монархии отличился парламент, созданный в 1601 г. и уже упомянутый выше в связи с вопросом о монополиях. Депутаты не только открыто критиковали проекты новых военных субсидий, но и вели себя вызывающе, демонстративно смеялись, кашляли, плевались и заглушали ораторов, выступающих от имени королевы. Но все же в итоге парламентарии проявили большую гибкость, чем в вопросе о монополиях, и все же вотировали субсидию [6, с. 274]. Тем не менее, ситуация и с повышением налогов, и с монополиями в дальнейшем могла привести монархию к серьезным политическим потрясениям [14, р. 1]. Об этом свидетельствуют последующие события, совпавшие с началом третьего этапа военной революции и не укладывающиеся в хронологические рамки описываемого правления. Стоит лишь указать, что проблема монополий и, особенно, субсидий на ведение боевых действий вновь обострится во время правления Якова I Стюарта (1603–1625) и его преемника. Это в итоге станет одним из факторов начала революции и Гражданских войн середины XVII в.

Итак, английская монархия во второй половине столетия попыталась осуществить принципиально новый проект по получению экстраординарных доходов для финансирования перманентно возрастающих в цене боевых действий в соответствии с условиями второго этапа «военной революции». Он выразился в спонсорстве каперских экспедиций против испанских серебряных флотов. Первоначальное получение таким способом легкой и богатой добычи в итоге вылилось в несопоставимую по финансовым затратам англо-испанскую войну, ввергнувшую Англию в затяжной финансовый и политический кризис. Все вышеперечисленное вынудило монархию в последующем не прибегать к пополнению бюджета пиратским путем. Юридически такое положение дела было закреплено положениями мирного договора 1604 г., согласно которому английская монархия обязывалась воздерживаться в будущем от любого грабежа, захвата и других правонарушений на суше и море на территориях, находящихся под юрисдикцией испанской короны. Помимо этого, в договоре отдельно оговаривалось, что монархия отныне не одобряет указанные действия со стороны подданных и будет

обеспечивать возмещение убытков, полученных Испанией вследствие грабежей и захватов ее судов¹².

Однако не условия мирного договора вынудили Англию в дальнейшем отказаться от поощрения каперства в мирное время. Главным фактором стал несопоставимый с доходами от каперской деятельности экономический и финансовый ущерб, полученный в ходе последующего за грабежами военного конфликта. В результате, учитывая, что другие внепарламентские источники доходов иссякли, королевская власть в военное время оказалась в сильной зависимости от субсидий, выделяемых за счет введения новых налогов. Члены Палаты общин, многие из которых были пуританами, по религиозным соображениям, конечно, могли поддерживать конфликт с католической Испанией и выделение на него дополнительных средств. Особенно в тот момент, когда он находился в стадии «необъявленной войны», а в английские порты прибывали груженные драгоценностями каперские галеоны. Но по мере развития конфликта коммонеры всё чаще стали задаваться вопросом о необходимости его дальнейшей эскалации и, в большей степени, постоянного выделения на него дополнительных средств. Затратная из-за ведения современными, в рамках второго этапа «военной революции», средствами и методами война, сильно ударив по состоянию и доходам «нового дворянства», породила его недовольство и, следовательно, нарастающую оппозиционность его представителей в Палате общин.

В итоге, правление Елизаветы I ознаменовалось незначительными конфликтами между монархией и парламентом лишь в его начале и середине, что, конечно, можно подвести под утверждение об их «взаимном обязательстве и сотрудничестве». Основная же их часть пришлась на время затяжной и затратной англо-испанской войны. Тем не менее, данная ситуация опровергает тезис Даунинга о «растущем консенсусе» между этими политическими институтами, приведшем к укреплению государства Тюдоров. Стоит, конечно же, согласиться с тем, что даже конфликт из-за военных субсидий, продолжающийся до 1604 г., происходил «в рамках конституции» [13, p. 168], однако, по мере затягивания боевых действий, консенсус не рос, а разрушался. В итоге рассматриваемый период обнажил существующие противоречия внутри английской системы государственного управления, положил начало их дальнейшему

¹² A Treaty of perpetual Peace and Alliance between Philip the III. King of Spain, and the Archduke and Archdutchess Albert and Isabella on the one fide, and James the I. King of England on the other fide. Made in the Year 1604. *A General Collection of Treatys, Manifesto's, Contracts of Marriage, Renunciations, and other Publick Papers, from the Year 1495, to the Year 1712.* Vol. II. L., 1732. Pp. 131–146.

обострению. Джентри, «рабочие партнеры Тюдоров в парламенте» [13, р. 162], будучи основными налогоплательщиками, возглавили этот процесс. Тем самым, на рубеже веков монархия вновь, как и в середине XVI в. [11, с. 73], оказывается перед схожей дилеммой: либо смириться с нереализуемостью своих внешнеполитических военных амбиций или найти новый источник экстраординарных доходов, либо, начав конфликт с Парламентом, попытаться отобрать у него право ремонстрации по вопросу о налогах силовыми методами. Первый вариант развития событий с переменным успехом удастся проводить в жизнь наследнику Елизаветы Якову I.

Дальнейший курс монархии на вооруженное противостояние с парламентом в условиях отсутствия в подчинении королевской власти сильной регулярной армии привел к ликвидации монархии. В связи с этим описанные процессы, происходившие в рамках «военной революции», к началу XVII в. не только разорвали существующий консенсус между двумя важнейшими политическими институтами королевства. В перспективе они стали одним из важнейших факторов, определивших дальнейшее взаимодействие монархии и парламента, а также оформление в Англии ограниченной монархии.

Библиографический список / References

1. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. [Barg M.A. Velikaya angliyskaya revolutsiya v portretah eyo deyateley [The Great English Revolution in the portraits of its leaders]. Moscow, 1991.]
2. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Предисл. Г.М. Дерлугьяна; Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. [Wallerstein I. Mir-sistema Moderna. Kapitalisticheskoe selskoe hozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke [The world-system of Modern. Vol. I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the XVI century]. Moscow, 2016.]
3. Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. [Gavrilov S.N. Angliyskiy flot epochi Tudorov kak gosudarstvenniy institut [The English fleet of the Tudor era as a state institution]. PhD dis. Moscow, 2005.]
4. Гай Дж. Елизавета: Золотой век Англии. М., 2021. [Guy J. Elizaveta: Zolotoy vek Anglii [Elizabeth: The Golden Age of England]. Moscow, 2021.]
5. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время. СПб., 2016. [Delbrück H. Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politicheskoy istorii [The history of military art in the framework of political history]. Vol. IV. New time. St. Petersburg, 2016.]

6. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М., 2012. [Dmitrieva O.V. Elizaveta Tudor [Elizabeth Tudor]. Moscow, 2012.]
7. Клочков В.В. Реформация и эволюция институтов английской монархии // Известия Южного Федерального Университета. Технические науки. 2011. № 11. С. 114–118. [Klochkov V.V. Reformation and evolution of the institutions of the English monarchy. *Izvestiya SFedU. Engineering Science*. 2011. No. 11. Pp. 114–118. (In Rus.)]
8. Козлов М.Е. Развитие военной системы Англии в правление династии Тюдоров в XVI веке: Дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2013. [Kozlov M.E. Razvitie voennoy sistemi Anglii v pravlenie dinastii Tudorov v XVI veke [The development of the military system of England during the rule of the Tudor dynasty in the 16th century]. PhD dis. Smolensk, 2013.]
9. Махов С.П. Неизвестная война «Золотого века». М., 2019. [Machov S.P. Neizvestnaya voyna «Zolotogo veka» [The Unknown War of the “Golden Age”]. Moscow, 2019.]
10. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. [Penskoy V.V. Velikaya ognestrel'naya revoliutsiya [Great firearms revolution]. Moscow, 2010.]
11. Петров М.Д. Развитие западноевропейского военного дела как фактор трансформации политических институтов Англии в 1485–1547 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 56–75. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75 [Petrov M.D. The development of Western European military affairs as a factor in the transformation of political institutions in England 1485–1547. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 56–75. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75 (In Rus.)]
12. Царева Ю.И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.; СПб., 2020. [Tsareva Yu.I. Finansovaya politika Tudorov (1485–1603). [Financial Policy of the Tudors (1485–1603)]. Moscow; St. Petersburg, 2020.]
13. Downing B.M. The Military Revolution and Political Change. Origins of democracy and autocracy in Early Modern Europe. Princeton, 1992.
14. Gordon J.W. Monopolies by patents and the statutable remedies available to the public. L., 1897.
15. Hammer P.E.J. Elizabeth wars. War, government and society in Tudor England. Creative Print & Design (Wales), 2003.
16. Health I. Armies of the Sixteenth Century: The armies of England, Scotland, Ireland, the united provinces, and the Spanish Netherlands 1487–1609. Foundry Books, 1997.
17. Neale J.E. Elizabeth I and her Parliaments 1559–1581. N.-Y., 1966.
18. Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a myth? *The Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. No. 2. Pp. 195–214.
19. Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. 2nd ed. Cambridge, 1996.
20. Price W.H. The English patents of monopoly. Boston; N.-Y., 1906.
21. Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660. *Roberts M. Essays in Swedish History*. Minneapolis, 1967. Pp. 195–225.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022, принята к публикации 08.11.2022
The article was received on 26.09.2022, accepted for publication 08.11.2022

Сведения об авторе / About the autor

Петров Михаил Дмитриевич – аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории, Московский городской педагогический университет; учитель истории и обществознания, общеобразовательная школа Московского городского педагогического университета

Mikhail D. Petrov – postgraduate student at the General University Department of General and Russian History, Moscow City University; teacher of history and social studies, secondary school at the Moscow City University

E-mail: petrov1995@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-125-141

С.А. Чернышов

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050 г. Томск, Российская Федерация

Политические коммуникации и историческая политика в домодерных сообществах

В статье ставится вопрос о существовании исторической политики как части технологизированных политических коммуникаций в домодерновом обществе в условиях отсутствия институционально оформленной публичной политической сферы. В качестве альтернативы институциональному подходу (согласно которому историческая политика теоретически возможна только при существовании институтов публичной политики) предлагается понимать политическую сферу как пространство коммуникативного обмена, а коммуникации – как имманентное свойство социально-политической жизни человеческих коллективов. На примерах из летописных текстов о происхождении московских царей, дипломатической переписки о присоединении Сибири, актов Опричнины показано, как коллективная историческая память может конструироваться в отсутствие институтов публичной политики. Делается вывод, что публичные политические институты современного государства являются не условием существования исторической политики, а основанием для ее стабильной трансляции.

Ключевые слова: политические технологии, историческая политика, коммуникативистика, Московское царство, присоединение Сибири, Иван Грозный

© Чернышов С.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-39-60002\19.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чернышов С.А. Политические коммуникации и историческая политика в доmodernых сообществах // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 125–141. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-125-141

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-125-141

S.A. Chernyshov

National Research Tomsk State University,
Tomsk, 634050, Russian Federation

Political communications and historical politics in premodern communities

The article raises the question of the existence of historical politics as part of technologized political communications in premodern society in the absence of an institutionalized public political sphere. As an alternative to the institutional approach (according to which historical politics is theoretically possible only if public policy institutions exist), it is proposed to understand the political sphere as a space for communicative exchange, and communications as an immanent property of the socio-political life of human groups. Using examples from chronicle texts about the origin of Moscow tsars, diplomatic correspondence about the annexation of Siberia, acts of the Oprichnina, it is shown how collective historical memory can be constructed in the absence of public policy institutions. It is concluded that the public political institutions of the modern state are not a condition for the existence of historical politics, but the basis for its stable transmission.

Key words: political technologies, historical politics, communication studies, Muscovy, annexation of Siberia, Ivan the Terrible

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number 19-39-60002\19.

FOR CITATION: Chernyshov S.A. Political communications and historical politics in premodern communities. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 125–141. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-125-141

Историческая политика в системе общественных коммуникаций

Социальные коммуникации, в т.ч. и институционально оформленные, всегда осуществляются в определенном историко-культурном контексте. Этот контекст, как правило, интерпретирует прошлое социальных коммуникаций и социальных институтов, объясняет настоящее, и подчас претендует на предсказательный эффект, т.е. утверждает определенность будущего. Особенностью этой контекстуальной рамки жизнедеятельности социальных институций любого размера (от семьи до государства) является, кроме прочего, ее динамичность. М. Хальбвакс сравнивает это поле с кладбищем, «где пространство ограничено и все время приходится искать место для новых могил» [32, р. 9].

Материал для контекстуальной интерпретации прошлого – это набор «исторических случайностей, которые теоретически образуют неограниченное количество вариаций» [37]. Конструируемая таким образом коллективная память – это всегда социально детерминированный консенсус по поводу значения прошлого для данного конкретного коллектива [36, р. 185], причем тот же М. Хальбвакс полагает, что даже индивидуальная память отдельной личности обусловлена установившимся социальным контекстом [33, с. 30]. Конструкции коллективной памяти в известном смысле всегда искусственны, и в целом она представляет собой систему представлений о прошлом и настоящем, имеет цель, инструментарий и находится в постоянной динамической трансформации [2, с. 27–28].

Искусственный характер конструкций коллективной памяти предполагает наличие субъекта конструирования, цели которого, как правило, далеки от просветительских: «они стремятся легитимизировать собственную власть, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, укрепить солидарность группы, продемонстрировать несостоятельность оппонентов, приобрести материальные и организационные ресурсы и прочее» [21, с. 33]. Наконец, эти конструкции всегда идеологизированы и имеют определенные ценностно-мировоззренческие установки субъектов продвигаемого нарратива [38, р. 202]. Такое целенаправленное влияние на коллективную историческую память мы определяем как историческую политику.

На каком этапе социально-политического развития того или иного сообщества участники политических коммуникаций начинают (или имеют хотя бы возможность) субъектно и целенаправленно влиять на коллективную историческую память, полагая это важным аспектом текущих политических процессов?¹

Традиционный ответ на этот вопрос звучит так: историческая политика начинает существовать одновременно с публичной политикой. Как принято считать, вначале человеческие коллективы конструируют этническую устную память, затем постепенно она вытесняется письменной памятью (начиная приблизительно с XVI в. по отношению к странам Западной Европы), и, наконец, современные институты коммуникаций формируют условия для конструирования коллективной исторической памяти [17, с. 82].

По Ю. Хабермасу, возникновение публичной сферы напрямую связано с развитием системы публичных коммуникаций: книг, газет, журналов и пр. [29, с. 11]. Плотная система публичных коммуникаций, в свою очередь, создает условия для свободной конкуренции политических акторов, партий, точек зрения [23, с. 9]. Наконец, свободная конкуренция в политических коммуникациях тесно связана с идеей субъектности человека: по выражению М. Хайдеггера, «человек превращается в субъект, а мир – в объект» [31, с. 150]. Все это в целом и формирует коммуникативные основания государства Нового времени, или «государства модерна», «модерного государства», где ключевым элементом является наличие сферы публичной политики. Следовательно, в рамках такой парадигмы и только начиная с этого периода появляется практическая возможность существования исторической политики.

Социально-политические коммуникации: от институционального к коммуникативному подходу

Еще одно ограничение, которым традиционно обуславливается невозможность существования исторической политики в домодерновых сообществах – синкретичность и статичность средневекового мировоззрения. Если человек (в т.ч. представитель элит) – не субъект, мировоззренчески выделенный из мира, то невозможно и субъектное влияние. В понимаемом таким образом социальном сообществе предопределено не только настоящее (через корпоративность), но и будущее: прежде всего, оно уже закодировано в древних текстах, т.е. никак не детерминировано

¹ В этом смысле такое влияние становится технологичным, т.е. начинает обладать неким потенциально повторяемым и масштабируемым алгоритмом влияния. В таком виде историческая политика становится частью политических технологий в целом.

действиями акторов настоящего [34, с. 291]. Будущее, таким образом, невозможно создать (субъектный подход), его можно только разгадать, причем не через накопление знаний, а через «углубление» и толкование уже имеющихся текстов [20, с. 33].

В таком подходе вывод о невозможности существования исторической политики в домодерновом обществе выглядит логически безупречным. «Была ли публика в Средние века? Нет» [27, с. 14], – заключал в своей классической работе Г. Тард еще в конце XIX в. А если и существуют те или иные субъектные действия (например, акты государя), то они, по Хабермасу, персонализированы, а не институционализированы [29, с. 55]. Такой подход применим как к Западной Европе, так и к Московскому царству, где, кроме прочего, долгое время отсутствовала ценность «спекулятивного», «оторванного от реальности» знания [12, с. 236].

В отличие от средневекового, модерное сознание рационально и целесообразно, что предполагает свободный осознанный выбор, «укрощение спонтанных порывов индивида, подчинение его поведения соображениям рациональности и целесообразности» [11, с. 118]. Новое время, таким образом, рождает противоречия, которые априори отсутствуют в синкретическом средневековом мышлении [25, с. 91].

Вместе с тем, описываемый таким образом переход от синкретичного к рациональному мышлению, понимаемый как прогрессивный, содержит некоторую логическую уловку, поскольку при таком переходе никуда не исчезает универсализм. Мы не избавляемся от универсализма в понимании людей вообще, но заменяем один универсализм другим. Ж. Бодрийяр формулирует это так: «по сравнению с дикарями, которые называли “людьми” только членов своего племени, наше определение “человеческого” значительно шире, теперь это понятие универсальное. Сегодня люди – это все люди» [4, с. 231]. Не является ли это все тем же синкретизмом, только сконструированным на «рациональных» принципах?

Ключ к ответу на поставленный вопрос, как представляется, следует искать не в институциональном, а в коммуникативном подходе к пониманию социально-политических процессов. Невозможно выстраивать доказательства отсутствия исторической политики в домодерновом обществе через отсутствие в нем тех или иных современных институтов². Методологически верным путем является поиск универсальной, вневременной характеристики человеческих сообществ, – и такой характеристикой, очевидно, являются социальные коммуникации.

² Книги, журналы, публичная политика, телеграф – это, несомненно, институциональные, а не коммуникативные основания нарождающегося «Нового времени».

В основе коммуникаций лежат имманентные (относительно сроков жизни политий) свойства человеческого сознания, которое априори субъективно. «Человеческий ум есть ничто иное, как последовательность восприятий», а «сознание – это непрерывная смена восприятий» [26, с. 19], – постулируется в теории человеческого сознания. «Восприятия» – это, по существу, репрезентация чувственного мира. Никакой реальной связи между этими «восприятиями» не существует на уровне структуры самого мозга, всякий раз эта связь конструируется, исходя из тех или иных обстоятельств. М. Кастельс, формулируя свою теорию коммуникаций (уже постмодернистскую), называет эти «восприятия» «метафорами», которые, в свою очередь, формируют «фреймы» – «нейтронные сети ассоциаций, которые могут стать доступными с помощью языка путем соединения с метафорами» [13, с. 168]. То есть первоначальное конструирование тех или иных «восприятий» – процесс даже не социальный, а нейробиологический.

Фактически о том же пишет и классик коммуникативистики Ю.М. Лотман, определяющий любую интерпретацию прошлого и настоящего как «модель, порождаемую участниками акта коммуникаций» [19, с. 32]. Эта трансформация «реальности» происходит через систему коммуникаций, которая при наличии хотя бы двух индивидов определяется как «язык» [20, с. 15]. Иными словами, уже на этапе возникновения простых социальных коммуникаций неизбежно происходит субъектно ориентированное искажение «реальности». В свою очередь, сама суть политики уже в интерпретации Аристотеля – это субъектно ориентированные социальные коммуникации: «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага»³. «Ради какого-то блага» – это констатация необходимости субъектной позиции в любых социальных коммуникациях.

Если субъектно ориентированные коммуникации являются имманентным свойством человеческого сознания и политических систем, то «Новое время» не расширяет мировоззрение индивидов, а видоизменяет его. На смену внутренне противоречивой, подчас парадоксальной и замкнутой на себе связке «трансцендентного» и «сознательного» («личностного»), свойственной Средневековью, приходит модерное «рациональное», которое выделяет человеческий организм как самостоятельное понятие («человек как субъект») и утверждает сознаваемый мир в качестве единственной реальности [26, с. 246]. Человека сначала «отрывают» от трансцендентного, а затем в оставшейся части воспринимаемого мира провозглашают субъектную свободу – «нравственную автономию и самоосуществление» [30, с. 93].

³ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 281.

Меняет ли такая корректировка мироощущения человека возможности его социальных коммуникаций? Нет, принципиальных изменений не происходит. Человек как жил в «социальной реальности», которую П. Бурдьё определяет как «множество невидимых связей, которые формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу» [5, с. 68], так и продолжает в нем жить. То же «социальное пространство» Т. Парсонс определяет как пространство «абстрагирования значений от отдельных частных ситуаций» [24, с. 13], т.е. пространство рефлексии. Важно, что для Парсонса нет никакой разницы, какую цивилизацию или эпоху описывать в рамках этого парадигмального подхода: через эту призму он описывает и императорский Китай, и средневековую католическую инквизицию или современную публичную политику.

Таким образом, для социально-политических коммуникаций первичны не институты, а абстрагированная от индивидов система связей. Собственно, институты – одна из условностей (по Кастельсу – «фреймов», по Лотману – «моделей», по Парсонсу – «абстрагированных значений»), которая принята в том или ином пространстве социальных коммуникаций. В этом пространстве у политики есть вполне определенная роль: «производства и внушения смыслов» [5, с. 24] (Бурдьё), «искажения реальных политических связей» [35, р. 7–8] (М. Edelman), право влиять на сложившуюся в обществе «систему отношений» [13, с. 31] (Кастельс). Первичной характеристикой политической власти как производной социальных коммуникаций точно также являются не институты, а система отношений. Институты (книги, выборные кампании и т.д.) не предопределяют существование, а увеличивают связанность социального пространства. Наконец, сам институт государства – это названный монополист на таком «реляционном» пространстве, стремящийся к узурпации права на *world making* – «конструирование мира» [5, с. 83]. Для автора этого термина Бурдьё совершаемое таким образом «символическое насилие» не требует существования каких-либо специфических институтов, в его парадигме для этого достаточно социального пространства, «авторитета» и некоторой связи с реальностью (нельзя создавать смыслы «с нуля», необходимо интерпретировать действительно происходящие события) [Там же].

В домодерновом государстве мы видим правительственные учреждения, устроенные именно по «реляционному», а не институциональному принципу. Скажем, Боярская дума времен начала правления Ивана IV – это совершенно определено не институт (у думы отсутствовала своя канцелярия, постоянный штат служащих, архив решенных дел и пр.), но система взаимоотношений. «Пределы компетенции думцев, ведавших приказами, не были регламентированы... – пишет в своем клас-

сическом труде «Опричнина» С. Веселовский. – Да и не требовалось никакой регламентации, поскольку они ежедневно виделись с царем и получали от него указания» [8, с. 126].

С точки зрения классика «легального государства» М. Вебера, этот пример – антипод политики, существующей в силу регламентов и правил. Он определяет три возможности жизнедеятельности политической власти вне институтов: это «традиционное господство», существующее в силу господских прав, «сословное господство», где должности даются в лен, и «харизматическое господство», где власть принадлежит харизматикам [7, с. 405]. В сущности, и то, и другое, и третье – это некая система социальных связей, существующих посредством постоянной коммуникации между ее участниками, напрямую зависящей от результатов таких коммуникаций.

Следует оговориться, что субъектно ориентированные политические действия, существующие в домодерных сообществах, неизбежно обладают рядом важных свойств. Во-первых, они не затрагивают все сообщество или его значительную часть. Даже если представить, что без институтов публичных коммуникаций можно донести какое-то сообщение каждому члену сообщества, то оно было бы существенно искажено при передаче, т.е. не достигло бы поставленной цели. Во-вторых, ограниченный характер таких коммуникаций не отменяет возможности теоретического существования в таких сообществах очаговых политических технологий и исторической политики, поскольку сама суть субъектно ориентированных социальных коммуникаций, искажающих реальность, есть имманентное свойство «человека социального». Другой вопрос – являются ли такие действия технологичными (т.е., прежде всего, деперсонализированными).

Кейсы исторической политики вне политических институтов

Рассмотрим в рамках описанной концептуальной парадигмы отдельные коммуникативные кейсы, реализованные в Русском государстве XV–XVII вв. (т.е. в переходный период от «Средневековья» к «модерну»). Этот период особенно важен для рассматриваемой нами темы, поскольку на протяжении названных веков конструируется ряд политических идей, которые затем лягут в основу отечественного национального мифа.

Очевидно, что институционально оформленной публичной политики в Русском государстве этого периода не существует, поэтому отдельные эпизоды политических действий, по существу, имеющие признаки технологизации, традиционно интерпретируются в этот период как

«обсуждение», «борьба идеологий» и т.п. В парадигме коммуникативного подхода такого рода действия можно рассматривать как эпизоды субъектного конструирования смыслов, интерпретирующих прошлое в связке с настоящим в ограниченном социальном пространстве. Дискурсивная интерпретация прошлого здесь происходит через «движение от одной ассоциации к другой, осуществляемое систематически», что приводит «к разделяемому всеми участниками определению общего мира» [16, с. 340]. В сущности, это и есть историческая политика публичного пространства.

Однако если историческая политика есть одно из проявлений политических технологий в целом, то акты, интерпретируемые в таком ключе, должны иметь свойства технологичности (деперсонализации и потенциальной воспроизводимости), субъектности, наличия целей и некоего социального пространства, в котором все это осуществляется. Для чистоты мысленного эксперимента сделаем допущение, что для акторов XV–XVII вв. в Русском государстве политическая сфера вообще никак не институционализована, а существует только некое социальное пространство, где субъекты коммуникаций системно добиваются собственных целей.

Даже при таких условиях у акторов исторической политики остается довольно внушительный список потенциально возможных инструментов: памятники, музеи и мемориальные комплексы, государственные праздники, публичные ритуалы, топонимия пространства, произведения литературы и искусства, знаки, символы и пр. [22, с. 29]. Мы же сегодня можем отследить эти действия, прежде всего, через сохранившиеся тексты – летописей, дипломатических актов и пр.

Летописец – самый очевидный претендент на роль актора конструирования социального прошлого и настоящего того или иного сообщества. В домодерных обществах миф «фиксирует табуированные ситуации» и «поддерживает изначальный социальный порядок» [1, с. 43], а потому летописец – моралист, который, по выражению Ключевского, «видит в жизни человеческой борьбу двух начал, добра и зла, Провидения и дьявола, а человека считает лишь педагогическим материалом, который Провидение воспитывает» [14, с. 83].

Мораль такого рода, без сомнения, синкретична, но даже в этих рамках возможно конструирование прошлого. Известный пример – реконструкция родословной московских князей. Этот сложный и растянутый во времени коммуникативный акт начинается в XV в., и достигает своей завершенной формы к началу XVII в. В XV в. в Москве рождается «легенда о “дарах императора Константина”», якобы отправленных в Киев великому князю Владимиру как знак признания его власти,

в т.ч. некую «сердоликовую коробку», связанную императором Августом, которая даже отдельно упоминается в завещании Ивана Калиты [6, с. 135]. В XV в. московский правитель во внешних сношениях начинает именоваться «василевсом» («императором»): такой термин по отношению к Ивану III встречается в обращении русского посла к императору Андронику Палеологу, в текстах Константина Ласкаря (после 1472 г.), в других дипломатических актах [3, с. 94]. Такая «вольность» на самом деле демонстрирует пример «выхода» за пределы традиционно понимаемого синкретического мировоззрения, поскольку одностороннее посягательство на титулатуру – это посягательство на мировые устои.

Понимаемый как «василевс» Иван III естественно получает право на «собрание земель русских» (хотя бы по «статусу»), что мы и видим в «Степенной книге царского родословия» [15, с. 9]. А при Иване IV повторяется тезис о легитимности московского царя через «дары Константина», например, в обращении к Антонио Поссевино [6, с. 142]. К началу царствования первых Романовых эта концепция принимает законченный вид: «с древних лет... на великих и преславных государствах Российского царствия были великие государи прародители наши от рода Августа кесаря, обладающего всею вселенною» (из грамоты царя Михаила Федоровича французскому королю Людовику XIII, май 1615 г.) [9, с. 211].

Хотя и не все правители приняли эту концепцию (скажем, Речь Посполитая в Ям-Запольском мирном договоре 1582 г. все равно настаивает на упоминании русского государя как «великого князя» [28, с. 96]), очевидно, что через несколько ассоциативных интерпретаций эта реконструкция политической преемственности становится фактором легитимации московских правителей, т.е. напрямую влияет на диспозицию социальных коммуникаций внутри и за пределами государства. Важно, что эта конструкция, хотя и интерпретирует действия реальных исторических персонажей, является от начала до конца умозрительной, субъектно сконструированной под конкретную задачу.

Аналогично конструируется легитимация присоединения Западной Сибири к Русскому государству в конце XVI – начале XVII вв. Отталкиваясь от нескольких, по всей вероятности, малозначительных для современников фактов в прошлом (поход на Югру в 1499 г. и посольство Едигера в Москву в 1555 г.), московские дипломаты постепенно разворачивают внутренне стройный исторический нарратив об «исконности» власти Москвы над Сибирью. Так, уже осенью 1585 г. в инструкции русским послам в Швецию упоминалось следующее: «имь в розговорах про Сибирь говорити, <...> последней Сибирской Кучюмь царь

посаженик был на Сибири изъ рукъ государя нашего <...> Ивана Васильевича всеа Руси и повороваль, и не почаль был государевы дани платити <...> и государь нашъ <...> позволиль на Сибирь ийти казакомъ, и казаки государевы <...> Сибирское царство взяли <...> и ныне Сибирское царство в государевой воле»⁴. Взятие Сибири трактуется не как акт государственной агрессии, а как восстановление исторической справедливости. К 1610-м гг. этот нарратив подходит к своей завершенности: Сибирское ханство становится уже не взбунтовавшейся против метрополии окраиной, которую привели к послушанию, а исконно благополучной территорией Московского государства. «Сибирское государство искони вечно послушно Московскому государству и ныне под высокою рукою государя нашего ц. и в.к. Михаила Федоровича <...> А от Московского государства Сибирское государство никогда в непослушанье не было»⁵, – говорилось в инструкции послам Желябужскому и Матчину в Польшу 1614–1615 гг.

Еще один пример, уже более сложный по своей структуре и внутренней логике, мы наблюдаем в отношении обоснования претензий Москвы на обладание Казанью. «Казанская история» – это прекрасное проявление конструирования исторического нарратива, который имеет в своей основе внутренние логические противоречия, т.е. не является «синкретичным» ни в какой трактовке. «Змеиная» Казань по всем канонам должна быть «чужой», а ее завоевание – архетипические покорение «потустороннего». Но в реальности мы видим совершенно иную интерпретирующую конструкцию: «Руси Московская, которая, осмысляя себя единственным православным царством во вселенной, трактует все ценности как содержащиеся внутри собственных границ или исконно “своему” миру принадлежащие. Змеиное царство, имея все признаки чужого мира, оказывается частью исконно русского мира» [10, с. 178]. Иван Грозный, конструирующий нарратив своего происхождения от Августа (о чем сказано выше), совершенно логично исходит из этого нарратива и претендует как «универсалистский» государь на чужие царства. «Казанская история» – это пример того, как в XVI в. появляется переработка используемого материала под некоторую неочевидную идейную или стилистическую рамку [18, с. 9], в отличие от текстов предыдущего периода, отличающихся морализаторством.

⁴ Сборник Императорского русского исторического общества. В 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556–1586 гг. СПб., 1910. С. 414.

⁵ Там же. Т. 142: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. М., 1913. С. 526.

Наконец, рассмотрим пример «символического насилия», в котором текстуальное оформление сочетается с конкретными действиями: это отъезд царя Ивана IV в Александровскую слободу во время Опричнины. Детали этого эпизода вполне известны: в конце 1564 г. царь уезжает в Александровскую слободу, откуда в январе 1565 г. начинает писать послания и вести, по выражению С. Веселовского, «агитацию» [8, с. 122], в которой объясняет свой отъезд «изменами», которые больше невозможно терпеть. Такой характер носит грамота царя, отправленная митрополиту: «царь и государь и великий князь от великие жалости сердца, не хотя многих изменных дел терпети, оставил свое государьство»⁶. Больше того, царь как будто воспринимает как потенциального субъекта политических действий не только митрополита, но и обобщенно понимаемый «народ». Так, в посланной с опричником К.Д. Поливановым грамоте к гостям, купцам и «всему христианству града Москву», которую царь «велел перед гостьми и перед всеми людьми прочести», говорится «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет»⁷. Традиционно это интерпретируется так: «такая постановка вопроса заключала в себе недвусмысленную угрозу поднять и развязать в случае надобности стихию народного восстания против высших классов общества» [Там же]. И после этого «народ» якобы приходит к митрополиту, чтобы тот упрашивал царя возвращаться и править государством.

Однако это противоречит исходным характеристикам рассматриваемого периода, поскольку в условиях отсутствия публичной политики никакого обобщенного «народа» не существует, а также отсутствуют институты, через которые этот «народ» может повлиять на ситуацию. Однако царь в своих коммуникациях и действиях (агитация, публичное чтение грамот, отъезд в Александровскую слободу) обращается к некоему актору, от которого ждет субъектных действий. Это либо «народ», который если и не является субъектом политической жизни, но *воспринимается* или конструируется царем именно в таком качестве (что само по себе довольно революционная идея). Либо это «элиты», к которым вот так витиевато, под видом обращения к «народу» обращается царь в своих грамотах, однако, и элиты в этой диспозиции определенно субъектны.

Таким образом, мы видим, как через коммуникативные акты (очевидно, технологичные и воспроизводимые, не зависящие от конкретной личности) московское правительство второй половины XVI – начала

⁶ Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1904, С. 392.

⁷ Там же.

XVII вв. пытается влиять на международные и внутренние политические процессы, воспринимая объекты своего влияния как акторов, от действий которых зависит восприятие прошлого и настоящего. По сути, московское правительство занимается исторической политикой.

Заключение

Вернемся к исходным тезисам. Историческая политика традиционно понимается как целенаправленное влияние на коллективную историческую память исходя из мировоззренческих установок и конкретных целей отдельных субъектов политических коммуникаций. Считается, что историческая политика появляется только тогда, когда в обществе институционально оформляется публичная политика в целом, в т.ч. через массовые медиа, публичные дискуссии, выборы и т.д. До этого появлению публичной политики якобы мешает мировоззренческий синкретизм, в котором отсутствуют внутренние противоречия, порождающие нужду в конструировании коллективной памяти.

В статье утверждается, что Новое время на смену религиозному синкретизму предлагает синкретизм «гражданский» и «общечеловеческий», чем принципиально не меняет коммуникативную диспозицию в социальном положении человека. В качестве альтернативы институциональному подходу политическая сфера рассматривается как пространство коммуникативного обмена. В статье показано, что коммуникации – это имманентное свойство человеческих коллективов, их социальной и политической жизни. На нескольких примерах летописей, дипломатической переписки и актов Опричнины было продемонстрировано, как коллективная историческая память (родословная московских царей, присоединение Сибири, истоки конфликта царя и элит во время Опричнины) может конструироваться, исходя из субъектных целей в отсутствии институтов публичной политики.

Является ли это исторической политикой? Мы утверждаем, что необходимо ответить на этот вопрос положительно, с оговоркой, что пространство для такой политики было ограниченным. В этом смысле мы не заявляем о факте существования во всем Московском царстве единого «общества», которое безусловно разделяло те или иные нарративы реализуемой правительством исторической политики. Понятно, что реальными адресатами этих коммуникативных актов даже в случае с обращением *urbi et orbi* Ивана IV во время опричнины были несколько сотен, если не десятков действительных акторов политических процессов. Понятно также, что невозможно утверждать, что транслируемые нарративы разделяли в рассматриваемый период, скажем, все жители Ярославля, Новгорода или Сибири.

Политические институты (в т.ч. институты публичной политики), таким образом, не обуславливают существование политических коммуникаций и исторической политики, а являются их усилителями и ретрансляторами, способными без «помех» и стабильно определять коллективную историческую память в больших социально-политических сообществах. Такой подход, как представляется, может существенно расширить представления о действиях политических акторов в домодерновом обществе и позволить применять многофакторный анализ к традиционно упрощенно понимаемым действиям тех или иных политических субъектов.

Библиографический список / References

1. Антипов Г.А., Донских О.А. Миф и мифологическое в современном обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 39–50. [Antipov G.A., Donskikh O.A. Myth and the mythological in modern society. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2020. No. 54. Pp. 39–50. (In Rus.)]
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. [Assman A. *Dlinnaya ten proshlogo. Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]. Moscow, 2014.]
3. Бибиков М. «Рекс Московии и всея Руси»: взгляд из Константинополя // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / Сост. и отв. ред. О.С. Воскобойников, О.И. Тогоева. М., 2021. С. 89–94. [Bibikov M. “Rex of Muscovy and All Russia”: A view from Constantinople. *Anatomiya vlasti: gosudari i poddannyye v Yevrope v Sredniye veka i Novoye vremya*. O.S. Voskoboynikov, O.I. Togoev (eds.). Moscow, 2021. Pp. 89–94. (In Rus.)]
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2011. [Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert* [Symbolic exchange and death]. Moscow, 2011.]
5. Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. [Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow; St. Petersburg, 2005.]
6. Бычкова М.Е. Регалии власти московских государей и формирование идеи государственной власти // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 128–148. [Bychkova M.E. *Regalia of power of the Moscow sovereigns and the formation of the idea of state power. Sudba dvukh imperiy. Rossiyskaya i Avstro-Vengerskaya monarkhii ot rastsveta do krusheniya*. Moscow, 2006. Pp. 128–148. (In Rus.)]
7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. IV. Господство. М., 2019. [Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economy and society: Essays on understanding sociology]. In 4 vols. Vol. IV. Dominance. Moscow, 2019.]

8. Веселовский С. Опричнина. М., 2022. [Veselovsky S. Oprichnina. Moscow, 2022.]
9. Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М., 2017. [Viane B. Puteshestviye Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu. Otkrytiye Arktiki frantsuzami v XVI veke [Journey of Jean Sauvage to Muscovy in 1586. Discovery of the Arctic by the French in the 16th century]. Moscow, 2017.]
10. Виролайнен М.Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007. [Virolainen M.N. Istoricheskiye metamorfozy russkoy slovesnosti [Historical metamorphoses of Russian literature]. St. Petersburg, 2007.]
11. Кагарлицкий Ю. Fortitudo схоласта и fortitudo гуманиста: опыт изучения изменений конструктивной роли понятия // Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, В. Маслова. М., 2019. С. 118–159. [Kagarlitsky Yu. Fortitudo of a scholastic and fortitudo of a humanist: An experience of studying changes in the constructive role of a concept. *Ponyatiya, idei, konstruktсии: ocherki sravnitel'noy istoricheskoy semantiki*. Yu. Kagarlitsky, D. Kalugin, V. Maslov (eds.). Moscow, 2019. Pp. 118–159. (In Rus.)]
12. Калугин Д. Воспитание Проста: трансфер западноевропейского философского языка и практики «заботы о себе» в России второй половины 18 века // Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, В. Маслова. М., 2019. С. 225–293. [Kalugin D. Education of the Prost: The transfer of the Western European philosophical language and the practice of “self-care” in Russia in the second half of the 18th century. *Ponyatiya, idei, konstruktсии: ocherki sravnitel'noy istoricheskoy semantiki*. Yu. Kagarlitsky, D. Kalugin, V. Maslov (eds.). Moscow, 2019. Pp. 225–293. (In Rus.)]
13. Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016. [Castells M. *Vlast kommunikatsii* [The power of communication]. Moscow, 2016.]
14. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1993. [Klyuchevsky V.O. *Polny kurs lektсий v trekh knigakh* [Russian history. A complete course of lectures in three book]. Book 1. Moscow, 1993.]
15. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. [Krom M.M. *Rozhdeniye gosudarstva: Moskovskaya Rus XV–XVI vekov* [The Birth of the State: Moscow Rus XV–XVI centuries]. Moscow, 2018.]
16. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. [Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An introduction to Actor-Network Theory]. Moscow, 2014.]
17. Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013. [Le Goff J. *Istoriya i pamyat* [History and memory]. Moscow, 2013.]
18. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 2006. [Likhachev D.S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow, 2006.]
19. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. [Lotman Yu.M. *Kultura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, 1992.]

20. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. [Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow, 1970.]
21. Малинова О.Ю. Политика память как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб., 2018. С. 27–55. [Malinova O.Yu. The politics of memory as an area of symbolic politics *Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati*. A.I. Miller, D.V. Efremenko (eds.). Moscow, St. Petersburg, 2018. Pp. 27–53. (In Rus.)]
22. Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: Сб. ст. / Под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. СПб., 2021. С. 7–37. [Malinova O.Yu., Miller A.I. Introduction. Symbolic politics and politics of memory. *Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope*. V.V. Lapin, A.I. Miller (eds.). St. Petersburg, 2021. Pp. 7–37. (In Rus.)]
23. Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. М., 2012. С. 7–32. [Miller A. Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI century. *Istoricheskaya politika v XXI veke*. Moscow, 2012. Pp. 7–32. (In Rus.)]
24. Парсонс Т. Социальная система. М., 2018. [Parsons T. *Sotsialnaya sistema* [Social system]. Moscow, 2018.]
25. Пигалев А.И. Репрезентация после модерна: от «другого начала» Хайдеггера к «Посланию» Деррида // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 85–96. [Pigalev A.I. Representation after modernity: From Heidegger's "other beginning" to Derrida's "Message". *Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2020. No. 58. Pp. 85–96. (In Rus.)]
26. Рябушкина Т.М. Структуроопределяющие основания сознания. М., 2020. [Ryabushkina T.M. *Strukturoopredelyayushchiye osnovaniya soznaniya*. Moscow, 2020.]
27. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 2021. [Tarde G. *Obshchestvennoye mneniye i tolpa* [Public opinion and the crowd]. Moscow, 2021.]
28. Филюшкин А.И. Титул московских государей и проблемы культурно-цивилизационного выбора стран Восточной Европы в период средневековья // Средневековая Европа. История и историография: Сб. научных тр. Вып. 1. Воронеж, 1997. С. 90–100. [Filyushkin A.I. The title of the Moscow sovereigns and the problems of cultural and civilizational choice of the countries of Eastern Europe during the Middle Ages. *Srednevekovaya Yevropa. Istoriya i istoriografiya*. Vol. 1. Voronezh, 1997. Pp. 90–100. (In Rus.)]
29. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2012. [Habermas Yu. *Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery: issledovaniya otositelno kategorii burzhuaznogo obshchestva* [Structural change in the public sphere: Research on the category of bourgeois society]. Moscow, 2012.]
30. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. [Habermas Yu. *Filosofskiy diskurs o moderne* [Philosophical discourse on modernity]. Moscow, 2003.]

31. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. [Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of different years]. Moscow, 1993.]
32. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27. [Halbvaks M. Collective and historical memory. *Neprikosvennyu zapas*. 2005. No. 2–3 (40–41). Pp. 8–27. (In Rus.)]
33. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. [Halbvaks M. *Sotsialnyye ramki pamyati* [Social frame work of memory]. Moscow, 2007.]
34. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299. [Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Political construction of the image of the future. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2020. No. 56. Pp. 285–299. (In Rus.)]
35. Edelman M. Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence. Chicago, 1971.
36. Kansteiner W. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and Theory*. 2002. Vol. 41. No. 2. Pp. 179–197.
37. Levi-Strauss C. *Mythologiques I. Le cru et le cuit*. Paris, 1964. Pp. 22–38.
38. Topolski J. The role of logic and aesthetic in construction narrative wholes in historiography. *History ang Theory*. 1999. Vol. 38. No. 2. Pp. 198–210.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022, принята к публикации 23.08.2022

The article was received on 27.07.2022, accepted for publication 23.08.2022

Сведения об авторе / About the author

Чернышов Сергей Андреевич – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Sergey A. Chernyshov – PhD in History; Senior Researcher at the Laboratory of Social Anthropological Research of the Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University, Russian Federation

E-mail: 1502911@mail.ru

А.М. Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Внешние воздействия и изменения социокультурной среды арабских обществ в XX веке

В арабских обществах, как, впрочем, и на всем постколониальном пространстве, внешнее воздействие, взаимодействие национальных и интернациональных процессов оказало решающее влияние на формирование новых социокультурных ценностей. Ускорялось разложение традиционных представлений, закрепление нового видения мира, изменения в сфере производства и потребления, образование новых «мировых» стандартов во всех сферах жизнедеятельности человека. В арабских странах традиционность по-прежнему лежит в основе массового сознания, которое в большой степени формирует конкретно исторические особенности развития общественной мысли. Образ жизни и образ мыслей араба неизбежно и надолго сохраняет «след мечети». Выбитый силой обстоятельств из колеи прошлого, он не может вернуться к старому, но он хочет жить в привычной среде традиционных отношений и представлений, пользуясь материальными благами современного промышленного развитого общества. Отсюда драматическая коллизия: с одной стороны, действует сильная тенденция к размыванию традиционных ценностей, с другой – противодействующая тенденция к национальному обособлению на почве гипертрофированной национальной специфики. Главным партнером для арабских стран на протяжении последних полутора столетий был капиталистический Запад. После Второй мировой войны образовался новый политико-экономический и культурный полюс притяжения, а именно мировая социалистическая система и, прежде всего, Советский Союз. Характерно, что тенденция к социалистическому или регионально-коммуналистскому выбору сохранилась в арабском мире и после развала СССР и социалистического лагеря в конце XX в.

© Родригес-Фернандес А.М., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: арабский мир, антагонистические противоречия современного развития, диалектическое взаимодействие традиций и модернизации, многоукладная экономика постколониальных стран, общественная мысль, социокультурная сфера восточных обществ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родригес-Фернандес А.М. Внешние воздействия и изменения социокультурной среды арабских обществ в XX веке // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 142–152. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-142-152

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-142-152

A.M. Rodrigues-Fernandes

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

External influences and changes in the socio-cultural environment of Arab societies in XX century

In Arab societies, as indeed in the entire postcolonial space, external influence, the interaction of national and international processes had a decisive impact on the formation of new socio-cultural values. The decomposition of traditional ideas accelerated, the consolidation of a new vision of the world, changes in the sphere of production and consumption, the formation of new “world” standards in all spheres of human activity. In Arab countries, traditionalism still underlies mass consciousness, which to a large extent forms the specific historical features of the development of public thought. The lifestyle and the way of thinking of an Arab inevitably and for a long time retains the “footprint of the mosque”. Knocked out of the rut of the past by the force of circumstances, he cannot return to the old, but he wants to live in the familiar environment of traditional relations and ideas, using the material benefits of a modern industrial developed society. Hence the dramatic collision: on the one hand, there is a strong tendency to the erosion of traditional values, on the other – a counteracting tendency to national isolation on the basis of hypertrophied national specifics. The main

partner for the Arabs over the past century and a half has been the capitalist West. After the Second World War, a new political, economic and cultural pole of attraction was formed, namely the world socialist system and, above all, the Soviet Union. The tendency towards a socialist or regional-communist choice persisted in the Arab world even after the collapse of the USSR and the socialist camp at the end of the XX century.

Key words: Arab world, antagonistic contradictions of modern development, dialectical interaction of traditions and modernization, multicolored economy of postcolonial countries, social thought, socio-cultural sphere of eastern societies

FOR CITATION: Rodrigues-Fernandes A.M. External influences and changes in the socio-cultural environment of Arab societies in XX century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 142–152. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-142-152

Характерной чертой исторического процесса в современную эпоху является диалектическое взаимодействие национальных и интернациональных процессов и факторов. А неизбежный результат этого взаимодействия – тенденция к универсализации социально-экономической и, в конечном счете, социально-культурной сфер жизни человечества. Действие сил универсализации захватывает различные страны и социальные группы в разной степени. Но даже относительно слабое их влияние ускоряет разложение традиционных представлений, закрепляет новое видение мира, адекватное изменениям в сфере производства и потребления в планетарном масштабе, и ведет к образованию «мировых стандартов» во всех областях жизнедеятельности человека.

Один из аспектов этого процесса – постоянное изменение социально-культурных ценностных шкал у народов мира, значительно ускорившееся в наше время, когда крайне возросло значение субъективных факторов общественного развития. Роль демонстрационного эффекта стала очень существенной: люди научились не только сравнивать свое бытие с бытием других людей, но и корректировать его. Все чаще возникают ситуации, когда противоречия и задачи, присущие ранее лишь высокоразвитым общественным организмам, встают и перед слаборазвитыми. Так материализуются контакты высшего информационного уровня. Интернациональное все больше становится частью национальной бытия.

Взаимодействие между народами проявляется на Востоке в самых разнообразных и порой неожиданных формах, порожденных не только

различием жизненных условий и спецификой традиции, которые неизбежно накладывают свой отпечаток на восприятие человеком новых явлений и выработку новых ориентаций. Здесь, с одной стороны, проявляется эффект пропуска задержки или незавершенности формационного цикла (капиталистического этапа развития в большинстве афро-азиатских стран). Такой исторический «недочет» породил многоукладную хозяйственную структуру с многообразием социальных групп и прослоек, в т.ч. добуржуазных, с неопределенными зыбкими границами, что затрудняет типологическую характеристику различных течений в общественном сознании. С другой стороны, это результат крайней сжатости по времени процесса вестернизации и трудной принудительной эмансипации жителя Востока, которой из-за этой «сжатости» не предшествовали ни соответствующие изменения базисного типа, ни длительная подготовка умов. В условиях исторического «недочета» восточной жизни традиционное общество под действием сил интернационализации открыто мощному давлению чужой материальной культуры, чуждому видению мира. Житель Востока, как правило, не отвергает жизненных удобств, которые несет ему цивилизация, но в индустриализации и связанном с ней капиталистическом отчуждении личности он усматривает угрозу самим основам традиционного общества, основанного на господстве межличностных отношений. Втянутые в орбиту научно-технического развития, к которой они не были подготовлены ранее (свыше 90% населения арабских стран все еще связано с докапиталистическими укладами), арабы часто ищут убежище в традициях; на агрессивность империализма, на неокOLONиализм и европоцентризм они реагируют приверженностью традициям [6, р. 114].

Образ жизни и образ мыслей араба неизбежно и надолго сохраняет «след мечети» [8, р. 27]. Выбитый силой обстоятельств из колеи прошлого, он не может вернуться к старому, потому что старого мира уже нет, но он хочет жить в привычной среде традиционных отношений и представлений, пользуясь материальными благами современного промышленно развитого общества. Вместе с тем он видит, что установки и ориентации «родной старины» нередко мешают прогрессу, необходимость которого вполне осознана, во всяком случае, мыслящей интеллигенцией: сейчас иная мораль, иная дисциплина труда, иные идеалы. Возникает драматическая коллизия: с одной стороны, действует сильная тенденция к размыванию традиционных ценностей, с другой – противодействующая тенденция к национальному обособлению на почве гипертрофированной национальной специфики. Империалистическая, сионистская, неокOLONиалистская опасность обостряет в арабах чувство самосохранения и стимулирует националистические настроения. Для

арабской интеллигенции не утратил остроту и актуальность вопрос, как сохранить в современном мире национальное своеобразие, которому угрожает планетарная универсализация материальных и социокультурных ценностей; как разрешить острые проблемы национального уклада в современном мире современными средствами, сохранив национальное бытие. Проблема соотношения традиционного и современного, старого и нового, национального и интернационального в национальной жизни стала важнейшей темой для арабской общественной мысли.

В арабских странах традиционность по-прежнему лежит в основе массового сознания, которое в большой степени формирует конкретно исторические особенности развития общественной мысли.

Жизненность и действенность любой современной идейной системы зависит от того, как она осваивается массовым сознанием. Египетский историк и социолог, работающий во Франции, Анвар Абдель Малек сокрушается по поводу того, что до сих пор преимущественным объектом исследования повсеместно остается общественно-политическая мысль, выступающая на поверхности верхушка айсберга общественного сознания, в то время как его основная часть – массовое сознание – не привлекает должного внимания ученых [3, р. 93].

При столкновении массового сознания с новыми явлениями и понятиями в традиционности и традициях обнаруживается мощная «инерция покоя».

Одна из особенностей сложной системы, в т.ч. и социальной, состоит, в частности, в том, что при взаимодействии с другой системой в ней возникает «инерция покоя», направленная на сохранение ее целостности, способности выполнять функции, присущие ей на данной стадии ее развития. «Инерционность» особенно велика в человеческом обществе, для которого характерна резко выраженная по сравнению с другими системами неживой и живой природы относительная самостоятельность всех подсистем, возрастающая по мере их «удаленности» от основы общественной пирамиды и умножающая «инерцию покоя». Вследствие строгой иерархичности отношений между подсистемами базиса и надстройки, связанными между собой генетической общностью, это обуславливает особую консервативность надстройки в целом, тем большую, что она связана с сознанием, которое обладает как высокой подвижностью и способностью опережать эволюцию общественного бытия, так и большой консервативностью, позволяющей старым идеям играть активную роль и тогда, когда они уже не отражают реальности или отражают ее частично, становясь силой, сдерживающей прогресс. «Инерция покоя» тем значительнее, конфликт между старым и новым в общественном сознании тем острее, чем больше различаются между

собой в структурном отношении взаимодействующие системы. Наоборот, чем больше общего между ними, тем слабее возникающие между ними противоречия, тем спокойнее они разрешаются. Поэтому органически включается в систему по большей части лишь то, что, по справедливому замечанию английского ориенталиста Г. Джансена, безболезненно адаптируется ему, не вступая в антагонистические противоречия с жизненным укладом [5, р. 43].

«Старое» и «новое» постоянно меняют свое значение в зависимости от изменения жизненных реалий: новое порой тормозит прогресс в конкретных условиях существования данной социальной группы, старое, напротив, оказывается действенным компонентом прогрессивных сил: по-новому осмысленное, оно в некоторых случаях может отвечать потребностям развития. Так, в колониальный период традиции и традиционные институты, связанные с исламом, не только поддерживали стабильность всей старой общественной системы, ее равновесие и тем самым замедляли ее современную трансформацию, но и выступали как символ и хранитель национальной самобытности, что было духовной основой антиколониализма, явления исторически прогрессивного. Проникновение же на Восток достижений западной цивилизации (техники, технологии, организационных навыков и пр.), с одной стороны, ускорило модернизацию восточного общества, а с другой, будучи во многом связано с культурой колонизаторов, уже одним этим притупляло остроту антиколониальной борьбы, поскольку значительная часть политически активной интеллигенции, получившей современное образование, долгое время сохраняла иллюзии относительно цивилизаторской, якобы особенно прогрессивной роли Запада на Востоке.

Массовое сознание – система переменная, т.к. ее ценностные шкалы постоянно меняются под напором современности. Оно испытывает, в частности, влияние общественно-политической мысли. Политические лидеры, идеологи, вынужденные искать приемлемые для масс формы изложения своих взглядов, апеллируют к традиции и, по-своему ее интерпретируя, с помощью современных средств информации сильно воздействуют на массовое сознание. Но перемены в нем происходят крайне медленно: «инерция покоя» проявляется в нем в виде консервативных духовно-психологических ориентаций, и, как следствие, в социокультурной сфере старое долго сосуществует с новым [10, р. 237].

В начале XX в. арабский мир заявил о себе, пробудившись к современной жизни под знаменами арабского национализма. С того времени совокупность арабских стран от Персидского залива до Атлантического океана воспринимается как сложная, обладающая некоторой спецификой социальная и культурная система. Внутренне она не едина:

в независимых арабских странах формируются арабоязычные нации, в них действуют центробежные силы локальной эволюции. Но самобытность арабского мира в целом бесспорна. Ее питают культурные, идейные, психологические общности, порождающие центроостремительные силы.

Главным партнером для арабов на протяжении последних полутора столетий был капиталистический Запад. После Второй мировой войны образовался новый для них политико-экономический и культурный полюс притяжения, а именно мировая социалистическая система, и, прежде всего, Советский Союз. Социалистический лагерь стал оказывать решающее влияние на развитие глобальных процессов в экономическом, политическом, социальном и культурном отношениях, определяя само направление эволюции человечества. Если до войны влияние Октябрьской социалистической революции проявлялось, в основном, опосредствованно, через воздействие в сфере общественного сознания (сила примера), то впоследствии, вплоть до конца XX в., оно воплощалось в большую политическую и дипломатическую поддержку, экономическую и военную помощь развивающимся странам и национально-освободительным движениям. Поэтому развитие стран Востока в конкретно-историческом плане может рассматриваться в известной мере как результат взаимодействия между традиционным обществом, нащупывающим пути прогрессивного развития (находясь в переходной фазе развития многоукладной экономики к формационно-прогрессивным структурам), с одной стороны, с капиталистическим миром и с миром реального социализма, прижившегося на национальной почве, – с другой. В общественном сознании народов Востока такое взаимодействие принимает форму столкновения традиционного, буржуазного и коммуналистского мировоззрений. Характерно, что эта тенденция в целом сохранилась и после развала СССР вместе с социалистическим лагерем.

Арабы ушли из мира прошлого, вступив в мир настоящего с грузом азиатской и африканской старины. В чем он плох этот груз, в чем хорош – об этом судить истории. Одно безусловно – араб живет с оглядкой на прошлое. И кажутся все еще очень справедливыми слова известного алжирского публициста, охарактеризовавшего арабское общество как «мир, голова которого в 1949-м, ноги – в 1369 г. и в чреве которого перемешались все промежуточные эпохи» [4, p. 70].

В послевоенной истории арабских стран (а также формирования общественного сознания) можно выделить три периода. Гром орудий Второй мировой войны возвестил новый поворот в истории. Салют в честь победы над фашизмом утверждал триумф Советского Союза,

а заодно и его часто определяющее влияние на судьбу народов «Третьего мира». Для послевоенной истории становятся все более типичными акселерация эволюционных процессов, взрывчатый характер политических перемен и едва ли не глобальный характер их последствий, острота политических и социальных реакций. Это нашло выражение в образовании социалистической системы, в крахе колониализма, в бурных проявлениях научно-технического развятия и т.п.

Взаимодействие планетарных процессов с региональными определило относительное своеобразие современной арабской общественной мысли.

Вторая мировая война открыла эру независимого существования арабских народов в качестве субъекта, а не только объекта истории. В 1940–1950-х гг. (первый послевоенный период – до июльской революции 1952 г. в Египте) безусловный приоритет приобрели проблемы национального освобождения. Война, радикально изменив соотношение сил на мировой арене в пользу социалистического выбора, способствовала существенному улучшению условий национально-освободительной борьбы. Подъем во всем мире демократического движения привел к тому, что принцип самоопределения наций и национального суверенитета был санкционирован международным правом. В борьбе за свободу народы колониальных и зависимых стран, опираясь на поддержку социалистического лагеря, получили возможность разнообразить тактику. Группа профессоров Американского университета в Бейруте констатировала, что после Второй мировой войны «для некоторой части арабов Советский Союз стал образцом прогресса, которого способны добиться в очень короткое время освободившиеся народы» [1, с. 186]. Видный лидер алжирского национально-освободительного движения Фархат Аббас писал в книге «Колониальная ночь» о международном значении социалистического лагеря: «Можно с уверенностью сказать, что СССР и страны восточного блока сыграли в отношении колониальных народов роль самого провидения. Без мира социализма, без его мощи мы все еще находились бы на стадии... посулов президента Вильсона, глупости и лицемерия Лиги Наций» [2, р. 15].

Это было время высокой активности общественных сил, национальной сплоченности в борьбе за независимость. Идеи свободы, мира, гуманизма и общественного прогресса владели умами. Все или почти все стали националистами. Преобладал арабский национализм, мощным стимулятором которого стали нерешенная палестинская проблема и экспансионистская политика Израиля. Идеология национально-освободительного движения, как правило, была неотделима от концепций либеральной демократии и парламентаризма.

Второй послевоенный период (1952–1967 гг.) был ознаменован политической победой национально-освободительных революций, крахом колониальной системы. Во многих странах были подорваны основы феодализма, господства иностранного капитала и крупной буржуазии. Главная политическая задача для арабских стран в этот период состояла в упрочении национального суверенитета и завоевании достойного места в мировом сообществе наций. Они противостояли империализму, неоколониализму и израильскому экспансионизму. Национально-демократические силы активно участвовали в движении сторонников мира, выступали против военных блоков в поддержку принципа мирного существования [7, р. 94].

Этот период арабской истории был отмечен окончательным крушением устоев власти аристократической и феодально-помещичьей олигархии в большинстве стран, поиском путей экономико-социального развития, которые обеспечили бы необратимость национальной независимости, открыли возможность быстрого прогресса и перехода к строительству современного общества, к ликвидации отсталости и слаборазвитости. В рамках националистических всеарабских и партикуляристских программ интересы трудящихся, мелкой и средней буржуазии впервые отделялись от интересов либеральных помещиков и крупной буржуазии. Выработывались нетривиальные подходы к разрешению нетривиальных трудностей, отражающих местную специфику. При этом одни политические лидеры ориентировались на капиталистическую систему в национальной разновидности, другие – на мелкобуржуазные структуры, некоторые же избрали путь социалистической ориентации. Национальный либерализм и либеральный национализм, продемонстрировавшие свою несостоятельность в предшествовавший период, утратили свое значение как политические силы. На общественной арене появлялись новые молодые лидеры из средних городских слоев. Ведущая роль в национальной жизни и общественном мнении многих арабских стран, принадлежавшая прежде умеренным либералам, перешла преимущественно к мелкобуржуазной интеллигенции. Постепенно, хотя и не высокими темпами, росло значение общественно-политической активности пролетариата.

Революции в Египте, Алжире, Сирии, в Ираке и Йемене, мощный подъем национально-освободительного движения в Африке, героическая борьба за свободу и победа вьетнамского народа, – все это способствовало радикализации арабского общественного сознания. Важным в исторической перспективе оказалось то обстоятельство, что жизненные интересы арабских стран в тот период объективно совпадали

с интересами мирового социалистического лагеря. Это в немалой степени способствовало выбору социалистической ориентации развития, который в рассматриваемый период сделали некоторые развивающиеся страны, а поворот от «холодной» войны к разрядке в начале 1970-х гг. создал благоприятный климат для упрочения их национальной независимости.

Арабо-израильская война 1967 г. положила начало третьему послевоенному периоду. Арабские народы по-прежнему решали актуальную задачу защиты и упрочения независимости и добивались ликвидации последствий израильской агрессии. Они стремились преодолеть социально-экономическую и культурную отсталость. Продолжалось формирование арабских наций, складывались национальные структуры. Решение национальных проблем как никогда раньше было обусловлено типом политической власти в каждой данной стране и внешними воздействиями регионального и планетарного масштаба [9, р. 147].

Наряду с этим, в арабских странах накапливалось народное недовольство неспособностью большинства правящих режимов сохранить подлинную независимость, добиться реализации проектов развития, экономической и социальной нестабильностью, нарушением норм политической демократии. Повсеместно укрепляют свои позиции военная и гражданская бюрократия, новая буржуазия, интересы которой сближаются с интересами мирового капитализма. К середине 1970-х гг. обозначился кризис доверия к националистическим партиям, проявившим несостоятельность в решении национальных проблем. При этом арабская мелкая буржуазия нередко шла на сближение с клерикалами, городскими маргинальными слоями, патриархальными массами крестьянства; социально-политический протест все чаще проявлялся в форме исламских религиозно-политических движений, особенно после иранской революции 1979 г.

Отмеченные характерные черты послевоенной истории арабских стран определяли основные тенденции развития арабской общественной мысли. Хотя необходимо отметить, что важная специфика арабской истории состояла и состоит в том, что политические и идейные позиции очень часто преломляются сквозь призму арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы.

Конфронтация с Израилем, палестинская проблема стали фактором, в большей мере формирующим политическую ситуацию и психологическую атмосферу в арабском мире, фактором, способствующим интенсивному созреванию политического сознания различных слоев арабского общества.

Библиографический список / References

1. Путь становления и борьбы. Современная арабская литература: Сб. ст. / Под ред. З.А. Намитоковой. М., 1973. [Put stanovleniya i borby. Sovremennaya arabskaya literature [The path of formation and struggle. Modern Arabic literature]. Z.A. Namitokova (ed.). Moscow, 1973.]
2. Abbas F. Curre et Revolution d'Algérie. I. La Nuit Colonial. Paris, 1962.
3. Abdel-Malek A. La penée politigue arabe contemporaine. Paris, 1987.
4. Bennabi M. Vocation de L'Islam. Paris, 1984.
5. Jansen G. Militant Islam. L., 1989.
6. Kedourie E. Islam in the Modern Egypt. Leiden, 1974.
7. Nationalism in Asia and Africa. N.-Y., 1970.
8. Patai R. The Arab Mind. N.-Y., 1956.
9. Qutb Sayyid. Milestones. New Delhi, 1981.
10. Safran N. Egypt in Search of Political Community. Cambridge, 1961.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022, принята к публикации 19.12.2022

The article was received on 07.11.2022, accepted for publication 19.12.2022

Об авторе / About the author

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksander M. Rodrigues-Fernandes – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: am.rodrigues-fernandes@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-153-165

Р.Р. Тухватуллин, У.Н. Кудашев

Башкирский государственный университет,
450076 г. Уфа, Российская Федерация

США и итало-сомалийское военно-техническое сотрудничество в 1970–1980-е гг.

В статье рассматривается проблема итальянского оружейного экспорта в Сомали в период холодной войны в контексте американской политики на Африканском Роге. Обстановка, сложившаяся на Африканском Роге в 1970–1980-е гг., заставила США обратить внимание на достаточно стабильные итало-сомалийские отношения и по возможности использовать их в собственных интересах. На основе американских и итальянских документов выявляются причины, побуждавшие Италию проявлять интерес к поставкам вооружений в Сомали и заставлявшие Вашингтон на это реагировать. Сделана попытка отследить тенденции в действиях США в период правления президентов Картера и Рейгана по отношению к экспорту итальянского и американского оружия из Италии в Сомали. На период президентства Джимми Картера приходится активизация итало-сомалийского военно-технического сотрудничества, что было связано с изменениями во внешней политике Сомали, переориентировавшейся на Запад. Вплоть до конца 1979 г. Вашингтон не определил позицию по поставкам вооружений в Сомали и блокировал любые попытки Италии передать Могадिशу военную технику, содержащую американские компоненты. Победа «ястребов» во главе с З. Бжезинским в споре о необходимости поддержки

© Тухватуллин Р.Р., Кудашев У.Н., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

вооруженных сил Сомали открыла дорогу как собственно итальянскому оружию, так и вооружению, изготавливавшемуся в Италии по американской лицензии. В период президентства Рональда Рейгана итало-сомалийское военно-техническое сотрудничество переживало расцвет. Вашингтон, использовавший Сомали для давления на просоветскую Эфиопию, выдал разрешение на передачу Могадишо Римом более сотни американских танков.

Ключевые слова: США, Сомали, Италия, военно-техническое сотрудничество, З. Бжезинский, М. Самантар, итало-сомалийское военно-техническое сотрудничество, Сомали в 1970–1980-е гг.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тухватуллин Р.Р., Кудашев У.Н. США и итало-сомалийское военно-техническое сотрудничество в 1970–1980-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 153–165. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-153-165

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-153-165

R.R. Tukhvatullin, U.N. Kudashev

Bashkir State University,
Ufa, 450076, Russian Federation

USA and Italian–Somali military-technical cooperation in the 1970s–1980s

The article deals with the problem of Italian arms exports to Somalia during the Cold War in the context of American policy in the Horn of Africa. The situation in the Horn of Africa in the 1970s and 1980s forced the United States to pay attention to fairly stable Italian-Somali relations, and, if possible, use them in their own interests. On the basis of American and Italian documents, the reasons that prompted Italy to show interest in arms supplies to Somalia and forced Washington to respond to it are revealed. An attempt has been made to trace the trends in the actions of the United States during the reign of Presidents Carter and Reagan in relation to the export of Italian and American weapons from Italy to Somalia. During the presidency of Jimmy Carter, there is an intensification of Italian-Somali military-technical

cooperation, which was associated with changes in the foreign policy of Somalia, reoriented towards the West. Until the end of 1979, Washington did not determine its position on the supply of weapons to Somalia, and blocked any attempts by Italy to transfer military equipment containing American components to Mogadishu. The victory of the “hawks” led by Z. Brzezinski in the dispute over the need to support the armed forces of Somalia opened the way for both Italian weapons themselves and weapons manufactured in Italy under an American license. During the presidency of Ronald Reagan, Italian-Somali military-technical cooperation flourished. Washington, which used Somalia to put pressure on pro-Soviet Ethiopia, issued permission for the transfer of more than a hundred American tanks to Mogadishu by Rome.

Key words: USA, Somalia, Italy, military-technical cooperation, Z. Brzezinski, M. Samantar, Somalia in 1970s–1980s, Italo-Somali military-technical cooperation

FOR CITATION: Tukhvatullin R.R., Kudashev U.N. USA and Italian-Somali military-technical cooperation in the 1970s–1980s. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 153–165. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-153-165

Африканский Рог в годы холодной войны стал одной из «горячих точек» противостояния СССР и США. Это было во многом предопределено стратегически важным положением региона, позволяющим влиять с его территории на юг Аравийского полуострова, Баб-эль-Мандебский пролив и северо-западную часть Индийского океана. Политика сверхдержав в регионе представляла собой своеобразный цикл: стратегически важное положение Африканского Рога вызывало интерес США (или СССР), в результате чего противник пытался противостоять, усиливая свое влияние, на что следовал, в свою очередь, симметричный ответ. Одновременно с этим относительно независимая политика расположенных на Африканском Роге государств, Сомали и Эфиопии, порой шедшая в разрез с интересами сверхдержав, усиливала нестабильность региона. В этих условиях для США большой интерес представляло итало-сомалийское сотрудничество, оставшееся относительно стабильным, несмотря на смену режимов или идеологии в Сомали.

В конце 1970-х гг. отношения между Сомалийской Демократической Республикой (СДР) и странами НАТО, до этого бывшие достаточно прохладными, стали постепенно меняться к лучшему. После фактической потери Эфиопии роль Сомали в американской политике на Африканском Роге значительно повысилась. Одновременно с этим смена

внешнеполитического курса, проведенная президентом СДР Мохамедом Сиадом Барре в ходе войны за Огаден, повлекла за собой сдвиги в т.ч. и в итало-сомалийских отношениях.

В 1969–1977 гг., в период, когда СДР ориентировалась, в основном, на Советский Союз, Италия оставалась единственной страной НАТО, которая поставляла туда оружие (в основном, карабины и пистолеты для полиции). Единственный военный атташе из стран НАТО в Могадишо также был итальянцем¹. Но все же влияние Италии на сомалийские силовые структуры было минимальным, и Вашингтон практически не учитывал его в своей политике по отношению к Сомали.

Ситуация сильно изменилась летом 1977 г. Сомалийско-советские отношения, начавшие охлаждаться в 1976 г., окончательно испортились после произошедшего в июле 1977 г. вторжения сомалийских вооруженных сил в эфиопский регион Огаден, а сама СДР сменила курс на проамериканский. США, к тому моменту уже готовившиеся начать посылать вооружения в Могадишо, из-за начавшейся войны также были вынуждены отменить возможные поставки [3, р. 176], а 10 ноября 1977 г. представители США, Франции, ФРГ и Великобритании (от США на встрече присутствовал заместитель помощника государственного секретаря по Африке Уильям Хэрроп, от Великобритании – помощник заместителя государственного секретаря, от Франции – директор по делам Африки и Мадагаскара, от ФРГ – помощник государственного секретаря) договорились не поставлять в Эфиопию и Сомали оружие до завершения боевых действий, не закрепляя пока данное положение в каких-либо договорах². В принципе, к тому моменту эти державы склонялись на сторону Сомали, однако против поставок сыграли два фактора. Первый – возможные имиджевые потери из-за поставок оружия в зону боевых действий. Второй – Вашингтон еще надеялся, что Эфиопия откажется от просоветской ориентации и в то же время Сомали также окажется в сфере влияния США. На упомянутой ноябрьской встрече 1977 г. Италия представлена не была, и представители собравшихся там держав предположили, что консультации с Римом по вопросам, связанным с поставками вооружения, стоит проводить в двухстороннем порядке. Это создавало некую неопределенность, которая могла нанести урон планам США, направленным на тот момент на удержание Могадишо и Аддис-Абебы на своей стороне только дипломатическим путем.

¹ Egyptian armed forces day celebration. October 7, 1974. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1974MOGADI01519_b.html (date of access: 23.07.2021).

² Second four-power consultation on the Horn of Africa. November 11, 1977. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977LONDON18627_c.html (date of access: 23.07.2021).

Итальянское правительство, в целом, придерживалось линии, взятой странами НАТО: не поставлять вооружение Сомали и Эфиопии до тех пор, пока война в Огадене не закончится, что было продиктовано в том числе и нежеланием обострения отношений с Эфиопией. Как отмечают американские дипломатические работники, сделанные в июле-августе 1977 г. сомалийскими официальными лицами запросы на оружие были вежливо проигнорированы. Вследствие высоких потерь автотранспорта в ходе войны за Огаден, в ноябре 1977 г. первоочередными стали запросы на итальянские грузовые автомобили³, а оружие и боеприпасы, которые начали приходить из арабских стран и Пакистана, отошли на второй план. Впрочем, и эти просьбы были только учтены, но не исполнены.

Единственным исключением стало продолжение поставок легкого оружия для сомалийской полиции и обучение сомалийских полицейских в итальянских военных учебных заведениях⁴, против чего у Государственного департамента возражений не имелось. Однако итальянцы не исключали, что некоторые арабские страны, такие, как Саудовская Аравия, могут закупить оружие в Италии и затем передать его Сомали⁵.

В феврале 1978 г., после успешного наступления кубинских и эфиопских войск, поражение Сомали, следовательно, и завершение войны, уже становилось очевидным. Италия в этих условиях начала более активные действия по развертыванию военно-технического сотрудничества с Сомали, оставаясь в рамках политики стран НАТО по отношению к конфликту. В дополнение к одобренной еще до войны продаже 5 тыс. винтовок сомалийской полиции, Министерство иностранных дел Италии одобрило запрос компании Fiat на поставку в Сомали двух типов грузовиков (в т.ч. артиллерийских тягачей). В то же время поставки тяжелого вооружения блокировались, что пока устраивало США. Так, запрос Fiat на продажу бронетехники Сомали на 100 млн долларов (БТР Fiat/ОТО-Melara 6614 и броневедомомобилей Fiat/ОТО-Melara 6616) на тот момент был отклонен МИД Италии⁶.

Итог поражения был катастрофичен для Сомали: было потеряно до 80% военной техники армии, ВВС, полиции и других силовых структур. США, несмотря на окончание войны, не спешили продавать вооружение бывшему советскому союзнику, и в Вашингтоне шли серьезные

³ Visit to Italy by Ethiopian official. November 10, 1977. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977ROME18352_c.html (date of access: 23.07.2021).

⁴ Visit of Somali delegation to Italy. December 8, 1977. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977ROME20211_c.html (date of access: 23.07.2021).

⁵ Somali Arms purchase. December 7, 1977. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977ROME20113_c.html (date of access: 23.07.2021).

⁶ Italian Arms export policy. February 24, 1978. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978ROME03528_d.html (date of access: 23.07.2021).

споры по выработке политики о поставках вооружения в Сомали. Бюро по делам Африки придерживалось строго проэфиопской политики, считало, что именно Эфиопия, старый союзник США, – ключевая страна в регионе, и именно с ней стоит продолжать сотрудничать, а Сомали, «скомпрометиовавшая» себя в глазах Вашингтона длительным и тесным сотрудничеством с СССР и вторжением в Огаден, рассматривалась Бюро в крайне негативном ключе [3, р. 193]. Напротив, «ястребы» во главе с З. Бжезинским выступали за как можно более скорую поддержку Могадшо в его борьбе с Эфиопией, обосновывая это необходимостью противостояния советскому и кубинскому влиянию [2, р. 114–115].

Сомали была, однако, вынуждена как-то восстанавливать свой оборонный потенциал, и среди прочего обратилась к бывшей метрополии с просьбой о продаже некоторых вооружений. Первым крупным шагом навстречу сомалийским пожеланиям, сделанным итальянцами, стала продажа военно-транспортных самолетов G.222 производства компании Aeritalia для сомалийских ВВС и вертолетов для полиции. Основной проблемой было то, что на самолетах было установлено два двигателя General Electric T64, предполагаемые для продажи вертолеты AV-204, AV-205 и AV-212 производились в Италии по американской лицензии, и для продажи за рубеж этой техники нужна была санкция США. В январе 1979 г. через посольство в Риме у Вашингтона было запрошено разрешение на продажу Сомали 2–3 самолетов G.222⁷. В апреле того же года в Вашингтон был направлен запрос на разрешение продажи сомалийской полиции вертолетов, производившихся компанией Agusta по американской лицензии⁸.

США были настроены скорее негативно по отношению к этим сделкам, и к концу мая вопрос о вертолетах и самолетах только рассматривался, хотя, в то же время, поставки и не были заблокированы⁹. Против Сомали действовал тот факт, что несмотря на вывод войск из Огадена, Могадшо продолжал поддерживать повстанцев в этом регионе. Это повлияло на решение Вашингтона, и в итоге было решено не позволить итальянцам поставлять военно-транспортные самолеты в Сомали.

Отказ, однако, не обескуражил ни итальянцев, ни сомалийцев. Aeritalia, лишившаяся до этого из-за запретов США нескольких выгодных контрактов, таких, как поставка тех же G.222 в Ливию, остро нуждалась

⁷ Proposed Italian Arms sale to Somalia. January 4, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979ROME00302_e.html (date of access: 23.07.2021).

⁸ Proposed Italian Arms sale to Somalia. April 27, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979ROME11551_e.html (date of access: 23.07.2021).

⁹ US Arms transfer policies and Italian sales. May 25, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979STATE133180_e.html (date of access: 23.07.2021).

в сомалийском контракте для укрепления как репутации, так и своего финансового положения. В июле 1979 г. через посольство в Риме руководство Aeritalia направило в Государственный департамент письмо, в котором выражалось скрытое, но явно читаемое негодование по поводу запрета на поставку четырех G.222 в Сомали. Итальянцы, с одной стороны, сообщали, что всегда шли по подобным вопросам в фарватере политики США, что самолеты не изменяют баланс сил на Африканском Роге и не могут нести вооружение, что положительный ответ хорошо скажется на отношениях между странами, но в то же время намекали, что США действуют в пользу Франции и ФРГ, а отмена контракта может повлечь за собой закрытие производственной линии G.222, что подстегнет безработицу, которая, в свою очередь, негативно повлияет на и без того непростую ситуацию в Италии¹⁰. Ричард Гарднер, американский посол в Риме, придерживался точки зрения, что поставки самолетов хорошо повлияют на итало-американские отношения и не принесут ничего плохого¹¹. Сомалийское руководство тоже не сидело сложа руки. 5 сентября посол США в Могадишо Петтерсон был срочно вызван к Мохамеду Али Самантару, фактически, второму человеку в Сомали после Сиада Барре. Самантар сообщил Петтерсону, что соглашение с итальянцами о поставке четырех самолетов на замену советским Ан-24, которые уже не способны подняться в воздух, было подписано пару месяцев назад, и что сомалийцы надеются к концу сентября получить два G.222. Самантар также подчеркнул, что не понимает, почему США, у которых на данный момент очень хорошие отношения с Сомали, блокируют поставку транспортных самолетов¹².

Однако в течение 1979 г., после победы революции в Иране и усиления советского влияния на Африканском Роге и Аравийском полуострове, а также постепенного сворачивания разрядки, политика США по отношению к продаже оружия в Сомали начала меняться [3, р. 199], и возобладала точка зрения Бжезинского на данный вопрос. В итоге в сентябре 1979 г. двигатели General Electric T64 были разрешены к свободной продаже за рубеж. К октябрю 1979 г. разрешение на поставку самолетов было получено, хотя, как отмечал Петтерсон, политика США по отношению к Сомали не изменилась, а самолеты стали, в основном, жестом

¹⁰ Proposed Italian G-222 aircraft sales to Somalia. July 27, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979ROME20336_e.html (date of access: 23.07.2021).

¹¹ Proposed sale of Italian G-222 aircraft to Somalia. September 7, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979ROME24540_e.html (date of access: 23.07.2021).

¹² Proposed Italian G-222 aircraft sale to Somalia. September 5, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979MOGADI03197_e.html (date of access: 23.07.2021).

доброй воли¹³. При этом из предполагавшихся четырех были проданы только два по причине плачевного состояния сомалийского бюджета.

На этом фоне практически незамеченной прошла продажа Италией Сомали летом 1979 г. легких транспортных самолетов Piaggio P.166. Фактически, контракт с Aeritalia, который был изначально чисто коммерческим делом, стал отправной точкой для усиления итало-сомалийского военно-технического сотрудничества и смягчения итальянской политики по отношению к экспорту оружия в эту страну, не дожидаясь решения США по данному вопросу. Стали реализовываться ранее заблокированные сделки. Так, например, концерны Fiat и ОТО-Melara, не сумевшие продать Сомали бронетехнику в 1978 г., в марте-мае 1979 г. поставили туда сотню броневедомитель Fiat/ОТО-Melara 6616 и бронетранспортеров Fiat/ОТО-Melara 6614¹⁴, которые были оплачены Саудовской Аравией, как и предсказывалось итальянцами.

Уже 17 ноября 1979 г. министр иностранных дел Италии Мальфатти в беседе с послом США Гарднером сообщил, что Сомали запрашивает увеличение поставок оружия и что в Италии определенные круги, особенно военные, благосклонно относятся к этой просьбе, тем более что Саудовская Аравия выразила желание оплатить поставки¹⁵. В декабре 1979 г. данный вопрос был решен положительно. В это время политика США по отношению к вооружению Сомали находилась на рассмотрении и постоянно менялась, и пока еще не была окончательно выработана, но Государственный департамент уже не возражал против поставок, в т.ч. и вооружений с произведенными в США компонентами¹⁶.

Дебаты по выработке политики США по поставкам оружия в Сомали завершились в августе 1980 г. решением об увеличении военной помощи [2, р. 159]. Италия, к тому моменту уже активно продававшая сомалийцам оружие собственного производства, стала важным звеном в этой цепи, позволяя усиливать сомалийскую армию без продажи вооружения напрямую из США.

Взятый администрацией Рейгана курс на противостояние советскому влиянию по всему миру, в т.ч. и на Африканском Роге, благоприятствовал сотрудничеству Сомали и Италии в военной сфере. Благодаря

¹³ US-Somalia relations. October 10, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979MOGADI03658_e.html (date of access: 23.07.2021).

¹⁴ National Photographic Interpretation Center. IAR-0084/80. Imagery analysis report: Non-Soviet Ground Force Weapon Deliveries to Somalia (S). June 1980. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80T01355A000100070001-0.pdf> (date of access: 23.07.2021).

¹⁵ Possible Italian Arms sales to Somalia. November 19, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979ROME31992_e.html (date of access: 23.07.2021).

¹⁶ Briefing materials for secretary Vance's Trip to Italy. December 10, 1979. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979STATE319040_e.html (date of access: 23.07.2021).

поставкам из Италии Сомалийская национальная армия (СНА) и полиция в 1980–1982 гг. получила более 300 броневедомств и бронетранспортеров, более 70 105-мм гаубиц, несколько легких контрпартизанских SIAI-Marchetti SF.260W и 6 вертолетов АВ-212 и АВ-202. Однако это вооружение было либо относительно слабым (особенно это касалось колесной бронетехники Fiat/ОТО-Melara, которая, несмотря на свою надежность, мало годилась для противостояния насыщенной противотанковым оружием эфиопской армии), либо устаревшим (к этой категории относились итальянские 105-мм гаубицы Obice da 105/22 Mod. 14/61, являвшиеся модернизацией австро-венгерских гаубиц времен Первой мировой войны, которые к тому же имели совершенно изношенные стволы). Однако для СНА после потерь в войне за Огаден эти поставки были значительным подспорьем.

Не все, тем не менее, шло гладко. Крупнейшим скандалом, связанным с поставками оружия в Сомали, стала попытка продажи крупной партии американских вооружений через итальянскую фирму. США, стремившиеся хоть как-то поднять боеспособность сомалийской армии по сравнению с эфиопской, не были заинтересованы в прямых продажах большого количества оружия на Африканский Рог по политическим мотивам [6, р. 112], и поэтому были вынуждены использовать нелегальные каналы поставок. Таким каналом стала компания Centro Studi Transporti Missilistici, связанная с печально знаменитой итальянской ложей «Пропаганда» № 2 (Propaganda Due). Продажа оружия была замаскирована под поставку оборудования для нефтедобычи и проходила через лихтенштейнский банк [5, р. 22–25]. Официально Centro Studi Transporti Missilistici продавала в Сомали оборудование для нефтедобычи [Там же, р. 56–68], но в реальности предполагалась поставка оружия из США на 400 млн долларов (116 танков M48A5, 20 вертолетов Bell AH-1G, боеприпасы для них, а также 1000 ПТУР TOW) [Там же, р. 69–82]. В данном случае видно влияние схемы, использованной ранее несколькими американскими авантюристами для того, чтобы поставить оружие из Венгрии в Сомали в разгар войны за Огаден, в частности, использование Лихтенштейна как базы для нелегальной деятельности [1, р. 75]¹⁷. Заключенная в октябре 1982 г. сделка, однако, была сорвана из-за того, что судья из Тренто Карло Палермо сумел раскрыть противозаконную деятельность этой фирмы и обнародовал для общественности эти факты [4, р. 129].

¹⁷ См. также: Liechtenstein firm reportedly involved in arms transfer to Somalia. January 17, 1978. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1978ZURICH00025_d.html (date of access: 23.07.2021).

Значительным шагом, направленным на восстановление потенциала США, стала поставка из Италии американских танков M-47 Patton, снимаемых с вооружения итальянской армии. Поставленные в Италию в 1950–1960-е гг., эти танки были формально примерным аналогом советского Т-55, который на тот момент уже стал основным танком эфиопской армии. Сомалийские танковые войска на тот момент располагали примерно 150 танками, основу которых составляли советские и египетские Т-54 и Т-55, с небольшим количеством изношенных Т-34-85 и переданных Кувейтом британских танков Centurion, причем к этой технике, разбросанной по всей стране, хронически не хватало запасных частей. При этом эфиопские и кубинские войска только в Огадене располагали более чем двухкратным превосходством в танках. Появление танков M-47, наряду с поставляемыми из США ПТУР TOW и представленными Пакистаном безоткатными орудиями на базе джипов, теоретически должны были усилить противотанковую оборону США¹⁸.

Если до поставок M-47 Италия направляла в Сомали оружие либо полностью своего производства, либо только с американскими компонентами, то эти танки были полностью произведены в США, что снова требовало подтверждения со стороны Вашингтона.

Американцы считали, что танки уже сильно устарели, и, следовательно, сам жест будет больше политическим, нежели военным¹⁹. Одобрение, после небольшого спора между Бюро по делам Африки и американским посольством в Могадишо, было получено. Однако при этом итальянцы пытались получить определенную выгоду из этого мероприятия, «переоборудовав» танки и поставив на них новые двигатели для повышения экспортной цены, что уже наткнулось на сопротивление Государственного департамента²⁰.

В результате в 1982 г. в Сомали из Италии были доставлены 98 танков M-47 Patton. Эта техника доставила больше хлопот всем сторонам, нежели пользы. Во-первых, у соседней прозападной Кении, у которой с Сомали был территориальный спор и на территории которой ранее сомалийское руководство поддерживало повстанцев, сразу же возникли претензии, сводившиеся к тому, что Могадишо может использовать эти

¹⁸ SIG Meeting on Somalia. January 28, 1982. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP84B00049R000400930013-7.pdf> (date of access: 23.07.2021).

¹⁹ Somalia: Siad's position deteriorates. October 29, 1981. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP84B00049R000400930008-3.pdf> (date of access: 23.07.2021).

²⁰ Somalia: Country reader. URL: <https://adst.org/wp-content/uploads/2018/02/Somalia.pdf> (date of access: 07/23/2021).

танки против нее²¹, и США пришлось успокаивать кенийское руководство. Во-вторых, старые и изношенные танки были не в лучшем техническом состоянии. По данным ЦРУ, к августу 1983 г. менее 50% этих танков находились в рабочем состоянии, имелись проблемы со снабжением топливом и, в целом, сомалийцы были ими недовольны²². США пришлось искать какой-то иной способ усилить противотанковую составляющую СНА²³.

Однако данные обстоятельства не помешали продолжению италяно-сомалийского военно-технического сотрудничества. В 1980-е гг. Италия оставалась основным поставщиком оружия и военной техники для СНА, оставляя далеко позади всех остальных.

В начале января 1985 г. Сиад Барре встретился в Риме с премьер-министром Беттино Кракси. В результате встречи Италия обязалась поставить Сомали дополнительно 50 танков М-47, 48 105-мм гаубиц, 150 81-мм минометов, а также обмундирование и снаряжение для 120 тыс. солдат [7, р. 115]. При этом сомалийский лидер упрекал Кракси в том, что итальянское вооружение, поставленное ранее, непригодно для использования [4, р. 128]. Впрочем, на этот раз поставки были не столь щедры. Например, из 50 танков были поставлены только 25, а из 48 гаубиц – 36. Итальянские поставки фактически завершились в конце 1986 г.²⁴

14 января 1985 г. был подписан меморандум, согласно которому Италия направляла в Сомали две группы военных советников общей численностью около 50 чел.: от армии (Diatme – Delegazione Italiana di Assistenza Tecnica Militare Esercito) и от ВВС (Diatma – Delegazione Italiana di Assistenza Tecnica Militare Aeronautica). Итальянскому персоналу пришлось восстанавливать боеспособность парка сомалийских М-47. Отчеты Разведывательного управления Министерства обороны США, однако, сообщают, что, несмотря на все усилия итальянцев,

²¹ SIG Meeting on Somalia. January 28, 1982. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP84B00049R000400930013-7.pdf> (date of access: 23.07.2021).

²² Central Intelligence Agency. Directorate for intelligence. August 1983. An intelligence assesment. Ethiopia–Somalia: Continuing military imbalance in the Ogaden. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP84S00552R000300100003-4.pdf> (date of access: 23.07.2021).

²³ SIG meeting on Somalia. January 28, 1982. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP84B00049R000400930013-7.pdf> (date of access: 23.07.2021).

²⁴ Defense Intelligence Agency. DDB-2680-104-87. Military intelligence summary, Volume IV, Part III: Africa South of the Sahara (U): November 1987. URL: <http://www.dia.mil/FOIA/FOIA-Electronic-Reading-Room/FOIA-Reading-Room-Africa/FileId/39704/> (date of access: 23.07.2021).

только 25% танков М-47 были способны передвигаться²⁵. Также итальянцами были вновь введены в летную эксплуатацию уцелевшие самолеты G.222 и вертолеты АВ-212 [7, р. 115].

Для США в 1980-е гг. усилия Италии по поддержанию боеспособности США играли большую роль, т.к. Сомали потребляло примерно 1/5 всей американской военной помощи странам Африки южнее Сахары, и итальянский вклад позволял снизить эту нагрузку. Группы итальянских советников не позволяли примерно трети техники США выйти из строя, что, в свою очередь, отвечало американским интересам: в противном случае США не смогла бы оказывать давление на просоветскую Эфиопию. Однако к концу 1980-х гг., в связи с постепенным уменьшением значения Сомали вследствие снижения накала советско-американского противостояния в регионе, США уже не рассматривали итальянскую помощь Сиаду Барре как что-то необходимое. Фактически находящаяся в состоянии гражданской войны страна становилась обузой как для Италии, так и для США. Вывод 56 итальянских советников из Сомали в июле 1990 г., означавший окончание военно-технического сотрудничества Италии с режимом Сиада Барре, на фоне усугубляющегося кризиса на севере страны и подготовке к эвакуации американского персонала прошел фактически незамеченным.

В 1970–1980-х гг. итало-сомалийское военно-техническое сотрудничество занимало немаловажную позицию в американской политике на Африканском Роге. Италия, традиционный торговый партнер Сомали, имевшая в стране прочные позиции, фактически в одиночку перевооружила сомалийскую армию после разгрома в Огадене, что позволило США значительно сократить расходы. Еще одним обстоятельством, игравшим на руку Вашингтону, было то, что поставка вооружения из Италии не сказывалась на имидже США. Политика администрации Картера по отношению к итально-сомалийскому военно-техническому сотрудничеству постепенно эволюционировала от определенной настороженности в связи с общей неопределенностью в регионе и нежеланием окончательно ссориться с Эфиопией до полного одобрения в связи с падением шахского режима в Иране, что подорвало позиции США и потребовало усиления оставшихся союзников. Администрация Рейгана, в свою очередь, активно поддерживала итало-сомалийское военно-техническое сотрудничество, т.к. оно

²⁵ Defense Intelligence Agency. DDB-2680-104-87. Military intelligence summary, Volume IV, Part III: Africa South of the Sahara (U): November 1987. URL: <http://www.dia.mil/FOIA/FOIA-Electronic-Reading-Room/FOIA-Reading-Room-Africa/FileId/39704/> (date of access: 23.07.2021).

позволяло достаточно небольшими силами оказывать давление на советских союзников в регионе, но к концу 1980-х гг., в связи с постепенным окончанием холодной войны, интерес Вашингтона к поддержке режима Сиада Барре значительно упал. Однако, несмотря на это, опыт Италии в военно-техническом сотрудничестве с Сомали использовался США и в дальнейшем, в частности, во время операции Restore Hope.

Библиографический список / References

1. Burton-Rose D., Silverstein K. *Private warriors*. N.-Y.; L., 2001.
2. Jackson D.R. *Jimmy Carter and the Horn of Africa: Cold War Policy in Ethiopia and Somalia*. Jefferson, London, 2007.
3. Lefebvre J.A. *Arms for the Horn: U.S. Security Policy in Ethiopia and Somalia, 1953–1991*. Pittsburgh, 1991.
4. Merosi M. *Somalia*. Roma, 1995.
5. Senato Della Repubblica. Camera dei Deputati. IX Legislatura. Doc. XXIII n. 2-quatier/7/IV. Commissione Parlamentare D’Inchiesta sulla Loggia Massonica P2. Allegati Alla Relazione. Serie II: Documentazione Raccolta Dalla Commissione. Volume VII: Servizi segreti – Eversione – Stragi – Criminalità organizzata – Traffico armi, droga, petroli – Pecorelli. Tomo IV. Roma, 1987.
6. Terrieri F. *Armi e affari: il commercio delle armi nord-sud e il ruolo dell’Italia*. Roma, 1992.
7. Von Dohnanyi G.L., Franco Oliva F. *Somalia: crocevia di traffici internazionali*. Roma, 2002.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022, принята к публикации 18.11.2022
The article was received on 25.10.2022, accepted for publication 18.11.2022

Об авторах / About the authors

Тухватуллин Рустэм Расфарович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры зарубежной истории Института истории и государственного управления, Башкирский государственный университет, г. Уфа

Rustem R. Tukhvatullin – PhD (History); Associate Professor at the Department of General History of the Institute of History and Public Administration, Bashkir State University, Ufa

E-mail: rtuhvatullin21@mail.ru

Кудашев Усман Набиуллович – аспирант кафедры зарубежной истории Института истории и государственного управления, Башкирский государственный университет, г. Уфа

Usman N. Kudashev – postgraduate at the Department of General History of the Institute of History and Public Administration, Bashkir State University, Ufa

E-mail: usman-kudashev@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-166-181

У Яньбинь

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Индо-Тихоокеанская стратегия Великобритании: историческая ностальгия, ответы безопасности и амбивалентность в отношении Китая

В статье исследованы мотивы, исторические корни и действия безопасности Индо-Тихоокеанской стратегии Великобритании для того, чтобы проанализировать ее потенциальные последствия. «Индо-Тихоокеанский регион», за который выступают США, Япония, Индия и Австралия (Квад (Quad)), по-новому определяет Азиатско-Тихоокеанский регион в современной геополитике. Хотя концепция «Индо-Тихоокеанского региона» и его определение все еще являются предметом многочисленных споров, в условиях, когда глобальный геополитический и экономический центр тяжести смещается на Восток, Quad стал новой геополитической концепцией конкуренции и сотрудничества между крупными державами. Несмотря на снижение общей мощи после Второй мировой войны, Великобритания остается европейской державой с глобальным влиянием и голосом, а ее Индо-Тихоокеанская стратегия ясно дает понять, что она будет продолжать играть ведущую роль в обороне в евроатлантическом регионе, демонстрируя при этом готовность укреплять оборонное сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе. Глобальные амбиции британской дипломатии поддерживаются созданием нового порядка, который является устойчивым, стабильным, основанным на правилах и адаптируемым к реалиям великих держав XXI в. Индо-Тихоокеанская стратегия и Индо-Тихоокеанская политика безопасности также в определенной степени отражают политическое восприятие и намерения в области безопасности некоторых западных держав по отношению к Индо-Тихоокеанскому региону. Такой выбор пути и стратегии безопасности в Индо-Тихоокеанской стратегии

© У Яньбинь, 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Великобритании отражает сложные изменения в отношениях между крупными державами в этом регионе, а также менталитет Великобритании и будущее направление и стратегический выбор британской внешней политики. В контексте подъема Китая, Индии и других восточных стран и усиления китайско-американской конкуренции направление китайско-британских отношений будет в определенной степени отражать и изменение менталитета традиционных западных стран в отношении Китая.

Ключевые слова: Великобритания, Индо-Тихоокеанский регион, Глобальная Британия, Индо-Тихоокеанская стратегия, Quad, Содружество наций, безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, США, Китай

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: У Яньбинь. Индо-Тихоокеанская стратегия Великобритании: историческая ностальгия, ответы безопасности и амбивалентность в отношении Китая // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 166–181. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-166-181

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-166-181

Wu Yanbin

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Britain's Indo-Pacific strategy: Historical nostalgia, security responses and ambivalence towards China

The article explores the motivations, historical roots, and security policies of the UK Indo-Pacific strategy to analyze its potential implications. The concept of the Indo-Pacific Region (ITR), led by the US, Japan, India, and Australia (Quad), defines ITR in contemporary geopolitics. Although the concept of ITR and the definition of the region is still the subject of much debate, with the global geopolitical and economic center of gravity shifting eastwards, ITR has become a new geopolitical concept of competition and cooperation between major powers. Despite the decline in overall power after World War II, the UK remains a European power with global influence and voice, and its Indo-Pacific Strategy makes it clear that it will continue to play a leading defense role in the Euro-Atlantic region while demonstrating

a willingness to strengthen defense cooperation in the ITR. British diplomacy's global ambitions are supported by the creation of a new order that is sustainable, stable, rules-based, and adaptable to the realities of the great powers of the twenty-first century. The Indo-Pacific Strategy and Indo-Pacific Security Policy also reflect to some extent the political perceptions and security intentions of some Western powers towards the Indo-Pacific region. This choice of path and security strategy in the UK Indo-Pacific Strategy reflects the complex changes in relations between the major powers in the ITR, as well as the maritime state mentality of the UK and the future direction and strategic choices of British foreign policy. In the context of the rise of China, India, and other eastern countries and increased Sino-US competition, the direction of Sino-British relations will to some extent also reflect the changing mentality of traditional Western countries towards China.

Key words: UK, Indo-Pacific Region, Indo-Pacific Strategy, Global Britain, Quad, Commonwealth of Nations, security, the USA, China

FOR CITATION: Wu Yanbin. Britain's Indo-Pacific strategy: Historical nostalgia, security responses and ambivalence towards China. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 166–181. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-166-181

Введение

В последние годы термин «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР)¹ как новая геополитическая концепция часто появляется в официальных документах многих западных стран, и из «Индо-Тихоокеанской концепции», отстаиваемой США, Японией, Индией, Австралией (Квад (Quad))², можно понять, что географические рамки Индо-Тихоокеанского региона представляют собой расширение на Запад традиционного географического пространства Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

¹ Термин «Индо-Тихоокеанский регион» как геополитическая концепция впервые появился в начале XX в. Немецкий геополитик К. Хаусхофер (K. Haushofer) использовал термин «Индо-Тихоокеанский регион» в своей книге «Тихоокеанская геополитика» (“Geopolitics of the Pacific Ocean”). Теперь некоторые агентства США, особенно Индо-Тихоокеанское командование, обычно считает, что «Индо-Тихоокеанский регион» включает территорию от западного побережья США до западного побережья Индии.

² После цунами в Индийском океане 2004 г. четыре страны – США, Япония, Австралия и Индия – работали вместе для оказания гуманитарной помощи, первоначально в рамках свободного партнерства. В 2007 г. тогдашний премьер-министр Японии Синдзо Абэ официально предложил создать “Quad”, но затем механизм почти десять лет оставался бездействующим. В 2017 г. администрация Трампа возобновила “Quad” в качестве ключевого механизма, чтобы больше сосредоточиться на Индо-Тихоокеанском регионе, особенно в плане противовеса КНР.

В результате смещения мирового экономического центра тяжести на восток, АТР стал одним из наиболее значимых регионов глобального экономического и геополитического значения, регионом наиболее ожесточенного соперничества между крупными державами.

В марте 2021 г. правительство Великобритании опубликовало доклад «Глобальная Британия в эпоху конкуренции» (“Global Britain in a competitive age”), в котором сформулирована цель Великобритании на углубление взаимодействия и интеграции в ИТР. Правительство Великобритании признает, что ИТР неизбежно окажет значительное влияние на стратегию Великобритании после Брексита (Brexit) и что будущее Великобритании связано с ИТР. Для реализации полной «глобализации» Великобритании от восточной части Индийского до западной части Тихого океанов нужно поставить в центр внимания общую внешнюю политику и политику безопасности Великобритании. Это отчасти соответствует предположению некоторых экспертов о том, что Великобритания должна отказаться от концептуально устаревшего понятия «Дальний Восток» и заменить его понятием «Индо-Тихоокеанский регион» для взаимодействия с районом, простирающимся от Индийского до Тихого океанов [8, p. 6].

Выход из ЕС означает, что центральный столп внешней политики Великобритании серьезно подорван, что неизбежно приведет к фундаментальному изменению ее международной роли. Хотя широко распространено мнение, что Великобритания больше не способна играть роль глобальной державы, после Брексита эти британские амбиции возродились [7, p. 2]. «Великобритания активно ищет возможности участия в новой конфигурации власти в Индо-Тихоокеанском регионе путем укрепления стратегических связей с отдельными игроками» [1, с. 43]. Основными объектами сотрудничества являются страны “Quad” и страны Содружества в ИТР, которые исторически связаны с Великобританией.

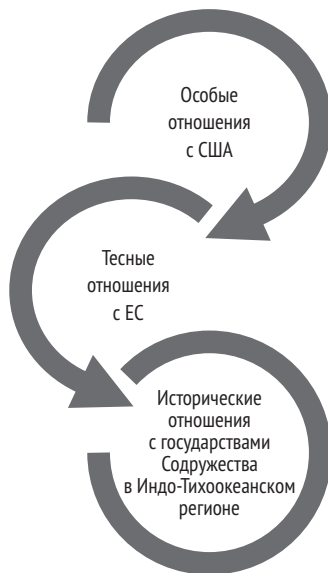
Индо-Тихоокеанская стратегия Великобритании: историческое возвращение после Брексита

В ИТР располагалось наибольшее число британских колоний, например, Южная Азия, Австралия, островные государства Тихого океана. После Второй мировой войны У. Черчилль предложил концепцию «Трех кругов дипломатии» (Churchill’s Three Circles) в качестве краеугольного камня внешних отношений Великобритании в условиях упадка ее могущества³. «Три круга» означали отношения между Британской империей и Содружеством, между Британией и США и между Британией и Европой.

³ Churchill W. Conservative mass meeting: A speech at Llandudno, October 9, 1948. *Europe Unite: Speeches 1947 & 1948*. L., 1950. Pp. 416–418.

Для Великобритании после Брексита ИТР имеет большое стратегическое значение. Великобритания активно реализует свою роль лидера Содружества, не только делая акцент на Европе и ЕС как региональном партнерстве, но и сосредотачиваясь на укреплении исторических связей со странами Содружества и превращении их в центр более широких дипломатических и экономических отношений Великобритании [7, p. 15].

В 2018 г. правительство Великобритании заявило, что дипломатический фокус страны будет сосредоточен на трех регионах: Северная Америка (в первую очередь, США), Европа и ее соседи, а также ИТР⁴. При учете относительно зрелых отношений с США и ЕС, ИТР является следующим стратегическим направлением для Великобритании. В концепции «Глобальной Британии» Великобритания перенаправляет свои дипломатические ресурсы в динамичный ИТР, объединяя историческое наследие эпохи «Империи, над которой никогда не заходит солнце» с системой Индо-Тихоокеанского альянса. Таким образом, «Глобальную Британию» можно рассматривать как возвращение к дипломатии «Трех кругов» Черчилля (рис. 1).

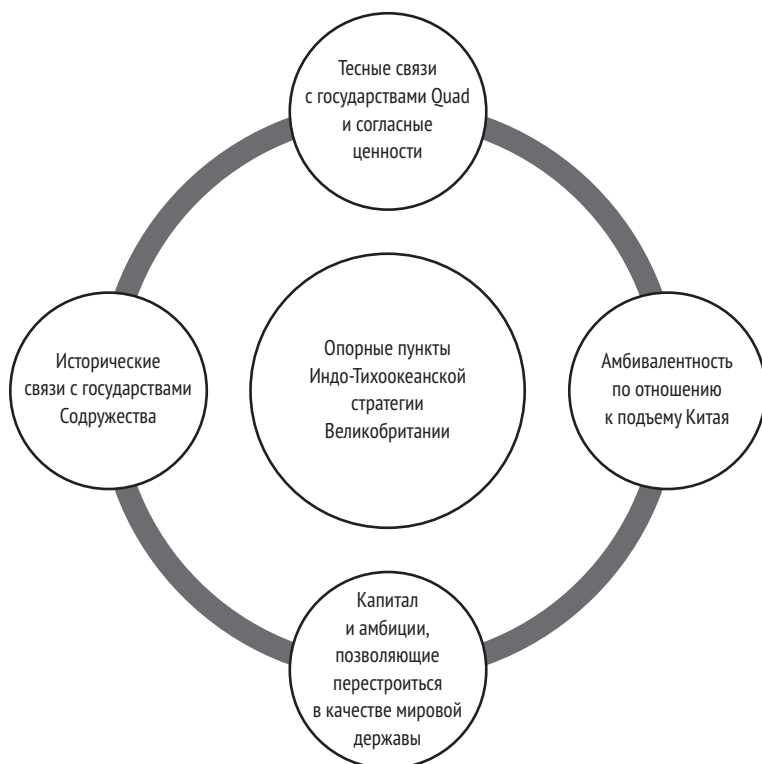
Рис. 1. Дипломатический фокус Великобритании

Составлено автором

⁴ Written Evidence – Foreign and Commonwealth Office (FPW0027). Memorandum for the International Relations Committee. 2018. URL: <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/international-relations-committee/foreign-policy-in-changed-world-conditions/written/79900.html> (date of access: 25.11.2021).

Опорные пункты Индо-Тихоокеанской стратегии Великобритании

Будь то дипломатия «трех колец» или концепция «Глобальной Британии», поддержание особых отношений между Великобританией и США всегда было в центре британской дипломатической практики. В условиях ухудшения отношений между США и Китаем и все более очевидного намерения Соединенных Штатов объединиться со своими союзниками для стратегического сдерживания Китая в АТР, активный ответ Великобритании на Индо-Тихоокеанскую стратегию США в регионе и укрепление политической синергии и сотрудничества с США в области безопасности также является одной из важных точек опоры для Великобритании в продвижении собственной Индо-Тихоокеанской стратегии (рис. 2).

Рис. 2. Опорные пункты Индо-Тихоокеанской стратегии Великобритании
Составлено автором

Правительство Великобритании также стремится продемонстрировать экономическую мощь Соединенного Королевства [7, р. 3]. В то же время оно намеренно продвигает влиятельные активы «мягкой силы», включая нормы и ценности, такие как демократия, свобода и верховенство закона, а также английский язык как «мировой язык» [Там же, р. 4]. Эти «жесткая» и «мягкая» силы (капитал, позволяющий перестроиться в качестве мировой державы) также являются важной поддержкой для Индо-Тихоокеанской стратегии Великобритании.

Повышая уровень сотрудничества со странами Содружества в ИТР, Великобритания может эффективно застраховаться от некоторых негативных последствий Брексита, и это будет способствовать укреплению альянса в ИТР, что поможет получить поддержку большего числа стран в регионе.

Стремление Великобритании к реализации Индо-Тихоокеанской стратегии также тесно связано с подъемом Китая. Размер и влияние экономики Китая, численность его населения, технологический прогресс и растущие амбиции по проецированию своего влияния на мировую арену, например, через инициативу «Пояс и путь», будут иметь глубокие последствия во всем мире. Открытые торговые экономики, такие, как Великобритания, должны взаимодействовать с Китаем и оставаться открытыми для китайской торговли и инвестиций, но они также должны защитить себя от действий, которые негативно влияют на процветание и безопасность [4, р. 55]. Несоответствие между коммерческими интересами и политическими ценностями способствовало двойственному отношению Великобритании к подъему Китая, что является одной из первопричин Индо-Тихоокеанской стратегии Великобритании.

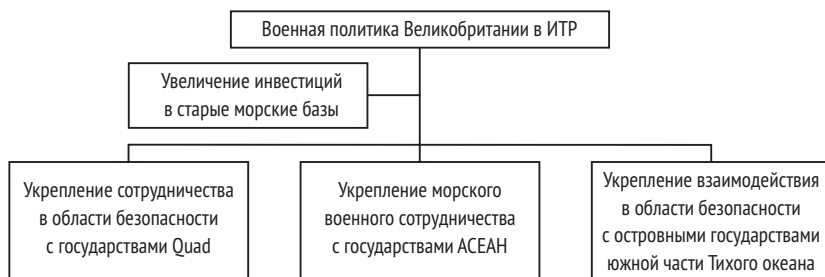
Будучи традиционно морским государством, Великобритания будет выстраивать свою внешнюю политику таким образом, что она будет больше склоняться к коммерческим интересам, а не ценностям или политической институциональной согласованности [5, р. 1349]. Это может отразиться и на ИТР, но все же нельзя игнорировать тот факт, что Великобритания будет действовать по существу в ответ на стремление к безопасности своих западных союзников.

Реакция Великобритании на безопасность западных союзников в ИТР

Командование морских сил НАТО, базы армии и ВВС США, а также объекты разведки и сбора сигналов США расположены в Великобритании [9, р. 9]. Великобритания всегда была региональным стержнем в глобальной военной стратегии США.

С 2007 г., когда бывший премьер-министр Японии С. Абэ предложил концепцию ИТР, ближайшие Индо-Тихоокеанские союзники Великобритании – США, Австралия и Япония – начали ускорять геоинтеграцию и политическую мобильность в регионе. В этом регионе, переосмысленном странами “Quad”, существует широкий спектр британских национальных интересов, и более сильное военное присутствие в регионе поможет усилить роль Великобритании в вопросах безопасности ИТР, одновременно увеличивая ее международное влияние.

Резидентская роль Великобритании в АТР должна быть ориентирована на морское пространство и осуществляться под руководством морских сил, чтобы четко согласовать приоритеты безопасности в регионе с рисками и возможностями [8, р. 6]. Поэтому военная политика Великобритании в АТР или в ИТР сосредоточена преимущественно на морских военных операциях и включает несколько основных направлений (рис. 3).

Рис. 3. Военная политика Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе
Составлено автором

Увеличение инвестиций в старые морские военные базы

С 1967 по 1973 гг. Великобритания и США совместно построили военную базу на о. Диего-Гарсия (Diego Garcia) в архипелаге Чагос (Chagos Archipelago) в качестве передовой военной базы и базы материально-технического снабжения для флотов обеих держав в Индийском океане [9, р. 16]. Малаккский пролив, Шри-Ланка, Аравийское море и Аденский залив находились в зоне действия базы Диего-Гарсия, которая могла эффективно поддерживать британские и американские операции на Тихоокеанском, Ближневосточном и Африканском театрах военных действий. База играет ключевую роль в поддержании военного присутствия Великобритании в регионе Индийского океана и участвует в обеспечении безопасности стратегических морских путей в Индийском океане, а также обеспечивает стоянку кораблей и стратегическое

пополнение запасов для ВМС Великобритании во время их плавания на Дальнем Востоке. Концепция «Глобальная Британия» ясно дает понять, что Великобритания продолжит сохранять постоянное военное присутствие на архипелаге Чагос [10, p. 169].

В апреле 2018 г. Великобритания создала постоянную военно-морскую базу в Бахрейне. База может поддерживать операции крупных кораблей, включая авианосцы. В то же время Великобритания также создала совместную базу материально-технического снабжения в Порт-Дукме (Duhqm) в Омане для снабжения авианосца ВМС “Queen Elizabeth” [2, p. 16].

Кроме того, небольшой склад материально-технического снабжения в Сингапуре будет переоборудован в военную базу. Британское военное присутствие в Брунее также сохраняется, и в настоящее время оно включает Королевский пехотный батальон гуркхов и вертолеты Армейского воздушного корпуса [Там же, p. 15]. Британский объект военно-морской поддержки в Бахрейне является главным военно-морским объектом для кораблей ВМС Великобритании в Персидском заливе. Там постоянно базируются четыре корабля противоминной обороны и фрегат типа 23 [Там же, p. 16]. Консолидировав военные базы и силовые обязательства, Великобритания завершит цепочку военно-морских баз, охватывающую Бахрейн – Амман – Диего-Гарсию – Сингапур – Бруней, обеспечив британский флот постоянным и устойчивым оперативным потенциалом для крейсерства в Индо-Тихоокеанском регионе.

Укрепление сотрудничества в области безопасности со странами “Quad”

В последние годы Великобритания также продолжает углублять сотрудничество в области безопасности с Японией. И Великобритания, и Япония хотят играть ведущую роль в сфере безопасности в ИТР, и обе страны имеют одинаковые стратегические устремления в области сотрудничества в сфере безопасности. Великобритания и Япония создали механизм диалога «2 + 2» в оборонной и дипломатической областях для укрепления сотрудничества в области безопасности⁵. В августе 2017 г. обе страны опубликовали «Совместную декларацию...»⁶, выступая за сотрудничество в области безопасности на глобальном уровне, особенно в ИТР, и укрепление сотрудничества в области безопасности на море, суше и в плане логистики.

⁵ Japan’s foreign policy to promote national and worldwide interests. Japan’s diplomatic Bluebook. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter3/c030103.html> (date of access: 23.06.2022).

⁶ Policy paper overview: Japan–UK Joint Declaration on Security Cooperation. UK Prime Minister’s Office. 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/japan-uk-joint-declaration-on-security-cooperation> (date of access: 12.07.2022).

В июле 2017 г. Великобритания и Австралия подписали Договор о сотрудничестве в области обороны и безопасности⁷, целью которого является дальнейшее повышение уровня военного сотрудничества между двумя странами и совместное обеспечение «основанного на правилах глобального порядка безопасности». Кроме того, Великобритания также сформировала «четверной альянс» (CANZUK) с Канадой, Новой Зеландией и Австралией для создания всеобъемлющего механизма сотрудничества в политической и экономической областях⁸.

В 2021 г. США, Великобритания и Австралия объявили о «расширенном трехстороннем партнерстве в области безопасности» – «АУКУС» (AUKUS) – и основной частью соглашения было начало переговоров о том, что три страны помогут бы Австралии приобрести атомные подводные лодки [2, р. 13]. Обеспокоенность среди стран региона вызвало также то, что AUKUS может усугубить риски регионального конфликта. Хотя вопрос распространения ядерного оружия является чувствительной темой, этот военный союз подчеркивает тесноту связей между США, Великобританией и Австралией.

Великобритания и Индия также продолжают углублять сотрудничество в области оборонной безопасности. В ключевых военных технологиях, таких, как истребители нового поколения, морские силовые установки и сложные вооружения, две страны будут использовать свои сильные стороны, чтобы обеспечить платформу для сотрудничества в разработке передовых вооружений⁹. Морское сотрудничество продолжит укрепляться благодаря учреждению ежегодного морского диалога между Великобританией и Индией и усилению оперативной координации, а также совместным учениям в регионе Индийского океана¹⁰.

⁷ International treaty UK/Australia: Defence and Security Cooperation [TS No.14/2017]. Foreign, Commonwealth & Development Office, UK. 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ts-no172017-ukaustralia-defence-and-security-cooperation> (date of access: 25.10.2021).

⁸ In what areas might the CANZUK countries work together? CANZUK Uniting. 2017. URL: <https://www.canzuk.co.uk/single-post/2017/03/08/Lilico-In-what-areas-might-the-CANZUK-countries-work-together> (date of access: 22.07.2022).

⁹ Joint statement on India–UK Virtual Summit, 4 May 2021: Roadmap 2030 for a Comprehensive Strategic Partnership. Foreign, Commonwealth & Development Office, UK. 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/india-uk-virtual-summit-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership/joint-statement-on-india-uk-virtual-summit-4-may-2021-roadmap-2030-for-a-comprehensive-strategic-partnership> (date of access: 18.07.2022).

¹⁰ UK Carrier Strike Group led by HMS Queen Elizabeth enters Bay of Bengal. British High Commission New Delhi. 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-carrier-strike-group-led-by-hms-queen-elizabeth-enters-bay-of-bengal> (date of access: 19.11.2021).

*Укрепление военного-морского сотрудничества
со странами Юго-Восточной Азии и военных операций
в регионе Юго-Восточной Азии*

Великобритания расширила военное сотрудничество со странами АСЕАН, такими, как Сингапур, Малайзия, Вьетнам и Филиппины, чтобы стратегически дополнить политику США, Австралии и Японии в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. В сентябре 2020 г. Д. Рааб, в то время министр иностранных дел Великобритании, посетил Вьетнам, и обе стороны опубликовали совместное заявление, в котором подчеркнули совместные усилия по поддержанию регионального мира и стабильности обеспечением «свободы навигации и пролета», продемонстрировав живой интерес к делам Южно-Китайского моря¹¹. В мае 2021 г. Министерство обороны Великобритании официально объявило, что авианосец “Queen Elisabeth” отправится в свой первый поход, в ходе которого планируется преодолеть 48 тыс. км по водам Средиземного моря, Индийского и Тихого океанов. Южно-Китайское море и прилегающие к нему районы находятся в центре внимания этого похода как средство защиты т.н. «свободы судоходства»¹².

*Укрепление взаимодействия в области безопасности
с островными странами юга Тихого океана*

С изменением международной ситуации Южно-Тихоокеанский регион стал стратегическим морским перекрестком с его уникальным геостратегическим положением и большим количеством стратегических точек опоры. С начала XXI в. иностранные державы обращают внимание на южную часть Тихого океана и продолжают увеличивать свои инвестиции в этот регион. В отличие от других заокеанских держав, Великобритания, как бывший суверен многих островных государств южной части Тихого океана, имеет традиционное влияние в регионе, которое нельзя недооценивать. Хотя контроль Британии над южной частью Тихого океана снижался по мере распада колониальной системы, морской доступ к южной части Тихого океана всегда был стратегической заботой Британии. Например, острова Питкэрн – единственная

¹¹ Policy paper. Joint declaration on UK – Viet Nam strategic partnership: Forging ahead for another 10 years. Foreign, Commonwealth & Development Office, UK. 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-vietnam-strategic-partnership-forging-ahead-for-another-10-years/joint-declaration-uk-vietnam-strategic-partnership-refreshed> (date of access: 25.10.2021).

¹² Carrier Strike Group deployment to visit 40 countries. Royal Navy, UK. April 26, 2021. URL: <https://www.royalnavy.mod.uk/news-and-latest-activity/news/2021/april/26/210426-csg21-deployment> (date of access: 25.08.2021).

заморская территория Великобритании в Тихом океане, обеспечивающая стыковку и материально-техническое снабжение британских военных кораблей, но из-за суровой окружающей среды они имеют гораздо меньшее стратегическое значение, чем архипелаг Чагос. Поэтому Великобритания, скорее всего, будет поддерживать традиционные отношения, в основном, за счет демилитаризации, климатической дипломатии и экономической помощи, тем самым увеличивая влияние на безопасность южной части Тихого океана.

В ближайшие годы Великобритания будет оказывать влияние на военные аспекты и аспекты безопасности ИТР. Военно-морские силы Великобритании, вероятно, будут сотрудничать со странами Quad в Южно-Восточно-Китайском морях, особенно с США, Японией и Австралией. Даже если вклад будет относительно небольшим, он, вероятно, окажет значительное влияние, поскольку не только снизит военное бремя на региональных союзников и США, но и, что более важно, отразит стратегические инвестиции.

Амбивалентность в отношении Китая

Главное препятствие для улучшения двусторонних отношений было устранено, когда Гонконг был передан Китаю в 1997 г. В это время Великобритания проводила политику «приоритета экономического взаимодействия», вписывая Китай в глобальную экономику [3, р. 1372]. По сей день сотрудничество между Великобританией и Китаем, в основном, сосредоточено на экономике, торговле и инвестициях. В настоящее время Китай является третьим по величине экспортным рынком Великобритании после ЕС и США¹³. Сотрудничество между Китаем и Великобританией в экономической, торговой и инвестиционной сферах имеет значительные преимущества: во-первых, экономическая и торговая сферы Китая и Великобритании в высшей степени совместимы с очевидными взаимодополняющими преимуществами в таких областях, как торговля товарами и услугами, энергосбережение и охрана окружающей среды, сотрудничество в области производственных мощностей. Во-вторых, инициатива «Пояс и путь» имеет много общего с Индо-Тихоокеанской политикой Великобритании, и обе стороны имеют широкий круг общих интересов.

¹³ Китай продолжает оставаться крупнейшим источником импорта Великобритании // Жэньминь жибао. 10.06.2021. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0528/c31518-9855305.html> (дата обращения: 23.08.2021). [На англ. яз.: China continues to be the UK's largest source of imports. People's Daily. 10.06.2021. URL: <https://wap.peopleapp.com/article/6222459/6122309> (date of access: 05.07.2021)].

Однако ухудшение китайско-американских отношений, а также попытки Лондона восстановить свои позиции после Брексита и продолжающееся укрепление «особых отношений» с Вашингтоном создали препятствие китайско-британским отношениям. Из-за особых отношений между Британией и США Британия всегда хотела противостоять Китаю, подчиняясь и сотрудничая с Индо-Тихоокеанской стратегией США, а также настаивая на тех же претензиях, что и США по внутренним китайским вопросам, таким, как Гонконг и Синьцзян. Следуя политике США в отношении Китая, она укрепляет свою собственную позицию и ценность в глобальной стратегии США.

Но, с другой стороны, учитывая сложные отношения между Китаем, Великобританией и ЕС, правительство Великобритании проявило значительную «рациональность» и прагматизм в области китайско-британского экономического и торгового сотрудничества, о чем свидетельствует отчет об оценке «Глобальной Британии». Великобритания считает, что ей необходимо больше взаимодействовать с Китаем и оставаться открытой для торговли и инвестиций в Китай, одновременно защищаясь от «угрозы», исходящей от развития Китая, и, в то же время, выступая за сильную дипломатическую основу для эффективного преодоления разногласий между двумя странами и сотрудничества в соответствии с их ценностями и национальными интересами¹⁴.

После официального запуска Индо-Тихоокеанской стратегии США в 2017 г. частое взаимодействие между США, Японией, Индией и Австралией в значительной степени размывало влияние Великобритании на безопасность в ИТР. Учитывая политическую дилемму Великобритании в дипломатической практике ИТР и ее хорошие торговые отношения с Китаем, ее Индо-Тихоокеанская политика сыграла крайне ограниченную роль в сдерживании мирного подъема Китая.

В то время как в Общем обзоре Великобритании построена модель военного реагирования на потенциально явного противника, как история колониализма, так и будущее после изменения климата говорят о том, что для того, чтобы Великобритания избежала ненужного конфликта, необходим более тонкий, дружный и прагматичный подход к значительным культурным и политическим различиям [6, р. 61].

¹⁴ Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. UK Government. 2021. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (date of access: 25.07.2022).

Очевидно, что Великобритания имеет крайне сложное отношение к подъему Китая и старается демонстрировать прагматизм в своих конкретных действиях.

Многосторонние механизмы и экономические интересы: другая сторона Индо-Тихоокеанской стратегии Великобритании

Великобритания усиливает взаимодействие в области национальной безопасности с “Quad”, чтобы сдерживать морскую мощь Китая. Но на макроуровне Великобритания обязана проявить прагматизм и будет использовать экономические интересы и региональные механизмы многостороннего сотрудничества как важные цели и шаги для укрепления своего влияния в ИТР.

В июне 2020 г. Великобритания подала заявку на получение статуса партнера по диалогу АСЕАН. Через этот механизм регионального многостороннего сотрудничества Великобритания пытается повысить уровень сотрудничества с АСЕАН в вопросах изменения климата и региональной безопасности, чтобы усилить собственное влияние в ИТР. Кроме того, Великобритания создала механизм диалога высокого уровня с АСЕАН посредством участия в саммитах и министерских встречах АСЕАН для дальнейшего расширения обмена и взаимодействия между двумя сторонами.

Учитывая центральное место торговли в концепции «Глобальной Британии», заявка Великобритании на вступление во «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве» (The Comprehensive and Progressive for the Trans-Pacific Partnership (СРТРР)) является одним из ключевых прорывов в продвижении этой концепции. Членство в СРТРР будет способствовать укреплению экономических и торговых связей между Великобританией и странами Тихоокеанского региона, расширению доступа Великобритании к торговым и инвестиционным возможностям, диверсификации торговых отношений и цепочек поставок, а также имеет важное значение для стратегической позиции Великобритании в ИТР. Кроме того, СРТРР открыт для цифровой экономики, внедряя современные правила цифровых транзакций и позволяя свободный поток данных между странами-участницами, что поможет Великобритании принять участие в разработке новых правил для региональной цифровой экономики и глубоко интегрироваться в экономическое развитие ИТР.

Закключение

Чтобы обеспечить плавное продвижение концепции «Глобальной Британии», Великобритания будет продолжать увеличивать свои инвестиции в ИТР, следовать за США в военной сфере и сфере безопасности, активно реагировать на военное сотрудничество между странами Quad, проявляя при этом больше самостоятельности и инициативы в политической и экономической сферах и используя международные механизмы многостороннего и регионального сотрудничества.

Великобритания будет укреплять дипломатическое присутствие и влияние в этом регионе, пытаясь сохранить колониальное наследие имперской эпохи и реализовывать британские национальные интересы. Она будет рассматривать ИТР как важный рынок, зону инвестиций и военных поставок, и будет инвестировать больше средств в ИТР для реализации своих глобальных амбиций после Брексита.

Из-за особых отношений между Великобританией и США китайско-британские отношения могут стать более хрупкими в условиях стратегического соперничества между Китаем и США, но огромный китайский рынок и надежная промышленная цепочка – это все еще то, на что полагается Великобритания, и сложная позиция Великобритании в отношении Китая в действительности будет проявляться скорее в прагматичном и коммерчески логичном поведении, чем в стратегии полного сдерживания.

Библиографический список / References

1. Годованюк К.А. Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. 2020. No. 1. С. 37–48. [Godovanyuk K. The UK Priorities in the Indo-Pacific. *Sovremennaya Evropa*. 2020. No. 1. Pp. 37–48. (In Rus.)].
2. Brooke-Holland L. Integrated Review 2021: The defence tilt to the Indo-Pacific. *Commons Library Research Briefing*. 2021. Pp. 1–17.
3. Chow W., Han E., Li X. Brexit identities and British public opinion on China. *International Affairs*. 2019. No. 6. Pp. 1369–1387.
4. Downer A. The Integrated Review as Strategy. *The intergrated review in context: A strategy fit for the 2020s?* Centre for Defence Studies, King's College. L., 2021. Pp. 53–56.
5. Gifkins J., Jarvis S., Ralph J. Brexit and the UN Security Council: Declining British influence? *International Affairs*. 2019. Vol. 95. Issue 6. Pp. 1349–1368.
6. Macleod A. China, Britain and the Integrated Review. *The intergrated review in context: A strategy fit for the 2020s?* Centre for Defence Studies, King's College. L., 2021. Pp. 57–61.

7. Oppermann K., Beasley R., Kaarbo J. British foreign policy after Brexit: Losing Europe and finding a role. *International Relations*. 2020. Vol. 34. Issue 2. Pp. 1–24.
8. Patalano A. UK Defence from the 'Far East' to the 'Indo-Pacific'. *Policy Exchange*. 2019. Pp. 1–27.
9. Simón L., Lanoszka A., Meijer H. Nodal Defence: The Changing Structure of U.S. Alliance Systems in Europe and East Asia. *Journal of Strategic Studies*. 2019. Pp. 1–29.
10. Strachan H. Commentary: Global Britain in a competitive age: Strategy and the Integrated Review. *Journal of the British Academy*. June 2021. No. 9. Pp. 161–177.

Статья поступила в редакцию 14.08.2022, принята к публикации 24.09.2022
The article was received on 14.08.2022, accepted for publication 24.09.2022

Об авторе / About the author

У Яньбинь – аспирант кафедры кафедры международной безопасности факультета мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Wu Yanbin – postgraduate student at the International Security Department of the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: yanbinwu@yandex.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2023.1

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 26.03.2023 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 11,375 п. л. Тираж 1000 экз.